ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 8

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 8

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

От редакции — О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция» 11

Ромашов Р.А. — Революционное право как форма легальной государственной репрессии 28

Аубакирова И.У. — Революция 1917 года и становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане 33

Мурсалимов К.Р. — Концепция правопонимания и правоприменительное усмотрение: методологический аспект соотношения 46

Мухаммадиев И.С. — Органы прокуратуры Таджикистана в контексте обеспечения чрезвычайных мер по организации труда и трудовой дисциплины в условиях Великой Отечественной войны 49

Сальников М.В., Щерова Н.С. — Теоретические вопросы юридической науки в специализированной периодике второй половины XIX века 58

Романовская Л.Р. — Виды толкования права по субъектам 62

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. — Конституционное развитие российского общества: о некоторых проблемах генеральной концепции 67

Скрипникова Е.А., Коротовских М.В., Плиткина К.В., Юрковский А.В. — Актуальные вопросы применения ст. 19.29 КоАП РФ: нормы административного права и проблемы борьбы с коррупцией 80

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Завурбеков Ф.З. — Институт защиты прав человека в Фатимидском халифате 85

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Никишкин А.В. — Участие понятых в мероприятиях по применению сотрудниками дорожно-патрульной службы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях 89

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Маджидзода Д.З. — Организованная преступность в государствах – участниках СНГ: некоторые направления профилактики 94

Кондрат И.Н. — Потерпевший в российском уголовном судопроизводстве и охрана его прав 105

Халиуллина А.Ф. Некоторые аспекты подготовительного этапа допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших по делам о насильственных действиях сексуального характера 112

Тазетдинов Р.Р. Особенности профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в современных условиях 117

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Бородина С.В., Петров А.В. Рассмотрение уголовного дела в выездной сессии суда: прошлое и настоящее 120

Алексанин А.С. Основы прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскного мероприятия получение компьютерной информации..... 125

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностраное право

Бабаджанов И.Х., Сальников В.П. Современная эвтаназия: законодательное признание или запрет 134

Калинина Е.В., Приходько А.В. Идеологические предпосылки и теоретические основы формирования принципа права народов на самоопределение в эпоху Просвещения 152

Клюканова Т.М. Источники уголовного права зарубежных стран 159

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Алтынкович Е.Е. Информационно-коммуникативная компетентность личности как социальная ценность и информационная культура 164

Гер О.Е., Ивановская А.Е., Сальников С.П. Становление политико-правовых концепций С.А. Котляревского 174

Исмагилов И.Р., Юбин И.Г. Вопросы отношения общества и государства в работе Г.В.Ф. Гегеля «Конституция Германии» 181

Захарцев С.И. Философская основа оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на том II монографии А.Ю. Шумилова «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: философия оперативно-розыскной науки» 189

Информация для авторов 197

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

From the editorial office — About the discussion caused by the article-presentation doctor of law, professor, honored worker of science of the Russian Federation V.V. Lazarev "Law and revolution" 11

Romashov R.A. — Revolutionary law as a form of legal state repression 28

Aubakirova I.U. — Revolution of 1917 and the formation of the Eurasian concept of the institution of public administration in Russia and Kazakhstan 33

Mursalimov K.R. — The concept of legal understanding and law enforcement discretion: the methodological aspect of the relationship 46

Muhammadiev I.S. — The bodies of the Prosecutor's Office of Tajikistan in the context of providing emergency measures for the organization of labor and labor discipline in the conditions of the Great Patriotic War 49

Sal'nikov M.V., Scherova N.S. — The theoretical questions of lawyer science in specialized periodicals of the second half of the XIX century 58

Romanovskaya L.R. — Types of interpretation of law on subjects 62

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Bulayov R.B., Andreytso S.Yu. — The constitutional development of Russian society: about some problems of the general concept 67

Skripnikova E.A., Korotovskikh M.V., Plitkina K.V., Yurkovskiy A.V. — Pressing questions of application of item 19.29 of Criminal Code of the Russian Federation: norms of administrative law and a struggle problem with corruption 80

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Zavurbekov F.Z. — Protection of human rights institute in the Fatimid caliphate 85

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Nikishkin A.V. — Participation understood in actions for application by employees of traffic police of measures of maintenance of manufacture for affairs about administrative offences 89

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Madzhidzoda D.Z. — Organized crime in the CIS member states: some directions of prevention 94

Kondrat I.N. — Victim in Russian criminal proceedings and protection of his rights 105

Khaliullina A.F. — Some aspects of the preparatory stage of the review of smallentials and minors in the affairs against energy activities of the sexual character 112

Tazetdinov R.R. Peculiarities of the prevention of child neglect and delinquencies among minors in contemporary conditions....117

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Borodina S.V., Petrov A.V. Examination of the criminal case in the court session: past and present.... 120

Aleksanin A.S. Fundamentals of prosecutorial oversight of the legality of the operative-search activity acquisition of computer information.... 125

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Babadzanov I. Kh., Sal'nikov V.P. Modern euthanasia: legislative recognition or prohibition.... 134

Kalinina E.V., Prikhodko A.V. The ideological backgrounds and the theoretical foundations of formation of the principle of the right of nations to self-determination in the age of the enlightenment.... 152

Klyukanova T.M. Sources of Criminal Law of foreign countries.... 159

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Altynkovich E.E. Information and communication competence of the individual as a social value and information culture.... 164

Ger O.E., Ivanovskaya A.E., Sal'nikov S.P. Formation of political and legal concepts of S.A. Kotlyarevsky.... 174

Ismagilov I.R., Ubin I.G. Questions of the attitude of society and the state in the work of G.V.F. Hegel's "Constitution of Germany".... 181

Zakhartsev S.I. Philosophical basis of operational-search activity. Review of volume II of the monograph A.Y. Shumilov «Science of operational-search activity in the Russian Federation: philosophy of operational-search science».... 189

Information for the authors.... 197

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

О ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ЛАЗАРЕВА «ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

Аннотация. *Приводится обзор дискуссии, ведущейся на страницах журнала, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». Анонсируются новые статьи на данную тему.*

Ключевые слова: *право; революция; дискуссия; политическая власть; легитимность; правопонимание.*

FROM THE EDITORIAL OFFICE.

ABOUT THE DISCUSSION CAUSED BY THE ARTICLE-PRESENTATION DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED WORKER OF SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. LAZAREV “LAW AND REVOLUTION”

The summary. *An overview of the discussion on the pages of the magazine caused by the article-presentation of the Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, V.V. Lazarev’s “The Right and the Revolution.” Announce new articles on this topic.*

Key words: *law; revolution; discussion; political power; legitimacy; legal understanding.*

Во втором номере нашего журнала была опубликована статья-презентация в художественных образах профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [39].

Редакция высказала предложение о том, что статья может вызвать дискуссию по таким вопросам: совместима ли революция с правом; являлась ли «кончина» Российской Империи прогрессивным явлением; Майдан-1917 в Петрограде и Майдан-2014 в Киеве – идентичны ли они; возможно ли право без права и вне права; способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право; каковы были причины, задачи, цели… и итоги февральской революции с позиции права; что такое принуждение к праву; все «по праву», но вне закона, и наоборот; ведет ли двоевластие и двоеправие к беззаконию… и др.

Мы не ошиблись. Уже в очередном, третьем номере, в контексте предложенной дискуссии были опубликованы статьи заведующего кафедрой теории государства и права ведущего юридического вуза России – Московской государственной юридической академии (университета) (МГЮА (У)), доктора юридических наук, профессора А.В. Корнева «Правопонимание в эпоху революций» [33]. Свой взгляд на рассматриваемые вопросы высказал также авторитетный петербургский ученый, доктор юридических наук, профессор Р.Б. Булатов «О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г.» [33].

Редакция получает много предложений для

участия в развернувшейся дискуссии как от отечественных исследователей, так и ученых из зарубежных стран, в том числе из США. В четвертом номере были предложены три статьи:

- Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада [44];
- Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном [3];
- Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем [14].

Вызвало определенный интерес участие в дискуссии руководителя экспертного центра «Национальная безопасность», доктора юридических наук Николая Дмитриевича Литвинова. Автор подошел к Февральской революции 1917 года в России как к завершающему этапу криминальной политики западных стран по ликвидации легитимной власти в Российской империи. Автор нескольких книг по проблемам терроризма, Н.Д. Литвинов сформулировал в статье, как в общем-то во многих из его книг, выводы, которые вызвали серьезные вопросы, с которыми порой трудно согласиться. Но они высветили под определенным углом те стороны жизни России, которые казалось бы и известны, но слабо изучены. Он, например, полагает, что за деятельностью правящего дома Романовых, начиная со времен Петра Первого, западное общество установило политический контроль. По его мнению, многие негативные события в истории России связаны именно с вмешательством извне в действия правящего дома Романовых. Слишком резко и однобоко он трактует участие России в разделе Речи Посполитой, и т.д.

Что касается Февральской революции, автор подчеркивает юридическую некорректность акта об отречении царя. Государь был вправе отречься от самого себя и передать корону своему сыну, но он не вправе был решать этот вопрос за сына, официального наследника престола по действующему законодательству, и передавать корону брату Михаилу Александровичу. Передача Верховной власти великому князю Михаилу была незаконна, великий князь Михаил не мог отказаться 3 марта 1917 года от власти, так как ею не обладал. Он не вступал в наследование престолом.

По мнению Н.Д Литвинова, акт, незаконно подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных Законов, являлся единственным юридическим основанием перехода власти к «законно» созданному Временному правительству. Конституция была упразднена, связь между новой властью и старым порядком – разорвана. Февральский переворот носил негативный характер.

Н.Д. Литвинов весьма критически относится к Государственной думе России до событий 1917 года. Он рассматривает ее как субъекта февральского государственного переворота 1917 года, при этом так оценивает Думу первого созыва: старая Дума оказалась еще более левой и оппозиционной царскому правительству. В ее состав входили более 100 человек из революционно-террористических организаций. В конечном счете Государственная Дума превратилась в скопище этнических группировок, различного рода экстремистских партий, которые враждебно относились к России. Четвертая Государственная Дума, например, в период первой мировой войны проводила ярко выраженную оппозиционную политику, что, конечно, ослабляло национальную безопасность России.

27 февраля 1917 года деятельность Государственной думы Российской Империи была прервана указом императора Николая Второго. Вся дальнейшая ее деятельность противозаконна. По существу ее решение о создании Временного комитета Государственной Думы, а затем и о создании Временного правительства – нелегитимны. Бывшие депутаты, по мнению Н.Д. Литвинова, совершили государственный переворот с захватом государственной власти. Он вносит в диспут проблему дерусификации государственной и политической элиты России.

Совершенно нетрадиционно, и далеко не так, как принято, оценивает Н.Д. Литвинов создание и деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. По его мнению, данное незаконное общественное объединение никак нельзя рассматривать как легитимную власть. Он трактует Петроградский Совет как «незаконную экстремистскую организацию антироссийской направленности». По его мнению, оба органа представляющих с февраля 1917 года в России «двоевластие», являлись нелегитимными проявлениями власти террористических группировок прозападной направленности.

В контексте статьи Н.Д. Литвинова весьма

интересна позиция члена редакционного совета нашего журнала, первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; члена бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Александрова. Он, как широко известный, авторитетный специалист в области уголовной и уголовно-процессуальной политики [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 20; 29]. ведет речь о самом главном в этой сфере, затрагивает те вопросы, которые сформулировал в своей презентации профессор В.В. Лазарев. Материал, предлагаемый профессором А.И. Александровым, будирует творческие мысли и позиции современников в интересах обеспечения легитимной и справедливой политической власти в нынешней России.

В дискуссию включилась кандидат юридических наук из Перми Елена Алексеевна Брылева. По ее мнению, к ответам на вопросы, вызываемые статьей профессора В.В. Лазарева «Право и революция», следует подходить, руководствуясь позицией, предложенной профессором В.М. Шафировым, о понимании права. Проанализировав дискуссию о правопонимании, она поддерживает вывод В.М. Шафирова о том, что «Конституция находится над законом и олицетворяет право». Поэтому к ответу на вопросы редакции журнала в развернувшейся дискуссии необходимо подходить через содержание Конституции Российской Федерации.

В пятом номере журнала была предложена позиция известного российского ученого и политического деятеля, одного из авторов ныне действующей Российской Конституции, политика, волей судьбы находившегося в центре политических событий рождения новой России [74; 76], проректора Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, и.о. декана Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Сергея Михайловича Шахрая [75]. Он как бы продолжил мысль Е.А. Брылевой о том, что к ответу на обсуждаемые вопросы следует подходить через смысл действующей Российской Конституции, на что обращает внимание и профессор В.М. Шафиров [72].

Анализируя различные типы правопонимания, В.М. Шафиров отмечает, что катализатором решения задачи синтеза различных концепций (школ) правопонимания в отечественной теории права стала Конституция России 1993 г. По его мнению, впервые в нашей истории концепция правопонимания была положена в основу и закреплена в Конституции, притом на базе человекоцентристской методологии [71].

С.М. Шахрай предложил подходить комплексно к изучению нашей истории, в том числе и революции, 100-летний юбилей которой грядет. Здесь необходимы совместные усилия политологов, социологов, экономистов, историков, философов, футурологов, и конечно юристов. Ответы на вопросы, сформулированные не только редакцией журнала, но и самой жизнью, по его мнению, очень значимы в первую очередь для элит [30; 40; 43]. Так он четко сформулировал свой подход к проблеме: «Лучше спорная конституция, чем бесспорная революция».

Интересно и справедливо оценил профессор С.М. Шахрай намерения Временного правительства сохранить прежний, основанный на результатах Судебной реформы 1864 г. «юридический быт» России [10; 13; 17; 32; 34; 35; 42; 45; 48; 49; 50; 52; 53; 68; 78; 81]. В то же время он пришел к выводу о том, что Октябрь полностью отказался от старого права, законности, юридических институтов, и за последующую свою 70-летнюю историю не смог сформулировать национальную идею соотношения права и справедливости [22; 26; 27; 70; 79; 80]. Созданная новой властью конституционная, правовая и правоприменительная системы были недосягаемы для основ гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Возвращение «домой к праву», к идеалам и идеям судебных уставов 1864 года стало возможным, по мнению С.М. Шахрая, лишь с начала 90-х годов XX века. Уроки недавней истории помогли избежать нашей стране – Союзу ССР – новой революции, гражданской войны и «большой крови» в начале 90-х годов. Общественный энтузиазм и нарастающее напряжение удалось направить не на баррикады, а в конституционное русло: на споры по конституционным проектам и предвыборную борьбу. Это

спасло Россию от кровопролития.

Существенный интерес вызывают мысли С.М. Шахрая по поводу легитимации государственной власти, его позиция по поводу отречения от власти императора Николая II совпадает с мнением Н.Д. Литвинова [44]. Действительно, отречение от власти Николая II сразу и за своего сына выглядит «странным» с юридической точки зрения. Прав С.М. Шахрай, когда полагает, что история не дала Учредительному собранию шанс заявить о легитимности новой, постмонархической власти. Прав он и тогда, когда пишет о «минах замедленного действия», олицетворяющих игнорирование требований легитимации любой государственной власти.

Весьма любопытно звучат слова автора и по поводу национальной основы построения федерации. Возможно, эта основа также выступает «миной замедленного действия», способной изнутри взорвать такое сообщество.

Очень благожелательны заключительные мысли С.М. Шахрая. Давно пора вернуть в нашу общую историю всех тех, кого мы забыли.

Доктор юридических наук, профессор В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина и доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор Ратгерсского университета Ю.Г. Фельштинский (Нью-Брансуик, США) посвятили свою статью в пятом номере журнала проблеме денег и революции [47]. Они обосновывают необходимость наличия больших денег для совершения революции, показывают, откуда революционеры брали деньги на организацию революционного движения в России, начиная с 1905 года и до Октября 1917 г. Предлагаемый в статье материал о конкретных фактах «приобретения» денег революционерами порой выглядит тенденциозно и не всегда подкреплен конкретными ссылками на источники, но его нельзя игнорировать как авторскую гипотезу.

С каждым годом все больше и больше «всплывает» фактов некорректного «приобретения» денег на нужды революции из заграничных (враждебных для России) источников, в результате экспроприации имущества у собственников и просто благодаря откровенным уголовным преступлениям, включая убийства. Предлагаемый материал еще раз свидетельствует о том, что эволюционный путь развития общества всегда более предпочтителен, нежели революционный, и задача современной мировой цивилизации заключается в необходимости предотвращения революционного движения, где бы оно не возникало и от кого бы то не исходило.

В шестом номере журнала предложил извлечь уроки из Февральской революции 1917 г. в России профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий. В результате Февральской и Октябрьской революций Россия за столетний свой юбилей пережила, по его мнению, триумф и падение: две мировых войны, две революции, слом вековых устоев, жестокие социальные эксперименты, массовые репрессии, и в то же время – построение нового государства, эпоха великих надежд, невиданного энтузиазма, творческого труда, время выдающихся открытий и достижений промышленности, науки, образования, литературы. Мы бы добавили – в космосе, в энергетике, военно-промышленном комплексе, мировоззрении и сознании людей, всей государственной идеологии [59]. Можно ли сопоставить эти, казалось бы, взаимоисключающие общественные явления?

Ю.В. Аманацкий обращает внимание читателя на то обстоятельство, что к началу второго десятилетия XX века Россия подошла как государство, претендующее на роль сверхдержавы, как лидер по целому ряду показателей общественного, экономического, финансового, демографического и других направлений развития. К 1913 г. она занимала первое место в мире, обогнав США по темпам экономического и промышленного развития. Великобритания, Германия, Франция, Япония и другие страны были далеко позади. Происходило полное перевооружение российской армии и флота. Представитель Санкт-Петербургского университета МВД приводит пророческие слова известного французского экономиста и политического обозревателя, редактора журнала «Экономист Европы» Эдмона Тери, который предупреждал: «Если дела европейской нации будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., – Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Конечно, у России к 1917 году были не только значительные достижения, но и существенные проблемы. О них также в статье идет речь.

Оценивая события февраля-марта 1917 года,

Ю.В. Аманацкий приходит к выводу о том, что они послужили «запалом для смуты, превзошедшей по масштабу потрясений ту, которую наша страна пережила и преодолела тремя веками раньше», т.е. он считает анализируемые события сравнимыми со Смутой 1611-1612 годов.

Если из Смуты XVII века Россия вышла благодаря национальному патриотизму народа, вооруженного инициативой Минина и Пожарского, то в 1917 году судьба страны была повернута в другую сторону иными энтузиастами, преследующими цели не возрождения и развития России, а разжигания костра мировой революции и слома всех национальных государственных механизмов повсеместно в мировом сообществе.

Автор статьи вновь ставит перед собой и нами вопросы:

1) Что произошло, как называть происшедшие события, как могло случиться, что такая процветающая страна, какой стала Россия к 1914 году, пала в кровавую бездну саморазрушения?
2) Как после всех жертв народ смог воспрянуть и победить сильнейшего врага – фашизм?
3) И наконец, а был ли в самом деле у России шанс сохранить стабильность, успешно развиваться и избежать надвигающейся катастрофы?

Ответы на каждый из трех вопросов, безусловно, интересны. Редакция предлагает обратить на эти вопросы внимание и подискутировать.

Ю.В. Аманацкий обращает внимание на то, что 23 и 24 февраля 1917 г. наблюдалось очень активное стачечное движение женщин. На фоне массовых забастовок возникли их протестные демонстрации, вызванные в первую очередь проблемами производства, доставки и продажи черного хлеба для семей рабочих. Бастующие сорвали великолепно организованное производство хлеба на заводе «Айваз», в связи с чем количество забастовщиков моментально увеличилось с 30 до 90 тысяч человек. По данным Охранного отделения, только лишь за один день 23 февраля из-за стачек прекратили работу 50 фабрично-заводских предприятий.

Во второй половине этого дня бастующие присоединили к себе рабочих военных заводов: Патронного, Снарядный цех морского ведомства, Оружейный, завод «По Воздухоплаванию».

Многие женщины оторвались от кухонных кастрюль и включились в активное революционное движение. Вот почему автор статьи обратился к презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [39, стр. 51] и статье редакции журнала по поводу вопроса о возможности женщин «сварить право в кастрюлях» [51]. Право в кастрюлях они сварить не способны, резюмирует он, а создать опасность для правопорядка, а следовательно, и для права в целом, вполне способны. Что и произошло в феврале-марте 1917 года в Петрограде. Редакция соглашается с такой позицией исследователя.

Ю.В. Аманацкий подробно рассказывает о том беспределе, которой творился в эти дни на Путиловском заводе, как избивали и калечили полицейских, что творилось в казармах солдат Петроградского гарнизона, как начался военный мятеж и какие жертвы он повлек за собой. Солдаты убивали офицеров, жертвами суда Линча пали сотни полицейских и городовых. Он приводит слова очевидца того времени, генерала К.И. Глобачева: «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни… не поддаются описанию. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально разрывали на части. Некоторых распинали у стен. Некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям… Одного… пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней сожгли живьем».

Исследователь говорит о предательстве интересов империи, монархии, а следовательно, и Отечества, со стороны начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева, а за ним и генералитета армии. При этом он поддерживает позицию, сформулированную ранее в статье участвующего в дискуссии заведующего кафедрой теории государства и права МГЮА(у), профессора А.В. Корнева [33, стр. 29]. Рассуждает о процедуре отречения Императора Николая II от короны и нелегитимности приобретения власти теми, кто к ней пришел, совершив государственный переворот. Здесь он солидаризируется с участвующими в дискуссии доктором юридических наук Н.Д. Литвиновым [44, стр. 29] и проректором МГУ им М.В. Ломоносова, профессором С.М. Шахраем [75, стр. 18].

Читателям интересна и приведенная им оценка февральских событий, сделанная нашим выдающимся соотечественником, очевидцем тех событий, философом И.А. Ильиным: «Крушение

монархии было крушением самой России, – считал великий философ, – отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не “российская республика”, как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель». И.А. Ильин увидел в февральско-мартовских событиях страшные предвидения наших гениальных писателей А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о бесах и бесовщине, бесчестии и оскудении духа, противопоставленном господстве зла над добром, несправедливости, прикрываемой своим антиподом, над гуманизмом и добротой.

Ю.В. Аманацкий предлагает для обсуждения вывод потомка белых эмигрантов, князя Д.М. Шаховского о том, что рассматриваемые революционные события являются «геноцидом русского народа», который привел к утрате не только элиты, но и самого драгоценного для России того периода сословия, на котором она строилась – русского крестьянства.

Ученый информирует читателей о московской научной конференции, состоявшейся в феврале 2017 года, и тех вопросах, которые там прозвучали.

- февральские события 1917 г. – трагедия для народа, снесение государства как института, легитимной, признанной народом формы организации общества;
- эти события отражали интересы не народа, не общества в целом, а потребности узких социальных групп, крупного капитала и олигархии;
- инициации Февральского переворота вызвали в стране неуправляемый хаос, объективную угрозу российскому суверенитету, которая и была реализована;
- политическая элита тогдашней России не пошла на то, чтобы свои частные интересы подчинить интересам Отечества.

В конечном счете все указанные выводы сводятся к главному: российская политическая элита не смогла, а возможно, не захотела работать на благо страны, решать системные и не такие уж страшные проблемы, которые тогда имелись. А это привело к подмене диалога резней, кровопролитием, гражданской войной.

Роль и предназначение политических элит нельзя недооценивать [28; 31; 41].

В данном случае идет речь об ответственности элит за судьбу Родины. К сожалению, в те дни столетней давности российская элита не смогла сдержать народ и спасти его от революции, хаоса, трагедии и мучений, как пишет участник дискуссии профессор С.М. Шахрай. Не смогли они весь общественный энтузиазм и нарастающее напряжение направить не на баррикады, а на обсуждение конституционных проблем и на предвыборную борьбу. Необходимо было все это течение направить в конституционное русло [75, стр. 18].

По мнению Ю.В. Аманацкого, в феврале-марте был совершен государственный переворот и началась Красная смута. Плодом Февраля стал Октябрь. Именно Февраль выступил спусковым крючком Русской смуты.

Исследователь анализирует внутренние и внешние причины государственного переворота и приходит к неутешительному выводу.

С горечью надо признать, констатирует он, что революцию сделали не только народ, иностранные агенты, постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам бредни о царской семье, генералы и даже монархисты. Получается, заключает Ю.В. Аманацкий, в наших бедах виноваты в первую очередь мы сами. И с этим приходится согласиться.

Февральские события 1917 г. – не стихийное выступление рабочих, а целенаправленная подрывная акция группы лиц, в которую входили военные генералы, руководство заводами, банкиры и политики, во главе с А.Ф. Керенским. Действовала эта группа планомерно, как считает Ю.В. Аманацкий, в интересах американских и западных банкиров, иностранных разведок, стремясь вывести А.Ф. Керенского на первые роли и придать ему образ вождя революции.

Февральский переворот, полагает ученый, устранение державного лица разрушили последнюю преграду, которая оберегала общество от лавинообразного распада и разложения. Февраль спровоцировал великую Русскую смуту.

В стране произошла «дегуманизация общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров».

Завершая свои размышления, Ю.В. Аманацкий приводит позицию главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук В. Лаврова, прозвучавшую на московской конференции. На вопрос, была ли альтернатива революции 1917 года, он ответил: Альтернативой революциям 1917 года было жесткое подавление Февральской революции. После такого подавления страна оказалась бы в числе победителей в Первой мировой войне, получила бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы в соответствии с договорами с Великобританией и Францией, продолжилось бы успешное экономическое развитие России. В целом она стала бы самой мощной военно-экономической державой в мире. Не было бы ни красного террора, ни ГУЛАГа, ни насильственной коллективизации, и, вполне возможно, мощной России удалось бы предотвратить Вторую мировую войну.

Такой ответ историка может вызвать несогласие специалистов; если это так, просим имеющимся мнением поделиться с читателями журнала.

Вместе с тем, с нашей точки зрения бесспорно другое замечание Ю.В. Аманацкого. Он полностью солидарен с автором действующего Основного закона России о том, что пусть будет спорная Конституция, чем бесспорная революция [75, стр. 17]. Весь смысл его статьи – это призыв всех к недопущению новой революции.

Профессор В.И. Крусс в шестом номере журнала предложил нам к событиям столетней давности и последовавших за этим процессом подойти с позиций изобразительно-поэтического художественного творчества. Дискутируя на разных уровнях восприятия реальности, сегодня многие, в том числе и ученые, переживают анализируемые события, обдумывая, размышляя не только в условиях прозаического восприятия, но и в творческо-художественном воплощении.

В презентации В.И. Крусса совместно с тверскими дизайнерами представлена экспозиция «Кумачовые витражи», проходившая в Центральном выставочном зале города Твери, посвященная столетнему юбилею революционных событий 1917 года и 20-летию Тверских дизайнеров. Инициатором дизайнерского исполнения арт-инсталляции выступила художник-дизайнер Ольга Котенёва-Пушко, а политико-правовое содержание в поэтической форме подготовил профессор В.И. Крусс. Экспозиция вызвала живой интерес у жителей города Твери и его гостей. Редакция журнала предлагает арт-инсталляцию читателям. Она была инспирирована обсуждаемой в нашем журнале статьей-презентацией профессора В.В. Лазарева «Право и революция».

Арт-инсталляция будирует мысли у тех, кто с ней знакомится, и вызывает определенные вопросы. Ответы на вызываемые вопросы и сами вопросы редакция надеется увидеть на страницах журнала. Более того, мы считаем необходимым представление в журнале со стороны профессора В.И. Крусса не только арт-инсталляции, блестяще «вписанной» в формат витража, с ее политико-правовым содержанием, в представляемом номере, но и в «пакете» с ней соответствующей научной статьи в будущем номере, с соответствующими коннотациями.

Профессору В.И. Круссу с коллегами-дизайнерами в арт-инсталляции удалось не только учесть ситуационный неологизм, вызванный архитектурной конструкцией фронтона Центрального выставочного зала в Твери (три пролета по восемь окон), но и вместить в архитектуру философии текст «Кумачовые витражи», что под силу лишь признанному поэтическому мастеру. Тем более, ситуация требовала «вписывания» не более двух строк в витраж. Получилось яркая по форме и глубокая по содержанию авторская концепция событий столетней давности и последовавшей за ними противоречивой истории нашего Отечества.

Предлагаемой арт-инсталляцией В.И. Крусс как бы солидаризируется с профессором Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацким в том, что события 1917 года повлекли за собой в стране последствия достаточно противоречивые: с одной стороны – отход от закона и права, уничтожение наработанного за прошедшие столетия правового материала, игнорирование достижений правового прогресса и национальной культуры в целом, ее носителей, физическое и нравственное уничтожение отечественной элиты, русской православной церкви, массовые репрессии, ГУЛАГ…; с другой стороны –

И все-таки – надежда,
а не злоба. Колокола.

Невиданный патриотизм и повсеместный массовый героизм по существу всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Уходить на закат.
В Сталинград.
Превращаться в свечение.
Русский значит – солдат.
Ополчение.
1941-1943.

Победа над фашизмом, восстановление народного хозяйства, покорение космоса, обеспечение атомного паритета с США, создание и сплочение мировой системы социализма, организация Варшавского договора и подъем на неимоверную высоту военно-промышленного комплекса, обеспечение господства государственно-правовой идеологии…

С одной стороны, как показывает в арт-инсталляции профессор В.И. Крусс:

Все, кто не веровал
в блошек подкованных
В списках расстрелянных,
мобилизованных.
1918-1921

Или:

Лагеря Вы мои, лагеря;
Завязали глаза кумачом.
Хорошо бы совсем
без царя;
полоснули по жиле
серпом.
1937

С другой:

Как это стало возможно?
Как мы такое смогли?
Тебе салютует, Боже,
советская часть Земли.
1943-1945.

Или:

Надышаться бы впрок!
Целина как испарина.
И весенний шнурок
на ботинке Гагарина.
1957-1961

А между этими историческими вехами… 1945-1961 гг. опять же не все однозначно. Жизнь без войны, но Колыма и Соловки остались. Освобождение от потерь в военное лихолетье еще не избавляло от зэковского лагеря. Кубанское плодородие. Жизнь колхозного двора (не всегда безоблачная), переполняющая сердца рядовых советских граждан гордость за истинные мировые свершения Курчатова, Королева…, оставление под «американской брюшиной» острова Свободы – Куба, плач «кузькиной матери» после сказанных слов на трибуне ООН; и в то же время горечь распространенной по всей стране (но на небольшой ее территории, объективно подходящей для этого) кукурузы; лишение декадентов гражданства и оправка их на чужбину; в то же время рубль наш, почти золотой, а «в хоккей мы канадцев порвали», застой в стране и афганские сквозняки…

Сколько много противоречий в нашей жизни! И они не закончились завершением Советской истории. События, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, не избавили нас от противоречивой жизни. Скоро мы будем отмечать 25-летие действующей Российской Конституции, которая определила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), 200-летие великого русского гения, писателя и философа Федора Михайловича Достоевского, который предупреждал нас еще в XIX веке о Бесах, стремящихся уничтожить мировую цивилизацию и сам мир. К сожалению, они и сегодня еще не извелись, не ушли из нашей жизни. Они орудуют на Украине, в Европе, в Америке, пытаются вызвать повсеместную ненависть к нашей стране и российскому народу, навязать нам свои так называемые западные ценности [11; 12; 15; 16; 18; 19; 23; 24; 25; 54; 55; 56; 57; 58; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 69], явно нам не подходящие. Они пробрались кое-куда и внутри Российского государства – на Болотную площадь, девицы из Pussy Right – на амвон главного православного храма России, к Вечному огню, чтобы пожарить на нем шашлыки. А сколько их много на площадках СМИ, театров и кино, откуда они поливают грязью нашу российскую действительность и народного Лидера, стремятся развязать новую Смуту, разжечь костер безумных потрясений, ввергнув в пучину бессмысленных испытаний российских людей.

Почему же так происходит? Этот и многие другие вопросы возникают в результате дискуссии, развернувшейся благодаря статье-презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция», которая актуализировала многие материалы, представленные в номерах 3-5 нашего журнала, а теперь и сюжеты, предложенные профессором В.И. Круссом в шестом

номере в арт-инсталляции «Кумачовые витражи» и профессором Ю.В. Аманацким в его статье.

В шестом номере нашего журнала, публикуя арт-инсталляцию В.И. Крусса, редакция высказала пожелание автору дополнительно к творческо-художественному поэтическому восприятию проблемы предложить и свое ее видение в прозаическом понимании. Такова судьба статьи профессора В.И. Крусса и доцента И.А. Крусс, обеспечивающая подход к анализу юбилейных проблем, связанных с крахом Российской Империи, через интеллектуально-нравственные искания двух выдающихся людей России рубежа XIX – XX веков – писателя Л.Н. Толстого и революционера-анархиста М.А. Бакунина. Итогом изучения данных исканий в седьмом номере журнала исследователи предложили собственный вывод о том, что решающей причиной социально-политической катастрофы начала XX века явилась глубинная деформация духовной составляющей правосознания российского народа – его сознательный или безотчетный переход от православия к атеизму, преимущественно вульгарному и воинствующему богоборчеству [37].

Совершенно правы В.И. Крусс и И.А. Крусс, когда формулируют непонимание с позиций здравого смысла, почему в одночасье и легко отреклись от «пафоса верности государству» и Императора не только радикальные революционеры, но и другие общественно-политические силы России. Почему «вдруг» чуть ли не все «государственные, общественные, религиозные институты, весь народ» оказались в состоянии «национального обморока»? Почему великая держава в погоне за «призрачными идеалами свободы» превратилась в структуру, не способную противостоять силам разрушения и зла? Почему в России не нашлось силы, способной противостоять «новой духовности», фактически – уничтожению государственности?

Это те проблемные вопросы, которые поставили ученые из Твери, и на которые предложили свои ответы.

Очень значимые проблемы. О них вели речь и другие участники дискуссии. Профессор С.М Шахрай говорил об ответственности российской элиты за события столетней давности; профессор Московского государственной юридической академии (университета) им. О.Е. Кутафина А.В. Корнев и профессор Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий писали о предательстве армейского генералитета во главе с начальником штаба Ставки М.В. Алексеевым своего Императора Николая Второго… Предали российского императора, как справедливо указывает доктор юридических наук Н.Д. Литвинов, не только генералы, но и депутаты Государственной Думы.

Участники дискуссии и В.И. Крусс вместе с И.А. Крусс обратили внимание читателей на предупреждения о возможной Смуте в России из уст гениев писателей и философов А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. Редакиця журнала вспомнила о Достоевских Бесах. Об этом же пишет профессор Р.Ф. Исмагилов в недавно вышедшем курсе лекций «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» [37]. Во вводной статье к данному курсу лекций, подготовленной профессорами В.П. Сальниковым и Д.В. Масленниковым, обращается внимание на исключительную актуальность и прозорливость позиции Ф.М. Достоевского по поводу Бесов и бесовщины. Он, а вслед за ним и Р.Ф. Исмагилов настойчиво призывают нас «уйти от радикализма, от попыток изменить общество и государство насильственным путем, минуя правовые формы, конструктивные дискуссии и современные способы интеллектуальной коммуникации» [82, стр. 16].

Российская политическая элита начала и первых двух десятилетий XX века, генералитет и депутаты Государственной Думы не смогли уйти от революционного всепоглощающего радикализма, перешедшего в гражданскую войну, и ввергшего Россию в ужасную Смуту XX века, от которой пострадали все: элита, генералитет, депутатский корпус, политики, философы, юристы, ученые и практики, простые граждане, само государство и легитимная власть.

О легитимности власти в дискуссии говорят политик-профессор А.И. Александров, автор ныне действующей Конституции профессор С.М. Шахрай, ученые, доктора наук Р.Б. Булатов, А.В. Корнев, Н.Д. Литвинов, профессоры В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина, Ю.Г. Фелшьтинский из Ратгерсского университета (Нью-Брансуик, США), Ю.В. Аманацкий из Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат

юридических наук Е.А. Брылева из Перми, то есть все без исключения участники дискуссии. Не случайно В.И. Крусс и И.А. Крусс этой исключительно значимой, безусловно актуальной и своевременной проблеме тоже уделяют серьезное внимание. И это понятно. Никто сегодня из доброжелателей России не желает ей революционного пути дальнейшего развития и совершенствования, на котором, как показала 70-летняя история жизни нашей страны, страдают все «независимо от «персональной» вины или заслуг каждого в ими совместно подготовленном и содеянном».

Совершенно понятно обращение исследователей к позиции Патриарха Кирилла, который увидел истоки революции 1917 года за два до нее века. Сразу вспоминается статья участника дискуссии Н.Д. Литвинова «Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада». Именно здесь он доказывает, что начиная со времен Петра I за деятельностью правящего дома Романовых западное общество осуществляло политический контроль, который в конечном счете и привел к смуте 1917 года [44]. Позиция Н.Д. Литвинова, конечно, вызывает много вопросов, но он прав, как и Предстоятель Кирилл, да и чета Крусс, в том, что причины переворота 1917 года необходимо искать не в начале XX века, а в значительно более раннем периоде нашей истории.

Владимир Иванович и Ирина Александровна Крусс обращаются к идейным исканиям лишь двух ярких представителей российской «элиты» и «богемы» того периода, но весьма показательным персонажам: «концептуальному» анархисту М.А. Бакунину и «зеркалу русской революции», великому писателю Л.Н. Толстому. Именно их позиции влекли миллионы людей к утрате веры и духовному «интеллектуальному помрачению» в анализируемый период истории.

Редакция журнала высказала уверенность, что позиция четы Крусс, их философско-правовые размышления еще больше актуализируют дискуссию, предложенную В.В. Лазаревым, а возможно, будируют необходимость исследования роли и других представителей «элиты» и «богемы» в судьбе февральского бунта, октябрьского переворота и «социалистической» революции.

Дискуссию продолжил заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ А.В. Юрковский. Он предложил анализ влияния исторических событий России, ее революционных преобразований, начавшихся в 1917 году, на исторические судьбы таких государств, как Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика. Автор исследовал различные типы правопонимания китайских и корейских юристов, осветил роль влияния китайских политико-правовых учений на политические преобразоваиия в изучаемых государствах, подверг сомнению легитимность существующей власти и законов. Он провел определенную аналогию между событиями 1917 года в России и 40-х годов XX века на территории материкового Китая и Корейского полуострова в контексте конкуренции различных политических классов в их борьбе за власть.

Доцент А.В. Юрковский обратил внимание на специфику конституционно-правового регулирования в КНР и КНДР, выделил предпосылки юридико-технического оформления «результатов» революции в конституционном праве Китая и Северной Кореи, провел сравнительно-правовое исследование, которое сегодня, с учетом крайних международных событий, весьма актуально [82].

В текущем номере журнала дискуссию продолжают профессор Р.А. Ромашов из Санкт-Петербурга и доцент И.У. Аубакирова из Астаны (Казахстан). Они анализируют советскую практику управления общество и государством после революции 1917 года.

Роман Анатольевич Ромашов сразу четко определяет характер революции и ее целевую установку. Он пишет: «Октябрьская социалистическая революция 1917 г. началась с вооруженного государственного переворота – события, рассматриваемого как тяжелейшее преступление во всех государствах независимо от формы правления и политического режима. Первоочередными целями революции являлись: уничтожение буржуазного государства, буржуазного права, буржуазного правосудия». И продолжает: «Творцы государства «нового порядка», охваченные воинствующим атеистическим энтузиазмом, постарались вытравить истинный смысл из таких вечных социальных категорий, как мораль, нравственность, зло, добродетель, вложив в них сугубо классовое содержание». Такой подход к установлению

правил поведения и деятельности лишил революционное право его этической ауры. Оно перестало быть нравственным, утратило всякую связь с истиной, веками устоявшейся моралью и национальными традициями. Как пишет исследователь, была утрачена нравственная ответственность судей, которые выносили десятки тысяч смертных приговоров на основании «пролетарского чутья», без достаточной правовой основы, при отсутствии установленного перечня преступлений, даже после принятия первого советского Уголовного кодекса. Не было ограничений ни для мер, ни для сроков наказаний, окончательный приговор выносился и не подлежал обжалованию.

Широко практиковалось внесудебное рассмотрение дел. В частности, при расследовании дела Чрезвычайной комиссией (ЧК) смертные приговоры приводились в исполнение тут же и без всякого суда [36; 46], да и трудовые лагеря в 1919 – 1920 гг. в основном заполнялись не в судебном, а в административном порядке. Хотя практика определения «врагов революции» и принятия к ним мер, как судебная, так и внесудебная, особенно не отличались по своим результатам в этот период.

В качестве подтверждения позиции профессора Р.А. Ромашова можно привести много примеров. Сошлемся лишь на некоторые. В частности, вспомним профессора С.А. Котляревского (1873-1939) и его коллег, судьба которых описана в статье «Становление политико-правовых концепций С.А. Котляревского», опубликованной в данном журнале. С.А. Котляревский дважды арестовывался, один раз в 1920 году судом Верховного революционного трибунала первоначально был приговорен к расстрелу, потом расстрел заменили пятилетним условным заключением. Второй раз он был арестован в 1938 году, и можно сказать, последующая расправа с ним состоялась без всякого законного настоящего следствия и суда, хотя формально 14 апреля 1939 года С.А. Котляревский был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации.

Прав, конечно, Р.А. Ромашов, когда пишет, что «первые три послереволюционных года были периодом ничем не ограниченного государственного произвола («красного террора»). Другое дело – не только первые годы после революции наблюдался государственный произвол, он продолжался и значительно дольше, об этом свидетельствует пример с профессором С.А. Котляревским.

Да разве только с Котляревским – с многими другими, очень известными и мене известными людьми. Возьмем, в частности, популярного в советское время писателя Льва Шейнина, его «Записки следователя», которыми в 50-е годы зачитывались многие. Успешный выпускник Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова, следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР, безбедно живший и имеющий шикарную квартиру в центре Москвы и двухэтажную дачу в Серебряном Бору, блиставший в компаниях, как бы мы сейчас сказали, столичной богемы человек в один момент, без каких-либо законных оснований был арестован и обвинен в политическом преступлении. А какая шикарная жизнь до этого: с 20-х годов следователь по особо важным делам, правая рука прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского. В 1936 году в 30-летнем возрасте он уже возглавлял следственный отдел Прокуратуры СССР и руководил им более 20 лет. Имел государственные награды, в том числе орден Ленина, загранкомандировки, даже в годы Великой Отечественной войны. Стал лауреатом Сталинской премии за киносценарий, который написал совместно с братьями Тур, к знаменитому фильму «Встреча на Эльбе». Имел в те годы, редкий случай, в собственности модный автомобиль «Победа», богатый гардероб, знал все дорогие московские рестораны. Он официально участвовал в работе Нюрнбергского трибунала.

В 1949 году Л.Р. Шейнина (1906-1967) освободили от должности без объявления причин, а 19 октября 1951 года арестовали по постановлению, в котором говорилось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во враждебной связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и Советского правительства».

Следствие длилось два года и завершилось только после смерти И.В.Сталина (а возможно, благодаря ей) 21 ноября 1953 года освобождением Л.Р. Шейнина из-под стражи как невиновного

[21].

С этих же позиций показательна судьба и другого известного советского писателя Льва Овалова, написавшего несколько интересных книг о борьбе наших контрразведчиков с вражескими шпионами, о чекисте-разведчике майоре Пронине, воспитывающих молодых советских граждан в духе патриотизма, любви к органам госбезопасности и Советскому государству. Наиболее примечательны в этом плане его книги «Приключения майора Пронина», «Голубой ангел», «Медная пуговица» и «Секретное оружие».

Писатель, отличающийся всегда патриотическими произведениями, имел не безоблачную судьбу. Он родился в 1905 году, в 1918 году вступил в комсомол и возглавил сельскую комсомольскую ячейку. В 1920 году он уже член ВКП(б), а на следующий год – секретарь уездного комитета Российского коммунистического союза молодежи. В 1923 году его направили на учебу в МГУ. Обучаясь на медицинском факультете, Лев Овалов занимался общественными науками, работал заведующим библиотекой, посещал занятия в литературном кружке и публиковал очерки в «Рабочей Москве» и «Крестьянской газете». В 1928 году он возглавляет редакцию журнала «Селькор», и в этом же году выпускает свою первую повесть «Болтовня». В 30-е годы он работает в редакции «Комсомольской правды», возглавляет редакции журналов «Вокруг света» и «Молодая гвардия». В 1939 году, будучи главным редактором журнала «Вокруг света», пишет для своего журнала рассказ «Синие мечи», ставший первым из цикла рассказов о майоре Пронине. В последующем шесть рассказов о разведчике были напечатаны в 1939-1940 годах в журналах «Вокруг света» и «Знамя». Отдельное издание этих рассказов выходит в серии «Библиотечка красноармейца». В 1941 году увидел свет сборник Льва Овалова «Приключения майора Пронина». В том же году журнал «Огонек» публикует роман «Голубой ангел», продолжающий серию о разведчике.

Несмотря на такую блестящую пролетарскую биографию и активную работу в комсомоле и партии, в советских журналах, выступающих рупором коммунистической идеологии, 5 июля 1941 года Шаповалов Лев Сергеевич (псевдоним – Лев Овалов) арестовывается по обвинению в разглашении секретных сведений, осуждается как враг народа и проводит 15 лет в трудовых лагерях и ссылке.

В 1956 году он реабилитируется и возвращается в Москву. Уже со следующего года пишет еще три патриотических романа о майоре Пронине, крайним из которых выступает «Секретное оружие».

Действие романа «Медная пуговица» происходит в Риге в самом начале войны. Главный герой оказывается втянутым в сложнейшую шпионскую игру. Из всех испытаний ему удается выйти с помощью опытного разведчика майора Пронина.

В романе «Секретное оружие» Пронин появляется уже в звании генерала с огромным оперативным опытом и чутьем и благородной проседью. Он руководит операцией по разоблачению шпионов западной разведки, которые стремятся похитить важное открытие советских ученых.

Каким же нужно обладать чувством любви к Родине, быть патриотом, чтобы после 15-летней ужасной попытки сломать судьбу, уничтожить личность, продолжать воспевать своим творчеством и талантом тот строй, который тебя подверг таким испытаниям! Пожалуй, это свойственно только российскому человеку.

Профессор Р.А. Ромашов обращает внимание на то, что большевики отрицали принцип верховенства закона, а следовательно, власть не принимала самого механизма законности как инструмента правового регулирования социально-политических отношений. УК РСФСР 1922 г. был сформулирован так, что преступником могли объявить любого, в том числе и не совершавшего перечисленных в кодексе деяний, если он являлся опасным для существующего строя. В этом случае применялась аналогия закона. Принцип равенства всех перед законом был для революционного права неприемлем. Значимыми для определения виновности или невиновности лица были такие факторы, как социальное происхождение, воспитание, образование, профессия – эти вопросы решали судьбу обвиняемого. Политическая точка зрения правоприменителя господствовала над юридической. Государство отождествлялось с диктатурой властвующего класса.

Позиция, изложенная в статье, как участника дискуссии, полностью созвучна мысли С.М. Шахрая о том, что после революции 1917

года власть полностью отошла от права, законности и системы юридических институтов [75, стр. 17].

Данную идею подтверждает и доцент И.У. Аубакирова. Рассматривая механизм государственного управления советского периода, она подчеркивает, что он на начальном этапе основывался на принципе формальной законности при фактическом господстве неправовых методов управления, приоритета силы над законом, отрицания прежних демократических ценностей и правовых концепций. Игнорировались разделение и независимость ветвей власти. Власть стремилась вообще, особенно первоначально, обойтись без понятия закона. Искали новые модели государственного управления, создавали ревкомы, ревтрибуналы, чрезвычайные комиссии, которые сосредотачивали у себя обширные полномочия гражданского и военного управления, но не имели четких законодательных основ и границ этих полномочий. При этом власть руководствовалась абстрактной идеей «постепенного отмирания» государства.

Предложенная в текущем номере статья профессора Р.А. Ромашова навеяла необходимость, для обоснования согласия с его мыслями, рассуждения о судьбе профессора С.А. Котляревского и двух писателей: Л.А. Шейнина и Л. Овалова. Статья же И.У. Аубакировой заставила вспомнить судьбу великого евразийца Л.Н. Гумилева (1912-1992), который провел 14 лет в лагерях. «И не было у него ни озлобленности, ни неприятия всей той страшной для него эпохи, – *писал его ученик и коллега профессор С.Б. Лавров, вице-президент Русского географического общества.* – А могла бы быть – ведь первую свою диссертацию, как и первую книгу, он «писал» в лагерях, то есть обдумывал концепцию, строил повествование, держа в голове даты, имена, события…» [38, стр. 306].

Между двумя лагерными сроками Льва Николаевича Гумилева пролегла война, фронт, где он как активный участник дошел до Берлина. Лагеря и война не сделали его жестоким, он обладал большой добротой к людям, делился теми знаниями, которые у него были, с желающими, воспитал много достоянных учеников. После второго освобождения из лагеря блестяще защитил вторую докторскую диссертацию (к этому времени – уже доктор исторических наук) по географии. Был вызвал в Высшую аттестационную комиссию (ВАК). На заседании ВАК ему задали любопытный вопрос: «А Вы кто – историк или географ?». И вторую докторскую степень ему не присудили. Экспертам было невдомек, что уже началась эпоха интеграции наук, и Л.Н. Гумилев был очень хорошим интегрантом, и не только в истории и географии, но и этнографии, востоковедении, психологии и т.д. Ревнителям «чистой» науки трудно было понять этого выдающегося энциклопедиста.

Лишь с середины 80-х годов опала с Л.Н. Гумилева была снята. За месяц до смерти он произнес запомнившиеся С.Б. Лаврову очень значимые слова: «А все-таки я счастливый человек, я всегда писал то, что хотел, а они (*случайные в науке люди – С.Л.*) – то, что им велели» [38, стр. 307-308].

И на Котляревском, и на Шейнине, и на Овалове, и на Гумилеве диктатура пролетариата и власть, установленная после революции 1917 года оставила свой неизгладимый отпечаток. А сколько в нашей стране было таких людей? Всех не перечесть. Конечно, за 70 с лишним лет существования этой власти было не только лишь плохое. Были и свершения, и достижения, и результаты. И главный из них – победа народа в Великой Отечественной войне. Именно народа, а не власти. Многое положительное делалось народом не благодаря строю и власти, а возможно вопреки, а может быть и нет. В этих годах надо видеть и понимать, в том числе, и положительное тоже. На это ориентируют, об этом и пишут Р.А. Ромашов и И.У. Аубакирова. История есть история, да, она не терпит сослагательного наклонения, но она и не позволяет ее забывать, она обязательно напомнит о себе.

Дискуссия продолжается.

Список литературы

1. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
2. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188.
3. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
11. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
12. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
13. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
14. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
15. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
16. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
17. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
18. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
21. Звягинцев А.Г. Лев Романович Шейнин (1906-1967): «Агентом иностранной разведки не был…» // А.Г. Звягинцев. Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С 334-341. – в кн. 384 с. – (Историческая библиотека «ОЛМА-ПРЕСС»).

22. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
23. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
24. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
25. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
26. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
27. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
28. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 48 с.
29. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
30. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. - 2016. - № 11. - С. 70-76.
31. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
32. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
33. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
34. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
35. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994. – 240 с.
36. Красная книга ВЧК. 2 е изд. В 2-х т. - М.: Политиздат; 1989. - Т. 1. - 416 с.; Т. 2. - 541 с.
37. Крусс В.И., Крусс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
38. Лавров С.Б. Завещание великого евразийца // Л.Н. Гумилев. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экопрос, 1994. – С. 301-312. – в кн. 336 с.
39. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
40. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения.- 2006. – № 1. - С. 8-13.
41. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? – М., 2001.
42. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 201–217.
43. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
44. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
45. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.

46. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923. – М.: СП «RuiCO», «PS», 1990. – 208 с.
47. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
48. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
49. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов: СЮИ, 1999.
50. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
51. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д.ю.н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 27
52. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
53. Рейснер М.А. Право: Наше право; Чужое право; Общее право. – Л.; М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
54. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
55. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
56. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
57. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
58. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
59. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
60. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
61. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
62. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
64. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
65. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
66. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
67. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
68. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
69. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
70. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
71. Шафиров В.М. Конституция и правопонимание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет»,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 307-318. – в сб. 344 с.
72. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
73. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
74. Шахрай С.М. Беловежские соглашения: мифы и факты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 3-5.
75. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
76. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
77. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
78. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
79. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
80. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
81. Юристы и революция – pro i contra / Авт.-сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.
82. Юрковский А.В. Отображение революции в конституционно-правовом регулировании Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 42-52.

РОМАШОВ Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург. Россия)
E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВО КАК ФОРМА ЛЕГАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕПРЕССИИ

Аннотация. *Осуществляется характеристика правовой системы на первоначальном этапе становления советского государства. На основании сравнительного анализа «буржуазного» и «революционного» права, выдвигается гипотеза правового регулирования в условиях национального конфликта, в соответствие с которой «новое» право возникает в результате разрушения предшествующей политико-правовой системы и имеет своей основной целью легализацию создаваемого «на обломках старого мира» политического режима.*

Ключевые слова: *революция; государство; государственный переворот; классовое правление; террор; революционное правосознание; революционная законность; революционное право; пролетарское чутье; преступление; государственный произвол.*

ROMASHOV R.A.

REVOLUTIONARY LAW AS A FORM OF LEGAL STATE REPRESSION

The summary. *The characteristic of the legal system at the initial stage of the formation of the Soviet state is being carried out. Based on a comparative analysis of "bourgeois" and "revolutionary" law, a hypothesis of legal regulation is put forward in the conditions of the national conflict, according to which the "new" right arises as a result of the destruction of the previous political and legal system and has as its main goal the legalization of the created "on the wreckage of the old world "of the political regime.*

Key words: *revolution; the state; coup d'état; class rule; terror; revolutionary sense of justice; revolutionary legitimacy; revolutionary law; proletarian flair; a crime; state arbitrariness.*

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. началась с вооруженного государственного переворота – события, рассматриваемого как тяжелейшее преступление во всех государствах независимо от формы правления и политического режима. Первоочередными целями революции являлись: уничтожение буржуазного государства, буржуазного права, буржуазного правосудия.

Творцы государства «нового порядка», охваченные воинствующим атеистическим энтузиазмом, постарались вытравить истинный смысл из таких вечных социальных категорий, как мораль, нравственность, зло, добродетель, вложив в них сугубо классовое содержание. «Для нас нравственность подчинена интересам

классовой борьбы пролетариата», «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление коммунизма», – писал В. И. Ленин [11, стр. 310, 313]. «У нас новая мораль. Наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее лежат славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все дозволено, ибо мы впервые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства» [9], – вторили своему идейному наставнику многочисленные ученики и последователи.

Следствием применения подобного подхода в правовой теории явилась потеря революционным правом его этической ауры. Низведя право до слепого бездуховного инструмента классового правления, марксистская теория порвала с многовековой традицией, согласно которой на правовую систему налагались этические ограничения независимо от того, были ли они кажущимися или реальными. Приняв такую точку зрения, большевики истолковали право как продолжение политической власти. Формула «революционная целесообразность равняется революционной законности» выражала признание новым режимом только такого права, нормы и принципы которого служат интересам революции [21, стр. 32].

Право вершить суд и вмешиваться в человеческие судьбы перестало быть трагической проблемой, поскольку потерял всякую актуальность вопрос о нравственной ответственности судей. Десятки тысяч смертных приговоров «врагам революции» недрогнувшей рукой подписано судьями различных судебных органов, руководствовавшихся в своей деятельности преимущественно «пролетарским чутьем». Отсутствие юридически установленного перечня преступлений обусловило осуществление «правосудия» по аналогии права, причем данный принцип имел место даже после принятия в советской России первого Уголовного кодекса. Кроме того, народным судам и революционным трибуналам не было назначено никаких ограничений для выбора мер и сроков наказания. Приговор их был окончательным и обжалованию не подлежал. Широкое распространение получили случаи внесудебного рассмотрения дел. К примеру, когда расследование производилось ЧК, приговор к смертной казни приводился в исполнение часто вообще без какого бы то ни было судебного разбирательства. Из отбывающих наказание в трудовых лагерях в 1919 и 1920 г. больше половины были направлены туда в административном, а не судебном порядке.

Можно определенно сказать, что первые три послереволюционных года были периодом ничем не ограниченного государственного произвола («красного террора» [5]). Отрицание большевиками принципа верховенства закона и, как следствие, неприятие властью самого механизма законности в качестве инструмента правового регулирования социально-политических отношений означало прежде всего качественное изменение отношения к традиционным институтам уголовного права. «Ведь теоретически, – писал Е. Пашуканис, – даже буржуазная передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба со злом сама по себе может рассматриваться как медицинско-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступлений», кодексами, с его понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т.д. вовсе не нужен. И если это теоретическое убеждение до сих пор не привело к уничтожению уголовных кодексов и судов, то, конечно, лишь потому, что преодоление формы права связано не только с выходом за рамки буржуазного общества, но и с радикальным избавлением от всех пережитков последнего» [14, стр. 23-24].

Первый УК РСФСР 1922 г. определил преступление как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядка установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [1]. Отсюда неоспоримо вытекало, что преступником можно было объявить любого гражданина, в том числе не нарушившего ни одного из действующих законов, если его деяние представлялось опасным для существующего строя. А чтобы не было сомнений в возможности уголовного преследования граждан, вообще не совершивших никаких преступных действий, в кодексе имелась ст. 7, согласно которой в отношении лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты» [1]. Этой же цели служила и ст. 16, устанавливающая ответственность за социально опасные, но прямо не предусмотренные

кодексом деяния по тем его статьям, которые содержали наиболее сходные по роду преступления, т.е. по аналогии.

«Наш УК отказался от принципа nullum crimen, nulla poena sine lege (нет преступления, нет наказания по закону). Наше определение преступления основано на его материальном содержании как общественно опасного действия; и наша мера наказания рассматривается не как возмездие за вину, а как мера правовой защиты общественного порядка. Поэтому в случае совершения такого действия, которое по всем признакам должно быть признано опасным, нельзя останавливаться перед тем, что в законе такого рода действия не указаны». И далее: «Распространение судом действия УК на такие преступления, которые не предусмотрены УК, по существу – не только пополнение недочетов кодекса. На самом деле это принцип, положенный в основу правовой защиты общественного порядка пролетарского государства ... Вот почему независимо от того, как будут пополняться имеющиеся недочеты в Особенной части УК, аналогия должна будет оставаться одним из основных принципов судебной политики» [8, стр. 46-47].

Не как временную меру, рассчитанную «лишь на облегчение перехода от права творимого по... социалистическому правосознанию, к праву, проводимому организованной волей законодательных органов», а как институт, имеющий историческую перспективу, возрастающую по мере того, как в «будущем праве ... компетенция суда будет еще шире, а... определения закона будут носить еще более общий характер», рассматривали аналогию в то время и многие другие авторы [6; 7; 20; 23]. М.А. Чельцов-Бебутов, например, писал, что «введение аналогии вполне оправдывается социалистическим правосознанием... Если видеть в обществе (в идеале) трудовое единство, определяющееся общей верховной целью, то падает понятие об уголовном кодексе как хартии свободы отдельной личности. Общее благо – общий закон, который должен быть понятен и близок каждому. Всякое же вредоносное деяние (либо бездействие), препятствующее прогрессу, есть преступление» [22, стр. 67-68].

Неприемлемым для революционного права являлся также принцип равенства всех перед законом. «Наше право не обещает никому равенства всех перед законом, – *писал в своей книге «Марксизм и уголовное право» А.А. Пионтковский,* – классовое положение преступника является одним из важнейших обстоятельств для целесообразности выбора мер социальной защиты в каждом конкретном случае. Поэтому потребность сообразовывать наказание с объективной тяжестью деяния для проведения юридического равенства органически чужды советскому праву» [15, стр. 42]. «Пролетарская» законность, опираясь на классовый подход, достаточно своеобразно трактовала принцип соответствия наказания тяжести преступления. «Не ищите на следствии доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов, – *писал известный советский политический деятель, член коллегии ВЧК и НКВД М. Лацис,* – первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии... эти вопросы и должны решать судьбу обвиняемого» [10].

Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие основные черты, характеризующие правовую систему советской России на начальном этапе ее становления: праву была предназначена чисто служебная и временная роль; вопрос о законности (как о специфическом правовом режиме применения права) вообще не ставился; подчеркивалась свобода субъектов правоприменения руководствоваться в своей деятельности не нормативными требованиями, а принципами революционной целесообразности; допускалась (а в ряде случаев и поощрялась) децентрализация правотворчества, когда судьи на местах решали, кого и за что судить; и, наконец, главное – в рассматриваемый промежуток времени государственной властью был признан абсолютный приоритет политической точки зрения над юридической. По словам Н. Неновски, в этот период государство как суверенная власть в определенном смысле сливается с диктатурой пролетариата, проявляется как ее орудие. Классовая диктатура не устанавливается законом, не обусловливается (с научно-материалистической детерминистской точки зрения) правом. Класс, который осуществляет диктатуру, формирует как государство, так и право, соответствующие исторической эпохе, общественно-экономической формации. Ни право предшествующего исторического типа,

ни законы, выражающие волю данного класса, не могут ограничить или «связать» его диктатуру [13, стр. 108]. В случае необходимости (социальные потрясения, война, классовая борьба) господствующий класс может изменять государственное устройство и действующее право [19, стр. 113]. «Как орудие классовой диктатуры, – *продолжает Н. Неновски,* – государство есть суверенная власть. Над ним не стоят никакие законы, никакие верховные абстрактные естественно-правовые принципы, которые могли бы его связать абсолютным образом. Никакой закон не может связывать выражение воли господствующих классов. Всякий закон, включая конституционный, в любое время может быть изменен или отменен, если потребности классового господства вызовут такую необходимость» [13, стр. 108-109].

Отождествление государства с диктатурой властвующего класса имело двоякую задачу. Во-первых, по существу «вне закона» были объявлены представители «враждебных» классов, практически лишенные советской властью гражданских прав. Во-вторых, несвязанность государства законом, неприятие «абстрактных, естественно-правовых» принципов означали, что и «господствующий» класс находится в полной зависимости от властной воли диктатуры, которая использует свои полномочия не по закону, а в соответствии с «интересами революции».

Коммунистическая идеология, объявленная единственным истинным учением («учение Маркса всесильно, потому что оно верно»), делала все возможное для того, чтобы сформировать у советских людей представление о том, что «истинное» знание ведет свое начало лишь с послеоктябрьского периода, и ее превосходство над иными правовыми воззрениями, теориями и концепциями неоспоримо. Своеобразная ритуализация идеологической компоненты правовой науки закономерно вытекала из того социально-психологического, религиозного по своей природе настроя, царившего в России в послереволюционное время по отношению к вождям мирового пролетариата, к руководству партии и государства [2; 3, стр. 63-64; 4]. Интересную, хотя и не бесспорную, точку зрения высказывает по этому поводу А.П. Семитко, утверждающий, что ученые-юристы (особенно на первоначальном этапе формирования советской правовой науки), как и все население в целом, воспринимали (осознанно или неосознанно) государственную идеологию, государственных вождей как новую религию и как новых пророков [18, стр. 8]. Так, М. Рейснер раскрытие классовой сущности любой идеологии, создание историко-экономического учения считал грандиозным подвигом К. Маркса и Ф. Энгельса, а процессы, происходящие в новой советской юридической науке, опирающиеся на новую идеологию, пролетарское сознание сравнивал с потусторонними, трансцендентными сверхъестественными процессами, напоминающими чудо. Говоря о «расцвете новой советской юриспруденции», он писал: «В этой области можно констатировать явление, совершенно подобное известному библейскому чуду. И если в свое время, согласно «святому преданию», ветхозаветному пророку удалось оживить целое поле мертвых костей, причем эти последние восстали вновь в образе людей, снабженными всеми свойствами человеческого духа, то нечто подобное мы можем констатировать и в области нашей юриспруденции: правовая идеология воскресла» [16, стр. 5-6]. Кстати, подобные тенденции уже имели место в России XVIII в., в эпоху петровских преобразований. Вот что по этому поводу пишет Ю.М. Лотман: «Государственно-религиозная модель не исчезла, а подверглась интересным трансформациям, в аксиологическом отношении верх и низ ее поменялись местами… Десимволизация жизни сопровождалась демонстративным затаптыванием символики предшествующего периода в грязь и выставлением ее на публичное осмеяние… Создавалась светская религия государственности…» [12, стр. 378-379]. В XX в. правительство большевиков в очередной раз попыталось кардинальным образом изменить отечественную историю, построив на обломках разрушенной Российской империи «новый мир», основанный на «новой» морали и «новом» праве. «Жестоко подавляя и разрушая традиционную веру русских, идеалы Святой Руси, новая власть обязана была, если не хотела погибнуть уже через несколько лет, дать «религиозное» обоснование своих действий. Конечно, речь не могла идти о Боге, о Царствии Небесном, об аде, о грехе перед Всевышним. Все это, с одной стороны, отменялось, самым беспощадным образом вытравливалось из сознания людей, а с другой – опускалось на землю. Вместо Бога – вождь, вместо Царствия

Небесного – счастливое будущее, коммунизм, который все обязаны самоотверженно строить, вместо ада – концлагеря, ну а за «грехи» (ошибки и отклонения от линии партии) – ответ перед ЧК… В общем, дьявольская подмена» [17, стр. 149].

Список литературы

1. Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.) // Сборник узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
2. Ачильдиев И. Идол. Очерк социологии культа личности // Юность. – 1990. – № 10. – С. 50–59.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. - 224 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 152-154.
5. Брылева Е.А., Сальников С.П. Пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних в Советской России и СССР в довоенный (1941-1945 гг.) период истории // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. - С. 156-164.
6. Волков Г.И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право / Под ред. Н.В. Крыленко. - М.: Сов. законодательство, 1935. - 232 с.
7. Зайцев Л., Тишкевич И., Горелик И. Действуют ли промежуточные уголовные законы? //Советская юстиция. – 1966. – № 1.
8. Карницкий Д., Рогинский Г. Уголовный кодекс РСФСР. Пособие для слушателей правовых вузов, школ и юридических курсов. 8-е изд. - М.: ОГИЗ, 1936. - 264 с.
9. Красный меч. – 1919. – № 1. – 3 августа.
10. Лацис М. Красный террор. – М., 1918.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
12. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. - 704 с.
13. Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. Перевод с болгарского / Пер.: В.М. Сафронов; под ред. и со вступ. ст.: Алексеев С.С. - М.: Прогресс, 1982. - 150 с.
14. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм: Опыт критики основных юридических понятий. – М., 1926.
15. Пионтковский А.А. Марксизм и уголовное право. О некоторых спорных вопросах теории уголовного права. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927. - 96 с.
16. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 276 с.
17. Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. – М.: ФИВ, 2013. - 232 с.; ил.
18. Семитко А.П. Есть ли развитие в «развитии юридической науки»? Или критерии научности юриспруденции // Юридическая наука в свете новых задач (информационные материалы). – Свердловск, 1990.
19. Теория государства и права: Учебник / Гулиев В.Е., Денисов А.И., Зорькин В.Д., Кузьмин Э.Л., и др.; Под ред.: Денисов А.И. - М.: МГУ, 1972. - 531 с.
20. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. - 511 с.
21. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917 - 1939 гг. - М.: ИГИП РАН, 1993. - 183 с.
22. Чельцов-Бебутов М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. - 92 с.
23. Шаргородский М. Д. Аналогия в истории уголовного права и в советском уголовном праве // Социалистическая законность. – 1938. – № 7. - С. 50-60.

АУБАКИРОВА Индира Ураловна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Казахского гуманитарно-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Астана, Казахстан)
E-mail: indastana@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. *Анализируется становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане. Рассматриваются основные сценария политико-правового развития Российского государства после февральских событий 1917 года. Отмечается, что механизм государственного управления советского периода уже на начальном этапе основывался на принципе формальной законности при фактическом господстве внеправовых методов управления. Подробно изучаются процесс и особенности формирования советской системы государственного управления.*

Ключевые слова: *государственное управление; евразийская концепция; советский строй; законность; Конституция.*

AUBAKIROVA I.U.

REVOLUTION OF 1917 AND THE FORMATION OF THE EURASIAN CONCEPT OF THE INSTITUTION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

The summary. *The formation of the Eurasian concept of the institution of public administration in Russia and Kazakhstan is analyzed. The main scenarios of the political and legal development of the Russian state are considered after the February events of 1917. It is noted that the mechanism of state administration of the Soviet period was already at the initial stage based on the principle of formal legality under the actual domination of extra-legal methods of government. The process and peculiarities of the formation of the Soviet system of public administration are studied in detail.*

Key words: *public administration; the Eurasian concept; the Soviet system; legality; Constitution.*

Советский период познавательно смотреть под углом зрения синергетического подхода, который связан с проблемой выбора, когда речь идет о риске «негарантированного» будущего. Вместе с тем, неверно полагать такой выбор абсолютно произвольным: он производится «в поле взаимодействия собственного исторического прошлого (давления национальных традиций), современного опыта и внешних влияний», имеет аксиологическую сторону, обусловленную «ценностными самоопределениями и ориентациями, с духовным самочувствием народа», и онтологическую сторону, связанную «с пониманием истории как неопределенной, открытой, альтернативной

(стохастической) или «закрытой», безальтернативной, линейной» [35, стр. 5-6, 37-39].

Отсчет истории советской системы государственного управления следует вести с точки бифуркации – февральских событий 1917 года, вызванных нарастанием энтропии в дореволюционной системе государственного управления, создавшей предпосылки для возобладания анархистского типа политического сознания над этатистским. Последнее обстоятельство «прогнозирует возможные негативные последствия тех или иных сторон, форм, методов государственной деятельности, предупреждает, нередко в метафорической форме, о кризисе и крахе государств, о завершении стадий, этапов государственной эволюции» [45, стр. 181]. При этом, по мнению В.Д. Зорькина, «к бушующему разливу привела системная дерегуляция, порожденная неспособностью элиты Российской империи вовремя исправить регуляторы, позволявшие эффективно управлять государством и обществом» [22, стр. 21].

В этой исторической «развилке», полагаем, было три основных сценария политико-правового развития.

Первый вариант – Россия могла выбрать буржуазную модель государственного управления с установлением либо республиканской формы правления (с сильной властью правительства) либо конституционной монархии. Полагаем, этот эволюционный путь был возможен в том случае, если бы правящая элита смогла объединиться, преодолеть внутренние разногласия и противостоять вырвавшейся наружу народной стихии, которую на практике и направили в нужное для себя русло радикальные политические силы.

Второй вариант развития событий, который был вполне реален – это прекращение существования государства как такового. Сложная историческая обстановка Первой мировой войны и столкновение интересов ведущих мировых держав, их давление, преследование ими своих геополитических интересов на территории России, которые впоследствии проявились в иностранной интервенции на территорию страны, делали вполне реальным негативный сценарий распада державы. Процессы энтропии приняли бы необратимый характер, а центробежные силы разорвали бы государство на еще более мелкие осколки, нежели это случилось в действительности.

Третий сценарий, по которому и пошло развитие – это выбор особой модели государственного управления, не похожей ни на западную модель либеральной демократии, ни на прежнюю модель самодержавного управления.

Словом, история в очередной раз актуализировала проблему «об объективном выборе России между самоопределением в семье европейских народов и самоопределением в границах Востока» [35, стр. 36]. По мысли Ш. Эйзенштадта, «ключ к распространению социализма и коммунизма следует искать в уникальных чертах встречи незападных, неевропейских обществ с (западной) цивилизацией» [48, стр. 240]. Выбор третьей модели в точке бифуркации оказался предопределен комплексом социоисторических причин, в том числе цивилизационного характера. Евразийские народы не принимали западные либеральные ценности как идеологически чуждые, однако и возврата к прежнему политическому режиму в силу потери им своей легитимности не желали, в то время как идеология коммунизма оказалась созвучной ценностям соборности и общинности, патернализма и сильного государства.

Большевики в своих лозунгах призывали к разрушению самодержавия и передаче власти и управления народу через Советы, раздачи земли крестьянам, прекращения участия в войне. Словом, в своих лозунгах декларировали ту вольницу, которая соответствовала вековым народным чаяниям. В оценке Н.Н. Алексеева события 1917 года являлись победой «казацкого идеала», т.е. идеала народного, демократического, согласно которому «главная политическая сила – это народ, олицетворенный в образе мифической, богатырской силы, в образе крестьянского сына, вольного казака Ильи Муромца и других богатырей, символизирующих также народную, земскую мощь. Но в то же время – это демократия первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая. В ней нет места какому-нибудь организующему началу, нет места праву. На основе такого демократического быта может строиться степная казацкая вольница, но на ней не построишь никакого государственного порядка». И такой идеал воплотился в «государстве советов» как особой форме русского *восточного демократизма* (выделено нами – И.А.) [11, стр. 106-107].

В восприятии евразийцев революция

«отразила циклический характер российской истории и вынесла на своей волне народные идеи (народоправства, социальной справедливости, твердой власти), перманентно определяющие государственное и правовое бытие России» [34, стр. 7]. «Сколь бы решительным отрицанием прошлого ни представлялся советский строй, – *полагает О.В. Мартышин,* – он не мог не нести на себе печати национальных традиций и национальной истории. Характерно, что одними из первых это подметили евразийцы...» [30, стр. 26-27].

Главный недостаток советского строя, по мысли П.Н. Савицкого, заключается в заимствовании чуждой западной (марксистской) идеологии, но, при этом, «народный большевизм, большевизм как практика, существенно разошелся с тем, что для него надумали его первоначальные вожди... Как осуществление, большевистский социальный эксперимент по своим идеологическим и пространственным масштабам оказался без прототипов в истории Запада и в этом смысле явился своеобразно российским» [37, стр. 104]. Большевики отрицают индивидуализм, либеральные и демократические учреждения, буржуазные права и свободы, европейский парламентаризм. Более того, вопрос о взаимоотношении власти и личности большевизм решил даже «слишком «по-азиатски», безраздельно отдав личность на службу государству» [10, стр. 147-149]. Для евразийской культуры вполне органичен дух советского строительства, при котором «воскрешается романтика общего сотрудничества, общего дела и коллективной солидарности всех трудящихся». Н.Н. Алексеев в ракурсе анализа вопроса о частной собственности ссылается на программу партии эсеров, которая в вопросе устройства поземельных отношений установила, что «стремится опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, особенно на распространенное среди него убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд». Подобная стратегия была взята на вооружение большевиками. В изданном Совнаркомом в 1917 году декрете «О земле» помещичья собственность на землю отменялась немедленно, без всякого выкупа и земля объявлялась принадлежащей всему народу [13, стр. 227-228, 233].

Советский строй, несмотря на все свои особенности, не был чем-то чуждым для культуры евразийских народов: «Под оболочкой нового общественного идеала скрыто присутствовали почти все идеалы предшествовавших периодов, начиная с киевского, но одни из них были ориентирами практической политики, а другие – фасадом, камуфлирующим ее суть» [16, стр. 343-344]. При этом именно в области управления делами государства большевики менее всего руководствовались теориями, ставя во главу угла прагматические соображения, поскольку осознавали, что «вызванный предвзятыми утопическими теориями неудачный шаг в этой области мог бы повлечь за собой падение их власти» [44, стр. 111]. Советский строй можно рассматривать как «особую, приспособленную к российско-евразийским условиям, форму представительства и управления» [38, стр. 522]. Несмотря на декларации советских руководителей построить новую модель взаимоотношений власти и общества, совершенно отличную от прежней, имеющую глубоко «народный характер», управление делами государства оформляется и развивается в соответствии с веками сложившейся этатистской политико-правовой традицией. Экономической основой подобной модели стала формально общенародная, но фактически государственная собственность на средства производства.

Процесс утверждения новой ценностной системы носил противоречивый и неоднозначный характер. Общественное сознание, с одной стороны, характеризовалось «генетической» преемственностью с ценностями и нормами (связанными во многом с традиционалистским, иррациональным мировосприятием), сформировавшимися в предыдущие столетия. Однако, с другой стороны, в процессе советской модернизации (индустриализации, культурной революции), когда решались задачи воспитания нового человека, создания новой исторической общности и построения нового типа государства, происходила определенная трансформация системы прежних представлений (в сторону рационализации через пропаганду, в частности, атеистических воззрений и убеждений о возможности рационального переустройства общественных устоев на научных началах). Социокультура медленно подвергалась переменам, несмотря на все усилия советской власти внедрить в «мелкобуржуазную» крестьянскую среду (в которой

виделась главная угроза реставрации прежних отношений) новые «пролетарские» ценности. И, хотя многие укоренившиеся в народе установки в новых условиях внешне видоизменялись, приобретая иную форму, все же социокультурное ядро, по сути, в глубинных своих основаниях оставалось константным.

Следует присоединиться к мнению, что новый тип государства было государством «окрестьяненного города». Оно заимствовало из деревни «не только «отцовскую» культурную матрицу. Подобно общине, это государство отторгало частную собственность... Подобно общине, это государство «безвозмездно» взяло на себя определенные социальные функции, существенно их расширив и возведя в ранг «преимуществ социализма» (бесплатное здравоохранение и образование, предоставление жилья, пенсионное обеспечение и др.)... Подобно общине и ее замкнутому укладу, это государство изолировало страну от мира, противопоставив советское коллективное «мы» тому, что именовалось «враждебным капиталистическим окружением» [16, стр. 355].

Рассматривая механизм государственного управления советского периода, отметим, что он уже на начальном этапе основывался на принципе формальной законности при фактическом господстве внеправовых методов управления; приоритета силы над законом; отрицания буржуазных демократических ценностей и правовых концепций, таких как разделение и независимость ветвей власти (вместо него провозглашался принцип полновластия советов); отрицание принципа самостоятельности местного управления (органы местного управления входили в строго иерархическую систему соподчинения органов государственного управления). Все эти факторы не противоречили евразийской социокультурной и политико-правовой традиции, сложившемуся способу нормативности. «С установлением Советской власти, – отмечается в юридической литературе, – была предпринята, как известно, попытка вообще обойтись без понятия закона. Нормотворчество начиналось с «революционных» декретов, деклараций, инструкций, резолюций, воззваний, обращений, выступавших в качестве документов конституционной значимости. Многие распорядительные постановления ВЦИК, его Президиума не облекались в особую форму акта, хотя содержали в себе нормативы и включались отдельными статьями в законодательные решения» [21, стр. 44-45].

По справедливому замечанию С.М. Шахрая, революционная власть отошла от права надолго и стала возвращаться к нему лишь в 90-е годы XX века. «Октябрь провозгласил полный отказ от старого права, законности и системы юридических институтов, – *пишет он.* – В этом новой власти помог определенный диссонанс, который имел место между хранившейся в народном правосознании идеей справедливости и «старым» правопорядком. И хотя диктатура пролетариата предложила свою формулу правовой идентичности, основанную на марксистском представлении о праве как классовом явлении, взявшие власть большевики не один десяток лет блуждали в поисках подходящей теории нового права, но так не смогли найти национальной идеи соотношения права и справедливости». И далее замечает: «Только в начале 90-х годов XX века мы начали по-настоящему возвращаться «домой – к праву»» [46, стр. 17, 18].

В рамках экспериментов по поиску новой модели государственного управления создавались различные органы государственной власти переходного периода. Говоря словами В.В. Сорокина, «российский цикл переходности в 1917-1920-х гг. был перенасыщен чрезвычайными методами управления. Создавались ревкомы, ревтрибуналы, чрезвычайные комиссии, сосредоточивающие обширные прерогативы гражданского и военного управления, но не имеющие четких законодательных основ своих полномочий» [40, стр. 67]. Позднее, с укреплением новой власти правовое оформление в актах конституционного характера призвано было легитимировать советские государственные органы. В пункте 35 Конституции РСФСР 1918 года [5] провозглашалось, что «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов образует Совет Народных Комиссаров для общего управления делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и отделы (народные комиссариаты) для руководства отдельными отраслями управления». Также в Основном законе рассматривалась организация управления на местах. Например, устанавливалось, что «в тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления разрешаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно» (пункт

57). Вместе с тем, как отмечают современные исследователи, «многие институты новой власти не соответствовали Конституции РСФСР 1918 г. Прежде всего – ревкомы, которые фактически приостанавливали формирование и деятельность Советов на местах» [40, стр. 67].

Марксистская доктрина предполагает постепенное «отмирание» государства. Однако и в начальный период, и на последующих этапах истории советского государства данная идея оставалась абстракцией. Ориентация на этатистские методы управления делами государства являлась доминирующей даже в те периоды, когда они вступали в явное противоречие с политической доктриной. Большевики очень скоро убедились в необходимости государственного аппарата, констатируя, что «жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате» [28, стр. 169].

Авторами отмечается, что «несмотря на формальное законодательное закрепление советского федерализма, в действительности взаимоотношения «центра» и союзных республик строились на принципах жесткого централистского управления, свойственного, как известно, унитарным государственным образованиям. СССР и РСФСР как федерации были «сотканы» из противоречий, а формы их государственного устройства были реально построены на унитарных началах» [20, стр. 7]. Вместе с тем, именно при советской власти были созданы национально-государственные образования с соответствующими границами, государственной атрибутикой, конституциями. Составной частью советской политики в области государственного управления следует считать политику «коренизации» государственного аппарата, когда механизм государственного управления «настраивался» применительно к местной специфике. В частности, такая политика заключалась в следующем: «коренизация как социально-политическая проблема решалась в двустороннем процессе: с одной стороны, это было приближение государственного аппарата к массам посредством перевода делопроизводства на их родной язык; с другой стороны – вовлечение самих трудящихся коренной национальности в деятельность советского государственного аппарата» [32, стр. 27]. В Конституции РСФСР (утверждена Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925) [7] было закреплено: «За гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики признается право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе» (п.13). Данная норма была актуальна для управления и в советском Казахстане, который до 1936 г. входил в состав РСФСР в качестве Киргизской, а позднее Казахской АССР [23; 24; 41].

Советские руководители пытались нивелировать недостатки «традиционного парламентаризма и прежде всего избежать участи превращения парламентов в «говорильни», поэтому за основу ими был взят марксистский постулат о необходимости «соединения законодательной деятельности и функции исполнения законов в **одном органе** – в выборном представительном учреждении» [36, стр. 326]. Подобными органами власти и управления и стали Советы – изначально возникавшие как плод стихийного творчества масс, воплотивших вековые мечты о вечевом идеале народовластия.

Предполагалось, что «порядок формирования, структура и функции Советов обеспечат сочетание достоинств представительной и непосредственной демократии, поскольку Советы органически связаны с населением, и послужат средством привлечения народных масс непосредственно к управлению государством и обществом в целом». Однако в советской практике «все государственные органы, а не только Советы, являлись субъектами государственной власти в пределах своей компетенции, и в этом смысле Советы никогда не были единственными органами государственной власти, никогда не являлись непосредственно полновластными органами». При этом в самой системе Советов решающая роль принадлежала управленческому аппарату и исполнительно-распорядительным структурам, которые, в свою очередь, рассматривались как «основной рычаг осуществления руководящей роли коммунистической партии». Нормы Конституции СССР 1936 года диктовали относительную независимость и самостоятельность судебных органов, подчинение их только закону, но на практике судьи были лишены самостоятельности и независимости. Принцип же осуществления правосудия только судами был конституционно установлен лишь в 1977 году

[36, стр. 327-330].

В общественном сознании закреплялась установка связывать конституцию с именем политического лидера страны, и Конституция 1936 года именуется, как сталинская [8, стр. 203]. Власть приобретает персонифицированный, сакральный характер, что вполне вписывалось в традиционные ценности: «Образ «отца народов» мог сформироваться только на основе «отцовской» культурной матрицы, т.е. восприятия большого, государственно организованного общества как большой патриархальной «семьи народов» [16, стр. 354].

В процессе формирования советской системы государственного управления обозначились особенности взаимоотношений государства и общества, характерные для СССР практически на всем протяжении его истории. К таковым особенностям относится несомненный приоритет общих интересов над частными (наследие многовековых традиций общинности, доминанты государства по сравнению с отдельной личностью); сохранение патерналистского модуса и этатистского мировоззрения подавляющего большинства населения; приоритет в защите социальных и культурных прав по сравнению с политическими и экономическими. При этом правовой идеализм в обществе граничил с правовым инфантилизмом, который обозначился в противоречивых устремлениях: с одной стороны, проявился апофеоз патернализма в культе «отца народов», с другой стороны, – отчетливая тенденция возложить на государство ответственность за все, вплоть до того, что происходит и в частной жизни граждан.

Иными словами, социальный инфантилизм общества выражался в неумении принимать ответственность за собственную судьбу, без чего невозможно обеспечить полноценное функционирование институтов гражданского общества. Однако, как упоминалось ранее, в отсутствии навыков самоуправления неминуемо смещаются пределы государственного вмешательства в сторону этатистской модели взаимоотношений общества и власти. Управляемость общества, которой добивалось советское государство при Сталине, была основным инструментом намеченных масштабных преобразований.

Широкие социальные программы способствовали формированию советского типа патернализма, который стал своеобразной основой для легитимации политического режима. «Советские годы вернули большинству граждан привычку рассчитывать прежде всего (и даже исключительно) на государственный патернализм..., когда в обмен на лояльность человек получал некоторый набор благ (привилегий, а не прав) хотя бы в пределах гарантированного неполного среднего образования, медицинского обслуживания, рабочего места, пенсий», – констатирует Л.Е. Лаптева [27, стр. 76].

Значимость системы государственного управления как механизма проводимых в обществе преобразований подтверждает тот факт, что в законодательстве была установлена особая категория преступлений – «преступления против порядка управления», к которой относились нарушения избирательного закона, злостный неплатеж установленных законом налогов и сборов, отказ от выполнения государственных поставок и повинностей, уклонение от призыва и от обязанностей военной службы, нарушение законных распоряжений органов власти (ст.21 Закона СССР от 16 августа 1938 года «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик») [6]. Законодательному оформлению института государственного управления в государстве уделялось особое внимание на всех уровнях советской системы правового регулирования, что вполне объяснимо – в эпоху коренных преобразований система государственного управления была фундаментальным оплотом проводимых реформ.

Конституция СССР 1936 года включала отдельную главу VII «Органы государственного управления союзных республик», согласно которой устанавливался правовой статус Совета Министров Союзной республики, Министров Союзной республики и Министерства Союзной республики*.

По образцу общесоюзной Конституция РСФСР от 21 января 1937 г. включала отдельную главу VI «Органы государственного управления Автономных советских социалистических республик», устанавливающую правовой статус Совета Народных Комиссаров АССР, Народного комиссара АССР и Народного комиссариата АССР [3]. Нормы об управлении включались и в конституционные акты советского Казахстана [25]. Конституция КазССР 1937 г. установила нормы, касающиеся ведения республики. Были сформированы высшие республиканские и местные органы государственной власти, контроля за исполнением законодательства, охраны

государственного и общественного порядка и прав граждан, взимания налогов (ст. 19) [4, стр. 254].

Принцип законности ограничивался политическими принципами и волюнтаристским применением средств внеправового насилия, однако закон больше не отрицался как таковой и даже наиболее одиозные политические решения оформлялись, как правило, теми или иными правовыми средствами, дабы придать им внешнюю легитимность. Вместе с тем, как отмечают исследователи, Конституция СССР 1936 года и последовавшие за ней конституции союзных и автономных республик закрепили понятие закона без каких-либо дефиниций. Являясь высшими органами государственной власти в период между сессиями Верховных Советов, президиумы принимали «указы законодательного характера», которые действовали временно и вносились на утверждение ближайшей сессии Верховного Совета. Однако различия между указами и постановлениями президиумов Верховных Советов носили, по сути, формальный характер. На практике принимались нормативные документы в виде различных министерских «писем» (директивных, инструктивных, циркулярных и др.), не предусмотренных действовавшим законодательством [21, стр. 45-46]**.

Существенный сдвиг произошел в обеспечении участия женщин в управления делами государства. Так, статья 100 Конституции Казахской ССР 1937 года закрепляла норму, согласно которой «сопротивление фактическому закрепощению женщин», в том числе организация сопротивления вовлечению женщин в государственное управление и общественно-политическую жизнь, «карается законом» [31, стр. 230]. Положения Конституции КазССР 1937 года закрепили право граждан на отдых. Гарантировалось материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности за счет государства, бесплатную медицинскую помощь, предоставление в пользование трудящимся широкой сети курортов (ст.97). Конституционно закреплялось право граждан на всеобщее бесплатное образование (ст.98) [31, стр. 237].

В ракурсе теоретической юриспруденции отмечается, что успехи, которые действительно имели место в управлении делами советского государства, объясняются в немалой степени тем, что «реальная практика опиралась на вековые российские традиции: коллективизм – на общинность и соборность, трудовой энтузиазм – на трудовую российскую мораль, укрепление государства – на державность и т.д [43, стр. 196]. Советская политико-правовая культура сохранила традиции сильной централизованной власти, преобладания политической целесообразности и морали (как «социалистической») над правом, приоритет интересов государства над интересами личности, отрицание неприкосновенности права на частную собственность, коллективизм, принцип единства прав и обязанностей.

Можно поставить вопрос о том, представляла ли собой выбранная модель государственного развития попытку догнать Запад, осуществив модернизацию в соответствии с зарубежными эталонами? Полагаем, что в таком аспекте можно говорить только об *экономической* модернизации, которая, по сути, представляла собой инструмент для достижения целей советского государства – а именно, достижения коммунистического общественного идеала. Попытку догнать Запад следует рассматривать лишь в контексте экономической конкуренции, поскольку западные идеологические, политико-правовые ценности отвергались, а новеллы в правовом регулировании социальной сферы и практиках заимствовались и самими западными странами. Советское государство искало свои пути политической и социальной модернизации и стремилось создать собственную модель государственного управления.

С середины 1960-х годов стала проявляться «тяга к устоявшимся, проверенным централизованным командно-административным методам государственного управления. Боязнь нового, нежелание менять существующее положение дел и обусловили догматизм и консерватизм данных методов» [43, стр. 197]. Система советского государственного управления в этот период постепенно приобретала качества фундаментальности и стабильности [42, стр. 30-32], однако это же делало ее все более громоздкой и неповоротливой, затрудняя обмен управленческой информацией между ее различными элементами, усиливая бюрократизацию.

Конституция СССР 1977 г. (и, соответственно, Конституции РСФСР и КазССР 1978 г.) устанавливала широкий перечень как прав и свобод, так и обязанностей советских граждан (принцип «единства прав и обязанностей») [1]. Нормы,

касающиеся взаимоотношений граждан и государства, предусматривали ограничительные оговорки: права и свободы могли использоваться только «в соответствии с целями коммунистического строительства» или «в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя» [16, стр. 390-391].

Советский конституционализм, по сути, не признавал конституцию в качестве института, устанавливающего предел государственно-управленческого воздействия на общество, разделение властей и автономия личности отрицались, права последней рассматривались как дарованные государством. В этом ракурсе Н.Н. Алексеев следом за Г.С. Гурвичем полагал, что, хотя слово «конституция» закрепилось в советском законодательстве и юриспруденции, но не в понимании «ограниченного образа правления», а скорее в качестве некоторой основы всей государственной жизни [9, стр. 44].

Взаимодействие между государством и личностью понималось преимущественно в категориях взаимных обязательств: с одной стороны, личность, призванная исполнять «социалистический долг» перед государством за его заботу, с другой – государство, обязанное показывать свой народный характер посредством проведения выборов в Советы. При этом важен был не результат (как известно, он заранее был предопределен), а сам факт проведения выборов, что призвано было придавать легитимность государственной власти. Иными словами, советская модель во многих своих очертаниях воспроизводила традиционную евразийскую модель взаимоотношения власти и общества. Вместе с тем, ряд советских политико-правовые новаций, проводившихся в рамках социалистической идеологии (принцип народовластия, политические права и свободы) не укладывался в традиционную евразийскую схему взаимоотношений государства и личности, приходя с ней в противоречие. Следует согласиться с мнением, что вся история советского типа демократии и ее политико-правовых форм есть, по сути, борьба двух противоположных тенденций: расширения конституционных форм демократизации, с одной стороны, и тенденции к ее ограничению и фактическому отказу от конституционных гарантий свободы и прав личности в текущем законодательстве и общественной практике – с другой, и в этих тенденциях Б.С. Эбзеев усматривает отражение борьбы личного и государственного начал. Приоритет государственного начала обеспечивался не только мощью репрессивного аппарата, но и благодаря патернализму советского государства – оно брало на себя заботу о материальном благополучии граждан, а те в ответ были обязаны государству безусловным послушанием и поддержкой [47, стр. 163].

Завершающий период советского государства (1985-1991 гг.) характеризует нарастание внутренней энтропии системы. Требовалось осуществление системных преобразований, которые обеспечили бы выход советской системы управления на качественно новый уровень. Без этого «диалектического скачка» стабильность советской системы постепенно стала обращаться в стагнацию.

Провозглашение курса на «перестройку» в 80-е гг. XX века затронуло все сферы государственной жизнедеятельности, прежде всего, государственное управление. Однако, как отмечает В.Н. Синюков: «Уровень развития политической и правовой культуры в стране оказался недостаточным не только в сфере научной, но и конкретно-управленческой рефлексии предлагавшихся к осуществлению политических программ» [39, стр. 307]. Вероятно, ориентация на эволюционный подход позволила бы осуществить реформы более безболезненно (Китай), но попытки перестроить «с ускорением» вызвали дезорганизацию, потерю управляемости общественными процессами. Стремительное нарастание энтропийных процессов стало главным образом результатом проведения кардинальных реформ в условиях отказа от прежней парадигмы государственного строительства, но при отсутствии новой научно обоснованной парадигмы, максимально учитывающей вызовы, угрозы и риски, в том числе институционального характера. В этом ракурсе С.А. Авакьян отмечает, что «во-первых, сами руководители не имели четкой концепции истинного социализма, и лучше представляли лишь негативные моменты прошлых этапов, от которых надо избавляться; во-вторых, довольно скоро руководство стало терять нити управления процессами, и в этой ситуации у существовавших и быстро возникавших новых сил – и политических, и региональных – начали возникать диссонирующие с официальными оценки предшествовавших этапов, иные идеи и предложения о путях развития страны. Причем

смелость оценок приходила по мере развертывания перестройки; начиная с совершенствования социализма, многие затем пришли к его отрицанию и предпочтению других социально-политических формаций» [8, стр. 226].

Центральная власть в усложняющихся политических, социальных и экономических условиях все рельефнее демонстрировала свою неспособность реализовывать функции сильного государства, патерналистские и иные установки, особо значимые для евразийских народов. Учитывая особенности правового сознания евразийских народов, для которого свойственно *персонифицированное* восприятие государственной власти, когда и достижения, и проблемы в практическом осуществлении функций государством непосредственно связываются с человеком, стоящим во главе государства, общесоюзная власть во главе с лидером страны стала терять легитимность, а следом и способность управленческого воздействия на общественные отношения. Вместе с этим создавались благоприятные условия для усиления в обществе проявлений правового нигилизма, раскола в рядах правящей элиты.

12 июня 1990 года на I Съезде народных депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете, в которой провозглашался суверенитет РСФСР, верховенство Конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР. 25 октября 1990 года Верховный Совет КазССР принимает подобный политико-правовой документ – Декларацию о государственном суверенитете КазССР. Е.А. Лукьянова в этом ракурсе отмечает, что главной особенностью СССР на момент его создания было сплочение республик на базе РСФСР и во многом за счет богатой кадрами и ресурсами РСФСР, игравшей государствообразующая роль, и выход отдельных республик был бы хотя и болезненным, но не разрушительным для СССР, но только ее выход мог поставить и поставил точку в существовании союзного государства [29, стр. 10]. С начала 1990-х годов государственно-правовое строительство в России и Казахстане начинает осуществляться на иных парадигмальных основаниях и в новых политико-правовых реалиях.

Вопросы, касающиеся феномена государственно-правового строительства в СССР, уникального по своей новизне, масштабам и результатам, довольно сложные и многоаспектные, над ними будут биться умы еще многих поколений юристов и философов, и, пожалуй, наиболее беспристрастную оценку смогут дать те из них, кто появится на свет в отдаленном будущем, хотя вряд ли в силу неоднозначности данного феномена в подобных исследованиях когда-нибудь будет поставлена окончательная точка. Но при этом, полагаем, необходимо отметить следующее. В современной юридической литературе Советское государство и правовой строй нередко интерпретируются в крайне односторонне-негативных категориях. Утверждается, что, «развитие страны шло по пути усиления авторитарного режима, вульгаризации социалистических и коммунистических идей, усиления фискальных и карательных функций государства, вооруженного противостояния «идеологическим» противникам в лице «капиталистических» стран, превращения государства в авторитарно-эксплуататорское» [33, стр. 65-66]. И такая трактовка имеет под собой веские основания, особенно учитывая последствия деятельности советского репрессивного аппарата в 1930-е – нач.1950-х годов.

Вместе с тем, принцип научной объективности требуют, не допуская редукционистских объяснений, учитывать весь комплекс политических, правовых и иных факторов, явлений и процессов, в том числе связанных с социокультурными аспектами. С учетом рассматриваемой проблематики вопрос стоит о следующем: существовала ли возможность осуществить модернизацию (политическую, экономическую, социокультурную) на евразийском пространстве *не авторитарными* государственно-управленческими способами и методами? Всемирная политико-правовая история до сей поры не знает примеров, когда подобный переход осуществился в странах с незападной политико-правовой традицией не в рамках авторитарного режима, а посредством утверждения на собственной правокультурной основе демократических принципов, самоорганизации и саморазвития гражданского общества.

Отнюдь не отрицая наличие различных перегибов, просчетов, изъянов, характеризовавших управление делами советского государства и связанных главным образом с его идеологической основой, следует все же отметить, что при советской власти было сделано многое из того, что способствует не только формально-юридическому, но и решению проблемы сильного

фактического неравенства. Невозможно отрицать, что политическая система и правовая политика ориентировались на привлечение широких слоев населения к управлению делами государства и обеспечению их доступа на самые высокие политико-управленческие должности (для доказательства достаточно посмотреть социальное происхождение советских должностных лиц во всей многозвенной вертикали власти). С.С. Алексеев по этому поводу отмечает, что «в настоящее время власть и управление в советском обществе довольно часто представляются уж слишком упрощенно. Вот, дескать, «при социализме» в обществе существовали официальные Советы, официальные законы и т.д., но они были только ширмой, в действительности всеми делами в обществе ведала номенклатура... В таких представлениях, во многом верных, содержится все же довольно-таки примитивная схема» [14, стр. 211]. В условиях отсутствия реальной политической конкуренции советские граждане, тем не менее, участвуя в выборах в Советы, другие государственные и общественные органы и привлекаясь к их работе, не могли не приобщаться к демократическим процедурам, управленческому процессу. Не проходили бесследно для правового сознания общества всенародное обсуждение проектов конституций, закрепление конституционных норм о правах и свободах человека, равенстве мужчин и женщин, масштабы правового всеобуча, которые зачастую, строго говоря, хотя и приобретали формальный характер, но оказывали на гражданскую социализацию заметное влияние.

Сошлемся на рассуждения Р. Давида – ученого, никогда не отличавшегося симпатиями к марксизму (что отмечает В.А. Туманов). Французский правовед пишет, что в практической плоскости «мы убеждаемся в том, что можем многое узнать, обратившись к опыту Советского Союза. Такова, например, идея о том, что участие трудящихся в управлении необходимо для того, чтобы оно стало эффективным и подлинно демократичным. Эта идея получает все большее распространение и за пределами марксистских стран» [18, стр. 127].

Г.Дж. Берман указывает на принципы, закрепленные в «Моральном кодексе строителя коммунизма», как «сознательный труд на благо общества – кто не работает, тот не ест»; «забота каждого о сохранении и приумножении общественного богатства»; «коллективизм и товарищеская взаимопомощь – один за всех и все за одного»; «честность и правдивость, моральная чистота, скромность, нетребовательность в общественной и личной жизни»; «бескомпромиссное отношение к несправедливости, паразитизму, нечестности, карьеризму, стяжательству»; «бескомпромиссное отношение к врагам коммунизма»; «братская солидарность с трудящимися всех стран и со всеми народами». «Советские законы, – *пишет он далее,* – поразительно напоминают пуританский кодекс Массачусетской колонии, «Корпус свобод» 1641 г., в его наказании идеологических отклонений, безделья и личной аморальности. Советская система активно подчеркивала воспитательную роль закона и всенародное участие в юридических процедурах и наблюдении за исполнением законов – через товарищеские суды, народную дружину и путем отдания людей на поруки коллективу предприятия или квартала» [17, стр. 47].

Хотя официальная идеология отвергала «старую» культуру с ее «классовыми пережитками» и «мелкобуржуазными предрассудками», тем не менее, успехи советской модернизации можно объяснить именно тем обстоятельством, что теория и практика государственного строительства во многом опиралась на сформировавшиеся веками в общественном сознании архетипы и ценности, но при этом было бы неверным считать, что по мере эволюции советского общества не произошло никаких сдвигов в политико-правовой культуре. Напротив, полагаем, они носили весомый характер, и, «несмотря на утраты целых пластов старых отношений, были созданы не менее, а в чем-то более значительные и уникальные духовные и материальные ценности» [39, стр. 74, 181]. Переворот 1917 года автор объясняет «назревшим кризисом европоцентризма», а социалистическую идею в России как появление альтернативы либерализму. В.В. Лапаева справедливо указывает на изменение представлений о человеческом достоинстве: «От прежней трактовки достоинства только как внутренней свободы от греха общество постепенно переходит к признанию достоинства человека как субъекта правовых отношений. Думаю, что далеко не последнюю роль в этом процессе сыграла и сама советская власть, которая (и здесь надо отдать ей должное) не ограничивалась демагогией возвеличивания «простого человека», а

приложила немалые усилия к тому, чтобы кардинально поднять уровень образования всех слоев советского общества. Средний … советский человек эпохи застоя – это хорошо образованный даже по западным меркам, а значит, и умеющий думать человек» [26, стр. 316]. На политико-правовой культуре сказались результаты реализации управленческих стратегий на индустриализацию, урбанизацию, культурную революцию. При этом, «совершенно невозможно отрицать тот неоспоримый факт, что СССР обеспечил сохранение уникальной этнокультурной мозаики евразийского пространства, на котором в XX в. не исчезла ни одна даже самая малая группа или язык, когда в других регионах мира ассимиляция малых групп имела массовый характер» [15, стр. 403].

Стоит подчеркнуть, что евразийцы, критикуя теорию и практику советского государственного строительства, отнюдь не отвергали наличие в нем позитивного опыта. Так, евразийцы отмечали, что их «отталкивает в советской системе и советской практике дух чисто классовой вражды и ненависти, отсутствие всякого уважения к идее права, безмерное подавление человеческой личности, голый и циничный деспотизм, постепенное упразднение демотического начала к замена его жестокой диктатурой» [19, стр. 294-295]. Но при этом они признавали масштаб и успехи советского государственного строительства. Н.Н. Алексеев пророчествовал, что в России произведен грандиозный опыт введения коммунистического строя, который неизбежно на практике приведет к капитализму, но, когда на обломках коммунизма водворится новый капитализм, его здание «снова будут разрушать новые социалисты и коммунисты» [13, стр. 281]. Чтобы избежать этого, полагал он, следует строить смешанную модель, которая не была бы в чистом виде «ни капитализмом, ни социализмом, ни Западом, ни Востоком», мощную государственную собственность следует сочетать на конкурентных началах с частной. При этом советские «идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости как-то должны остаться и стать основами будущего периода русской истории. Но они должны быть исправлены и преображены» [12, стр. 115].

Резюмируем: факторы, приведшие, в конечном счете, к кризису и потере управляемости общественными процессами на советском пространстве, можно объяснить тем, что в условиях назревших реформ *так и не была сформирована обоснованная государственно-управленческая парадигма, релевантная возникшим новым внутренним и внешним вызовам и при этом учитывающая специфику институциональной структуры*. Преобразования изначально были ориентированы не на эволюционность, а ускорение. В подобных условиях процессы, происходившие в политической и общественной сферах, приобрели неуправляемый характер, повлекли делегитимацию власти, раскол правящей элиты, радикализацию общественного мнения, рост правового нигилизма, а затем и девальвацию ценностей и установок, обеспечивавших социальную солидарность и государственное единство.

В исследовании советских государственно-управленческих практик и теоретического их обоснования важно учитывать весь спектр: как просчеты, деформации, так и достижения Советского государства, в том числе касающиеся развития общей и политико-правовой культуры населения как важного основания строительства государственности нового типа.

Примечания

* Например, устанавливалось, что именно отрасль государственного управления является критерием распределения сфер компетенции между министерствами. В частности, согласно статье 84 «Министры Союзной республики руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики», при этом «Союзно-республиканские Министерства руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Министров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Министерству СССР» (ст. 87), «Республиканские Министерства руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Министров Союзной республики» (ст. 88) [2].

** Ученые отмечают, что с принятием в 1977 г. новой Конституции СССР были обозначены такие видовые понятия, как «закон СССР» («общесоюзный закон»), «закон союзной республики», «закон автономной республики». В конституционный текст были включены термины «законодательный акт», «Основы законодательства». Однако, поскольку дефинитивной ясности не было, возникали трудности при отграничении законов от подзаконных нормативных правовых актов... Ничего не изменилось по существу в период так называемой «перестройки». Престиж закона падал. Появились «указы Президента», которые всерьез не воспринимались. По-прежнему доминировало правительственное и ведомственное правотворчество, бравшее за основу различные разъяснения, прямые указания вышестоящих инстанций, конкретизируя нормативы того или иного закона, хотя нормативно конкретизация закона не была урегулирована» [21, стр. 45-46].

Список литературы

1. Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – 6 декабря.
3. Конституция РСФСР: постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1937. – № 2. – Ст.11.
4. Конституция Казахской ССР: Постановление Чрезвычайного X Всеказахского съезда Советов от 26 марта 1937 года // Казахстан: этапы государственности. Конституционные акты / Сост. Ж. Баишев. – Алматы, 1997.
5. Конституция РСФСР 1918 г.: Постановление V Съезда Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
6. Закон СССР от 16 августа 1938 года «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11.
7. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года «Об утверждении текста Конституции (Основного закона) РСФСР» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – 26 мая.
8. Авакьян С.А. Конституционное право России. Т.1. – М.: Юрист, 2005. - 719 с.
9. Алексеев Н.Н. Государственный строй // Право Советской России. Вып. 1. – Прага, 1925.
10. Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки Евразийской культуры // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 2003. – 635 с.
11. Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 2003.
12. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 2003. – 635 с.
13. Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 2003.
14. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – 336 с.
15. Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. – Алматы, 2009.
16. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новое издательство, 2013. – 496 с.
17. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: МГУ: ИНФРА- М – НОРМА, 1998. – 624 с.
18. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Перевод с французского: Туманов В.А. - М.: Международные отношения, 2003. - 400 с.
19. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы // Г.В. Вернадский. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 339 с.
20. Жиделев В.А. Трансформация государственной власти в России в период с 1985 по 2000 годы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.
21. Закон: создание и толкование / Под ред. А.С. Пиголкина. – М: Спарк, 1998. - 283 с.
22. Зорькин В.Д. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сборник статей. – М.: Юстицинформ, ЛУМ, 2013. - С. 19-75. - в кн. 560 с.
23. История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917-1925) / Под ред. М.А. Биндера, С.З. Зиманова. – Алма-Ата, 1961.
24. История государства и права советского Казахстана. Т.2 (1926-1937) / Под ред. М.А. Биндера, С.З. Зиманова. – Алма-Ата, 1963.
25. История государства и права советского Казахстана. Т.3 (1938-1958) / Под ред. М.А. Биндера, С.З. Зиманова.

– Алма-Ата, 1965.
26. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012. - 577 с.
27. Лаптева Л.Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском (Спор с неоевразийством) // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 75-85.
28. Ленин В.И. Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП (б) // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38. – М., 1969.
29. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). – М.: МГУ, 2000. - 192 с.
30. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. – 2003. – № 10. - С. 24-30.
31. Матаева М.Х. Конституционная история Казахстана и стран Центральной Азии. XX век (сравнительно-правовое исследование). – Астана, 2006. - 416 с.
32. Нурпеисов Е.К., Котов А.К. Государство Казахстан: от ханской власти – к президентской республике. – Алматы, 1995. - 367 с.
33. Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. - 384 с.
34. Палкин А.Г. Концепция государства в учении евразийцев: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – 26 с.
35. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М. Институт философии РАН, 1994. – 262 с.
36. Разделение властей. Учебное пособие / Алехин А.П., Бережков А.Г., Кирсанова Н.В., Клименко В.В., и др.; Отв. ред.: Марченко М.Н.. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: МГУ, Юрайт-Издат., 2004. - 428 с.
37. Савицкий П.Н. Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // П.Н. Савицкий. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. - 776 с.
38. Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы // П.Н. Савицкий. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. - 776 с.
39. Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): Дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 1995. – 421 с.
40. Сорокин В.В.. Теория государства и права переходного периода: Учебник. – Новосибирск: НГИ, 2008. – 502 с.
41. Табулденов А.Н. История уголовно-исполнительной системы Казахстана (первая половина XX века) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 1. – С. 22-25.
42. Табулденов А.Н. История уголовно-исполнительной системы Казахстана (первая половина XX века) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 1. – С. 22-25.
43. Теория государства и права / Под ред. Корельского В.М., Перевалова В.Д. 2-е изд., изм. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2002. - 616 с.
44. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. – М.: Беловодье, 1997. – 521 с.
45. Ударцев С.Ф.Анархическое сознание и хаос (о природе одного феномена) // Труды межд. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. П.А. Кропоткина. Вып.1. – М., 1995.
46. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
47. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2011. - 384 с.
48. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – М.: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.

МУРСАЛИМОВ Камиль Рамильевич,
доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: mursalimov-kp@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СООТНОШЕНИЯ

Аннотация. *Рассматривается вопрос применения усмотрения в юридической деятельности. Приводятся причины, которые неизбежно влекут усмотрение, которое является «благоприятным» условием для допущения судебных ошибок. Формулируется положение, что исключить усмотрение при нормативном понимании права невозможно, так как всегда найдутся нормы, которые необходимо повлекут его использование.*

Ключевые слова: *усмотрение; юридическая практика; правоприменитель; пробелы в праве.*

MURSALIMOV K.R.

THE CONCEPT OF LEGAL UNDERSTANDING AND LAW ENFORCEMENT DISCRETION: THE METHODOLOGICAL ASPECT OF THE RELATIONSHIP

The summary. *The question of the application of discretion in legal activity is considered. Causes that inevitably entail discretion are presented, which is a "favorable" condition for the admission of judicial errors. A provision is formulated that it is impossible to exclude discretion under the normative understanding of law, as there will always be norms that will necessitate its use.*

Key words: *discretion; legal practice; law enforcement; gaps in the right.*

В правоприменительной практике существует такое явление как усмотрение. Одно из наиболее ранних исследований усмотрения в российской юриспруденции принадлежит П.И. Люблинскому. По его мнению, усмотрение можно определить двумя способами. Во-первых, отрицательно, «как некоторую свободу деятельности публичного органа от законодательной регулировки» [2, стр. 3]. Данное определение отражает действительное реальное понятие усмотрения, именно в таком виде оно существует в сегодняшней правоприменительной практике.

Усмотрение, исходя из этого определения, рассматриваться как последнее нежелательное средство разрешения вопросов, когда исчерпаны все правовые средства. В этой связи В.В. Лазарев отмечает, что судья сначала должен придерживаться или аналогии, или косвенного содержания закона, а затем уже решать по собственному усмотрению [1, стр. 41] или как его еще называют свободному усмотрению [4, стр. 28], фактически определение которого приведено выше.

Существует ряд причин, которые неизбежно влекут усмотрение в юридической деятельности.

Одна из них – невозможность правовыми нормами зарегулировать все, что даже

действительно необходимо в данный момент. Сфера общественных отношений, в урегулировании которых заинтересовано государство, настолько велика, что представляется возможным сформулировать лишь абстрактные и простые нормы права.

И в вопросе об усмотрении всегда будет иметь место неразрешимый конфликт между желанием дать властные направления действий в форме ясных, определенных, согласованных и разумных норм и невозможностью это сделать.

Другой причиной является то, что законодательство не в состоянии поспевать за развитием нового в производстве, в хозяйстве, в управление. Появляется множество новых сфер общественных отношений, требующих государственного урегулирования. Например, сфера общественных отношений, касающаяся компьютерных технологий (система интернет, расчет по банковским магнитным картам и др.) или современных медицинских новаций (торговля органами человека, выращивание человека в пробирке, клонирование человека и др.).

Вышеназванные причины характеризуются частичным или полным отсутствием государственных предписаний, вследствие чего правоприменитель принимает решение в силу своего внутреннего убеждения жизненного опыта, согласно субъективному представлению, т.е. согласно мнению, желанию и произволу.

Таким образом, пробельность в праве необходимо влечет усмотрение, основанное на субъективном представлении о должном, и вполне возможно, в силу случайности своего решения, правоприменитель примет ошибочное решение. Проследим путь принятия такого решения.

Каждый конкретный жизненный случай неповторим, всегда найдутся обстоятельства, нетождественные другому подобному случаю. Следовательно, каждый раз правоприменитель должен искать нечто новое для разрешения создавшейся ситуации. И прав Ф. Регельсбергер, отмечая, что «ни один судья не вправе уклониться от постановления приговора под предлогом отсутствия соответствующего положения в праве» [6, стр. 165]. Поэтому и вынужден правоприменитель заниматься творческой деятельностью в правовых рамках. А любая творческая деятельность включает в себя познавательный процесс. Как раз в познании чаще всего возникают заблуждения, и носят они более или менее неизбежный характер.

Из вышесказанного следует, что усмотрение является «благоприятным» условием для допущения ошибок. Во многом это объясняется тем, что усмотрение всегда сопряжено с произволом. В этой связи оправданной представляется позиция, согласно которой «чем меньше принимается решений по усмотрению правоприменителя, тем выше уровень законности в государстве» [5, стр. 142].

Приведем еще некоторые определения усмотрения. В частности, М.К. Маликов делает вывод, что «государственная воля, выраженная в применяемой норме, дополняется правовой позицией компетентного органа по отношению к конкретному случаю (правовое усмотрение)» [3, стр. 20]. К.К. Девис отмечает, что «должностное лицо обладает усмотрением всякий раз как эффективные пределы его полномочий оставляют его свободным осуществлять выбор между возможными направлениями действия или бездействия» [7, p. 4]. Как мы видим, в каждом из вышеназванных определений усмотрения есть признак, указывающий на некоторую свободу в юридической оценке конкретной ситуации. Возникает некая неопределенность в деятельности правоприменителя, которая напрямую зависит от степени урегулированности ситуации в законодательстве.

Усмотрение будет присутствовать в деятельности юриста до тех пор, пока в российской юриспруденции доминирующее положение занимает нормативное понимание права. А поскольку возможность произвола формально вытекает из усмотрения (в практике – это не возможность, а действительность), то и это явление вызывает резко отрицательную реакцию, и государство стремиться исключить его из деятельности властных органов. Несмотря на это, исключить усмотрение при нормативном понимании права невозможно, так как всегда найдутся нормы, которые необходимо повлекут использование усмотрения. Исключить его возможно лишь при изменении концепции права. Например, представители наиболее крайнего крыла социологического направления так называемой «реалистической школы» (Д. Фрэнк, К. Ллевеллин и др.) отрицают само существование законодательных норм. С их точки зрения, право есть решение суда, и до тех пор, пока суд не принял решение по определенному делу, никакого права

относительно самого события и обстоятельств этого дела еще не существует. Из этого следует, что именно правоприменитель занимается правотворчеством и на основе только своего собственного усмотрения. Проблема усмотрения при таком подходе отсутствует.

Список литературы

1. Лазарев В.В. Пробелы в праве. – Казань, 1969.
2. Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. – СПб., 1904.
3. Маликов М.К. Проблемы усмотрения правоприменителя: природа, признаки, пределы. – Уфа, 1990.
4. Манохин В.М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Сов. государство и право. – 1990.- № 1. – С. 23-20.
5. Никитин А.А. Законность и правоприменительное усмотрение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4(105). – С. 141-146.
6. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. – М., 1897.
7. Davis K.C. Discretionary justice in Europe and America. Urbana, 1976.

МУХАММАДИЕВ Изатулло Сайфуллоевич,
доцент кафедры исторических дисциплин IV факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, кандидат исторических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: 201612@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Анализируются мероприятия по укреплению трудовой дисциплины, введенные в предвоенное время и в ходе Великой Отечественной войны. Приводятся конкретные примеры таких мероприятий, проводимых органами прокуратуры Таджикской ССР.*

Ключевые слова: *мероприятия по укреплению трудовой дисциплины: органы прокуратуры; Таджикская ССР; мобилизация на сельскохозяйственные работы; прокурорские проверки.*

MUHAMMADIEV I.S.

THE BODIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF TAJIKISTAN IN THE CONTEXT OF PROVIDING EMERGENCY MEASURES FOR THE ORGANIZATION OF LABOR AND LABOR DISCIPLINE IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The summary. *The measures to strengthen labor discipline introduced in the prewar period and during the Great Patriotic War are analyzed. Specific examples of such events are given by the prosecutor's office of the Tajik SSR.*

Key words: *measures to strengthen labor discipline: prosecution authorities; The Tajik SSR; mobilization for agricultural work; prosecutor's checks.*

В предвоенное время в целях дальнейшего укрепления хозяйственной и оборонной мощи Советской страны, мобилизации рабочей силы для развития народного хозяйства и обеспечение промышленности квалифицированными кадрами были введены мероприятия по укреплению трудовой дисциплины.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 года была введена уголовная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также за прогул без уважительной причины [27, стр. 373]. К судебной ответственности привлекались и руководители предприятий и учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в

самовольном уходе с предприятия и из учреждения, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин, а также за принятие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятия и из учреждения.

Указ от 26 июня 1940 года возложил на всех работников суда и прокуратуры ответственейшую задачу в деле усиления борьбы с летунами, прогульщиками и дезорганизаторами производства. В начале 1941 г. в целом по стране отмечено снижение судебных преследований как признак подлинного укрепления трудовой дисциплины. Безусловно, отдельные рабочие и служащие стали действительно с большей ответственностью относиться к приходу на работу в установленное время [31, стр. 310].

Этому способствовало усиление борьбы с прогульщиками и дезорганизаторами производства. Так, по направленным руководителями предприятий материалам народными судами республики за 1-ое полугодие 1941 года было рассмотрено 7981 дел о преступлениях, предусмотренных пунктами 5 и 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., из них прекращены дела в отношении – 449 человек и оправдано 1102 чел., т.е. 19,4%. В судах за редким исключениям обеспечивался оперативное рассмотрения дел. Так, за 1-ое полугодие 1941 года, в срок до 5-ти дней было рассмотрено 6624 дела, или 90,6% к числу рассмотренных дел по существу, в сроки свыше 20 дней и 1 месяца – 19 дел – 0,2% [34, л. 141-142].

В соответствие с приказом Народного Комиссара Юстиции Союза ССР и Прокурора Союза ССР от 27 июня 1940 г., все поступающие в органы прокуратуры жалобы и заявления по делам, связанным с выполнением Указа, разрешались в 3-дневный срок, не допуская нарушения законных прав честных и добросовестных работников. Расследование по указанным делам производилось следователями прокуратуры в 3-дневный срок и рассматривались в суде не более чем в 5-дневный срок с обязательным участием прокуроров в подготовительных и судебных заседаниях по всем делам данной категории. Приговоры судов по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений, а также по делам о прогулах без уважительных причин, приводилось в исполнение немедленно. Судебные процессы по делам данной категории организовывались с выездом на предприятия и широким освещением в печати [7].

В дальнейшем по делам о нарушении трудового законодательства ведение предварительного следствия было отменено и введено укороченные процедуры при проведении судебных заседаний. Не позднее двадцати четырех часов после обнаружения совершенного правонарушения они должны были подавать прямо в суды короткое заявление по этому вопросу и характеристику на обвиняемого. Персональную ответственность за сообщение фактов о прогулах судам, несли руководители предприятий.

С началом войны на фронт ушли десятки тысяч рабочих и служащих. Огромная часть рабочей силы Советского Союза оказалась на временно оккупированной немецкими войсками советской территории, была мобилизована на фронт. В период военного времени мобилизация рабочей силы для развития народного хозяйства и обеспечение промышленности квалифицированными кадрами стало одной из серьезных проблем.

Фронт постоянно требовал больших людских резервов. В целом по стране только за первые два с половиной года число трудоспособных мужчин в колхозах тыловых районов сократилось на 6,1 млн. человек, или более двух третей всего трудоспособного мужского населения. В Таджикистане число трудоспособных колхозников в 1945 г. по сравнению с 1940 г. сократилось на 143, тыс. человек, или на одну треть [14, стр. 398]. Из Таджикистана было призвано в армию много квалифицированных рабочих и служащих. Возрастал удельный вес женщин и молодёжи в производстве [29, стр. 87]. На фабриках и заводах ощущалось острая нехватка квалифицированных кадров, вызванная мобилизацией в армию многих рабочих и инженерно-технических работников. Вместо ушедших на фронт мужчин в промышленность, на транспорт, в колхозы, совхозы и МТС пришли женщины, подростки и старики. Секретариат ВЦСПС 7 июля 1941 года издал постановление об оказании помощи домохозяйкам и служащим, пришедшим на производства, а также неквалифицированным рабочим [29, стр. 87]. На предприятиях легкой промышленности численность женщин на конец 1941 г. составляла 57,7%. В 1942 г. в республике было около 16 тыс. женщин-работниц [28, стр. 12-13]. В 1942 году число женщин в промышленности

составляло 64,4%, а в ряде мест от 70 до 80% [19, стр. 12]. Большинства работниц в короткий срок овладели сложными рабочими профессиями и не только выполняли но часто и перевыполняли плановые задания. Из общего количества трудодней, выработанных в колхозах в 1942 году, женщинам принадлежало свыше 70% [20]. Источниками пополнения кадров стали ремесленные училища и школы ФЗО. Несмотря на трудности и лишения рабочие успешно трудились выполняли все заказы фронта своевременно, проявляли постоянную заботу об эвакуированных, делясь с ними питанием, одеждой и жильём [17, стр. 42].

В условиях войны в организацию труда и обеспечению трудовой дисциплины вводились чрезвычайные меры. Задачи строгого учета и распределения трудовых ресурсов, организованного набора и подготовки кадров, перераспределения рабочей силы между отраслями народного хозяйства было возложено на комитеты по учету и распределению рабочей силы, созданный 30 июня 1941 года при бюро СНК СССР. При СНК Таджикской ССР было создано бюро по учету и распределению рабочей силы, которое осуществляло мобилизацию неработающего трудоспособного населения, направляя его в те отрасли промышленности, где было необходимо пополнений [21].

Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали ряд Указов и постановлений [1; 2; 3; 4; 5; 6] о привлечении граждан к трудовой повинности, мобилизации трудоспособного населения на выполнение фронтовых заказов, на сельскохозяйственные работы, об уголовной ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий и др.

Президиум Верховного Совета СССР своим Указом «О военном положении» от 22 июня 1941 года предоставил право военным властям привлекать граждан к трудовой повинности для обеспечения безостановочной работы предприятий, проведения оборонных и строительных работ, замены работников, ушедших в вооруженные силы и т.п.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 года директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства было дано право устанавливать с разрешения СНК СССР как для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп, рабочих и служащих (кроме беременных женщин, начиная с шестого месяца беременности, а также женщин, кормящих грудью, – в течение шести месяцев кормления) обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день. Лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2 часов в день. Оплата сверхурочных работ производилась в полуторном размере. Во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях отменялись очередные и дополнительные отпуска, за исключением отпусков работника до 16 лет, в случае болезни, по беременности и родам. Они были заменены денежной компенсацией, которая переводилась в сберегательные кассы в качестве замороженных на время войны вкладов рабочих и служащих.

В период войны борьба с нарушениями трудовой дисциплины получили особое, приоритетное внимание со стороны органов прокуратуры и суда. Приняты меры к усилению прокурорского надзора за своевременным и качественным оформлением и передачей в судебные органы материалов на нарушителей трудовой дисциплины, к руководителям покрывающих нарушителей принимались меры прокурорского реагирования вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности.

Данная деятельность оценивалась в общем контексте борьбы с уголовной преступностью в условиях Великой Отечественной войны [18; 25; 26].

В приказе прокурора Союза ССР от 27 сентября 1941 г. отмечено, что произведенная Прокуратурой Союза ССР проверка выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в целом ряде областей показала, что за последнее в результате ослабления борьбы с нарушителями трудовой дисциплины на ряде предприятий увеличилось количество прогулов и случаев самовольного оставления работы. На некоторых предприятиях установлены факты прямого покровительства дезорганизаторам производства и несвоевременной передачи на них дел в народные суды. В практике работы судебных органов продолжают

иметь место случаи волокиты с рассмотрением дел, либерального отношения к прогульщикам. Несмотря на все это, прокуроры ослабили работу как по общему надзору за выполнением Указа от 26 июня 1940 г. руководителями предприятий и учреждений, так и по судебному надзору за своевременным и правильным рассмотрением дел в народных судах [8].

Прокурор Ленинабадской области издал приказ от 18 сентября 1941 г., которым предписал проверить выполнение Указа от 26 июня 1940 г. на основных промышленных предприятиях, а также на предприятиях железнодорожного и водного транспорта и принять меры к немедленному устранению имеющихся нарушений закона и усилению борьбы с дезорганизаторами производства. Установить систематический надзор за точным и неуклонным выполнением руководителями предприятий и учреждений Указа от 26 июня 1940 г. и постановления СНК СССР от 21 августа 1940 года [8; 10].

В докладной записке Прокурора Сталинабадской области от 6 ноября 1941 г., Прокурору Таджикской ССР сообщается о том, что директора отдельных предприятий совршенно не передают материалы на прогульщиков в суд. Например, директор «Швейной фабрики» № 1 г. Сталинабад Гольман, передал в суд материалы с большим опозданием на 19 чел., прогульщиков. Так, работница фабрики Волкова совершила прогул 9 сентября 1941 г., а материал был передан в суд только 2 октября 1941 г.; работница Родина совершила прогул 12 сентября 1941 г., а материал передан в суд 30 октября 1941 г. Прокуратурой в отношении директора фабрики, являющегося по существу покровителем прогульщиков, были приняты меры [33, л. 271-279]

В соответствии с поставленными новыми задачами обеспечивался оперативное рассмотрение уголовных дел в судах. В период за июль-август 1941 года народными судами республики было рассмотрено 2244 дела, из них были прекращены дела в отношении 220 человек и оправдано – 207 человек, т.е. 22,5% количество оправданных составил 23,5%, в срок до 5-ти дней было рассмотрено – 1692 дела – 85,3%, в срок свыше 20 дней и 1 месяца – 34 дела – 1,7%, количество заволокиченных дел с 0,2% до 1,7% [34, л. 141-142]. В 1942 и 1943 гг. наблюдалось постепенное снижение количества судебных преследований за прогулы [31, стр. 310].

Прокуратурой Таджикской ССР реализация Указа ПВС СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в условиях военного времени» от 26 июня 1941 г. проверено в Государственном банке и обнаружено 29 случаев предоставления отпусков служащим на срок от 4 дней до одного месяца, а двум бухгалтерам представлены отпуска по полтора месяца. Состояние трудовой дисциплины проверено в школах ФЗО Управления трудовых резервов и обнаружено многочисленные случаи самовольного ухода учеников и несвоевременой передачи материалов следственным органам для привлечения к ответственности виновных.На основе материалов проверки внесено представление в ЦК и в Главное Управление трудовых резервов [34, л. 141-142].

В год войны велика была роль колхозного крестьянства в бесперебойном снабжении армии и населения продовольствием а промышленности сырьем. В условиях войны колхозы нуждались в привлечении дополнительных рабочих рук. Тяжелую сельскохозяйственную работу выполняли женщины, старики и подростки. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ легли на плечи женщин, подростков и престарелых колхозников. К тому же из колхозного производства было взято большое количество тракторов, автомашин, лошадей. Резко сократилось снабжение МТС запасными частями и горючим [28, стр. 12-13].

ЦК КП(б) и СНК Таджикской ССР 29 ноября 1941 года было принято постановление «Об обучении с учеников старших классов, средних учебных заведений, учащихся вузов и части служащих городов и районов Таджикской ССР».В 1941-1942 учебном году для оказания помощи колхозам в республике, на курсах сельскохозяйственного обучения было подготовлено 30 тысяч школьников старших классов, которые оказывали большую помощь колхозам в обмолоте зерна, в уходе за скотом, разведении шелковичных червей, в сборе хлопка. Летом 1942 года на колхозных и совхозных полях трудилось 120 тыс. учащихся и 5 тыс. учителей [30, стр. 175-176]. Учащихся неполных средних и средних школ направлялись на сельскохозяйственные работы группами раздельно мальчиков и девочек во главе с учителями школ. продолжительность рабочего дня для учащихся школ на сельскохозяйственных работах устанавливался

от 6 до 8 часов в зависимости от их возраста и характера работы. Мобилизация проводится на сроки, устанавливаемые совнаркомами союзных и автономных республик, краевыми и областными исполкомами по отдельным периодам сельскохозяйственных работ; привлечение на сельскохозяйственные работы учащихся школ, техникумов и вузов производится, как правило, во время летнего перерыва учебных занятий.

Прибывшие на работы в колхозы, совхозы и МТС подчиняются действующим в них правилам внутреннего распорядка. Оплата труда мобилизованных на сельскохозяйственные работы в совхозы и МТС производится по существующим нормам и расценкам на общих основаниях с работниками совхозов и МТС. Оплата труда в колхозах мобилизованных на сельскохозяйственные работы производится по действующим нормам выработки и расценкам в трудоднях с оплатой заработанных трудодней деньгами и натурой наравне с колхозниками. Окончательный расчет по заработанным трудодням мобилизованных на сельскохозяйственные работы производится в конце года; впредь же до окончательного расчета правление колхоза за выработанные трудодни выдает работавшим у них аванс в размере 50% от стоимости трудодней, предусмотренной производственным планом колхоза. Колхозы, совхозы и МТС обязаны обеспечить прибывших к ним на работы общественным питанием. Питание предоставлять по ценам, устанавливаемым райисполкомами, но не выше цен кооперации и госторговли, кроме хлеба, подлежащего удержанию натурой при окончательном расчете по трудодням. Сохранить за служащими, мобилизованными на сельскохозяйственные работы, заработную плату по месту их службы в размере 50% оклада, а за учащимися техникумов и вузов – получаемые ими стипендии. Проезд по железной дороге или водным путем в оба конца оплачивается колхозом, совхозом, МТС по фактической стоимости.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) 13 апреля 1942 года за № 507 издали постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы, МТС трудоспособного населения городов и сельскохозяйственных местностей» и «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» [23], что оказало большую помощь колхозам в период напряженных полевых работ колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям в своевременном выполнении ими сельскохозяйственных работ.

Постановлением «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы, МТС трудоспособного населения городов и сельскохозяйственных местностей» разрешено совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам привлекать в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ 1942 года в порядке мобилизации на работу в колхозы, совхозы и МТС:

а) трудоспособное население городов и сельских местностей, не работающее на предприятиях промышленности и транспорта;
б) часть служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений и в первую очередь из органов Наркомзема и Наркомсовхозов, однако не в ущерб работе учреждений;
в) учащихся 6 – 10 классов неполных средних и средних сельских и городских школ, студентов техникумов и вузов, за исключением студентов выпускного курса вузов.

Мобилизации на сельскохозяйственные работы из числа трудоспособного населения и служащих подлежали лица мужского пола в возрасте от 14 до 55 лет и лица женского пола от 14 до 50 лет.

Мобилизация на сельскохозяйственные работы проводился по постановлению совнаркомов союзных и автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов местными, городскими, районными, поселковыми и сельскими советами. Для практического проведения мобилизации на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения и организованной посылки мобилизуемых в колхозы, совхозы и МТС создались при совнаркомах союзных и автономных республик, краевых, областных исполкомах отделы, во главе которых иметь начальника отдела на правах заместителя председателя совнаркома союзной, автономной республики, крайисполкома, облисполкома, а в районах – при райисполкомах иметь заведующего мобилизацией [23]. Колхозники, не выработавшие в течение года минимума трудодней, считались выбывшими из колхоза, потерявшими права колхозника и лишались приусадебного участка. Для каждого колхозника и колхозницы были установлены минимум трудодней в год: до 150 в хлопковых районах, 100

дней в районах центральной и северной полосы и до 120 трудодней для остальных районов СССР.

Кроме того, устанавливалось обязательное участие колхозников и членов их семей (от 14 лет и старше) в уборке урожая, независимо от выработанного минимума. Председатели правлений колхозов и бригадиры за уклонения от предания суду колхозников, не выработавших минимума трудодней, привлекались к судебной ответственности.

В то же время была расширена система дополнительной оплаты труда. Новые Указы обеспечивали выполнение колхозами повышенных планов сева с помощью меньшего количества рабочей и тяговой силы.

Согласно постановлений СНК СССР и ПК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. от мобилизации освобождались женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8-ми лет. За мобилизованными служащими сохранялось по месту работы 50% оклада, а за учащимися техникумов и вузов – стипендия. Колхозы оплачивали дорогу в оба конца, обеспечивали жильем и питанием. Лица, уклоняющиеся от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольно ушедшие с работы карались исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до шести месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхозов. Председатели правлений колхозов и бригадиры за уклонения от предания суду виновных колхозников привлекались к уголовной ответственности в зависимости от конкретных обстоятельств дела по ст. 109 УК РСФСР «Злоупотребление властью» (ст.133 УК Тадж. ССР – Авт.) или по ст. 109 УК РСФСР «Бездействие власти и халатность» (ст. 135 УК Тадж. ССР – Авт.).

В Таджикистане в соответствии с этими решениями развернулась широкая мобилизация в промышленность трудоспособного городского и сельского населения [29, стр. 82]. Органы прокуратуры уделяли максимум внимания осуществлению надзора за единообразным исполнением во всех колхозах, совхозах и МТС постановлений СНК СССР и ПК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г., контролировали организацию учета трудодней и состояние трудовой дисциплины в колхозах, совхозах, выявляли причины невыработки отдельными колхозниками установленного минимума трудодней, привлекали к ответственности злостных прогульщиков.

Так, прокурор Ленинабадской области и прокуроры Исфаринского, Чкаловского, Пролетарского и Ленинабадского районов в ряде колхозов выявили отсутствие борьбы за укрепление трудовой дисциплины в период подготовки и проведения весеннего сева, нарушения ст. 2 Устава сельхозартели. Проверками установлено, что за первую декаду марта месяца с.г. в Чкаловском районе из 2086 колхозников не вышли на работу, якобы по уважительным причинам – 1306 чел., без уважительных причин – 467. В колхозе им.Дмитрова этого района не вышло без уважительных причин 67 человек, “Инкилоб”- 32 и т.д.

Аналогичное положение выявлено и в других районах области. Производственной проверкой в колхозе им. Буденного Исфаринского района 15-17 октября 1942 г. установлено, что не создано нормальные условия работы для колхозников, не обеспечены вновь прибывшие колхозники и их семьи общественным питанием и жилплощадью. Вследствие чего в колхоз им. Буденного прибыли с колхозов Ворухского с/совета только трудоспособные колхозники, оставили свои семьи в Ворухе, но и этим не было полностью обеспечено жильем. В первых месяцах 1942 г. началась массовое оставлении е колхозниками колхозы, к дню проверки ушло около 400 человек [13]. Районным организациям на протяжении всего периода массового оставления колхозниками колхоза не принято конкретных мер к возвращению колхозников в колхоз и создании им условий материальных и жилищных, ограничились только тем, что собранием колхоза ушедших колхозников исключили из колхоза, а Исполнительный Комитет Райсовета Депутатов Трудящихся утвердил решение колхоза. Кроме этого в колхозе не достаточно проводилась и проводиться политико-массовая работа, колхозники очень плохо осведомлены о Постановлении СНК и ЦК ВКП (б) от 16 апреля 1942 года «О постановлении для колхозников обязательного минимума трудодней» в связи с чем, имеет место значительное количество колхозников не заработавших минимума трудодней, часть которых уже осужденная Нарсудом [13].

Проверками установлено, что в результате отсутствия со стороны местных партийно-советских органов и особенно органов Наркомзема достаточного надзора в ряде

колхозов Республики требования постановления нарушается, в отдельных колхозах отсутствуют трудовые книжки, не вывешивают ежемесячные списков с показателями выработки колхозников, имеют место проявления администрирования, плохо поставлен учет трудоспособных колхозников и т.д. По результатам прокурорских проверок заместитель прокурора Республики старший советник юстиции Нигматов направил информацию Секретарю ЦК КП(б) Таджикистана и Председателю Совнаркома Таджикской ССР о ненадлежащем исполнении постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О назначении для колхозников дополнительного минимума трудодней» [32, л. 96-99].

Проведенные прокурорские проверки выявляли и факты нарушения этого закона как отдельными руководителями колхозов, так и нарсудьями [12]. Нарсудом 2-го участка Ленинабадского района в отношении 16 членов колхозов, осужденных по указу от 15 апреля 1942 г., нарсудом применен по всем делам стандартная мера наказания по 6 месяцев ИТР с удержанием по 25%, несмотря на то что количество недовыработанных трудодней у каждого из них не было одинаковым и дела эти рассматривались в основном по колхозу им.Сталина. Нарсудом Науского Района по 16 делам, вынесенные обвинительные приговоры по указу от 15 апреля 1942 г. в период с 11 по 14 июня 1944 г. по состоянию не были отосланы судом в колхозы по месту их исполнения, а по 4 другим делам приговоры высланы к месту исполнения с месячным опозданием, в то время как приговоры к месту исполнения должны судом высылаться немедленно после их вынесения. Этим же нарсудом 11 июня с/г по указу от 15 апреля 1942 г. осуждена Рахимова Алима из колхоза им. Орджоникидзе к 5 месяцам ИТР с удержанием 25% на которую, в виду ее малолетства (ей 15 лет) указ от 15.04.42 г. не распространяется [12].

Прокурор Таджикской ССР направил информацию в ЦК КП (б) Таджикской ССР и СНК Таджикской ССР, в которой просил поручить Курган-Тюбинскому Обкому партии обсудить вопрос о незаконных действиях руководителей Молотовабадского Райкома и Райисполкома, наказать виновных в этом лиц и категорически запретить им, в какой бы то ни было форме нарушать Устав колхозной жизни [32, л. 70]. Здесь была проведена незаконная «мобилизация» колхозников со стороны заместителя Председателя Райсовета Молотовабадского района и второго Секретаря Райкома партии. Они председателей колхозов обязали 5 августа 1944 г. всех выслать людей и захватит с собой железные лопаты для ремонта здания Райисполкома и Райкома партии 6-го августа к 8 часам утра». Для производства ремонта зданий райисполкома и Райкома партии проведена «мобилизация» колхозников, в количестве 40 человек, из них плотников-12 и чернорабочих – 28 чел. Председателям этих колхозов вменено в обязанности вырубку из колхозных лесонасаждений 700 деревьев каждый для нужд ремонта, несмотря на то, что сами колхозы сильно нуждаются в лесоматериале. Для выполнения предложения исполкома райсовета по этому вопросу, некоторые председатели колхозов стали приобретать на средства колхозов лесоматериалы на стороне. Прокуратура выявила эти нарушения и приняла меры для устранения нарушений Устава сельхозартели [32, л. 96-99].

Прокурор Республики требовал от прокуроров ведение твердой борьбы с нарушителями законов и принятия решительных и необходимых мер к проведению законов в жизнь, а проделанную работу освещат в своих донесениях. Прокурорам поручалось установить систематический надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями и предприятиями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР; немедленно опротестовывать все решения, приказы, распоряжения, инструкции и т.п. наркоматов, главков, трестов, предприятий, учреждений и местных органов власти, нарушающих Указ, обеспечив при этом фактическое устранение всех выявленных нарушений [16, л. 29].

В республике количество трудоспособных колхозников, не выполняющих установленного минимума трудодней резко сократилось. В 1942 году количество трудодней на одного трудоспособного составило 158 против 149 в 1941 году. На 21% сократилось количество колхозников, не выработавших в 1942 году установленный минимум трудодней по сравнению с 1941 годом [15, л. 262]. Количество колхозников, не вырабатывавших установленного минимума трудодней в 1943 году снизилось на 48800 человек, чем в 1942 году [22, л. 15], что свидетельствует об

укреплении трудовой дисциплины.

Обязательные решения Облисполкома о мобилизации сельского неработающего трудоспособного населения для работы в различные важные отрасли, утверждении плана вывоза хлеба из глубинных пунктов Ленинабадской области принимались исполнительным комитетом. Так, Ленинабадский Облисполкома издал решение от 18 мая 1944 г. № 9 «О мобилизации сельского неработающего трудоспособного населения для работы в геологоразведочных партиях по радиоактивным элементам» Совместным Постановлением облисполкома и Бюро Обкома КП (б) Таджикистана от 14 мая 1944 г. № 8 был утвержден плана вывоза хлеба из глубинных пунктов Ленинабадской области в период 3 квартала 1944 года. Прокурор Ленинабадской области старший советник юстиции М. Холматов поручил прокурорам в Райсовете депутатов трудящихся ознакомиться с этими решениями и установить точный надзор за его исполнением и поручил виновников в порче и хищении хлеба во время перевозки привлекать к строжайшей ответственности [9; 11].

Много тысяч пожилых таджиков-колхозников были мобилизованы в трудовую армию. Работая на военных заводах стран вместе с представителями, других братских народов, они изо дня в день увеличивали выпуск боеприпасов, оружия, снаряжения и другой военной продукции. Так, на одном из заводов Урала таджики Одинаев, Мадумаров, Турсунов, Саидов, Газиев, и др. ежемесячно выполняли производственные задания на 130-150%. Перевыполняли свои задании на строительство теплоэлектроцентрали Р. Шадиев, С. Катабаев, за что были награждены значками отличника и Грамотами Наркомата электростанций [24, стр. 135].

Список литературы

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // http://www.bestpravo.ru
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // http://www.bestpravo.ru
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // http://www.bestpravo.ru
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» // http://www.bestpravo.ru
5. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» // http://www.bestpravo.ru
6. Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомам республик, край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» // http://www.bestpravo.ru
7. Приказ Народного Комиссара Юстиции Союза ССР и Прокурора Союза ССР от 27 июня 1940 г. № 72/117.
8. Приказ Прокурора Союза ССР № Пр/108с 27 сентября 1941 г. № 2/СС
9. Постановление облисполкома и Бюро Обкома КП (б) Таджикистана от 14 мая 1944 г. № 8 «Об утверждении плана вывоза хлеба из глубинных пунктов Ленинабадской области в период 3 кв. 1944 г.».
10. Приказ прокурора Ленинабадской области от 18 сентября 1941 г.
11. Письмо прокурора Ленинабадской области Холматова от 11.06. 1944 г. № 104/с
12. Поручение прокурора Ленинабадской области старшего советника юстиции М. Холматова от 12.09.1944 г. № 191с.
13. Письмо помощника.прокурора Исфаринского района Рянского от 21 октября 1942 г. № 5-161.
14. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М.: АН СССР, 1963. - 458 с.
15. Архив СМ Таджикской ССР. – Св.122. – Д. 508.
16. ГА СО. – Ф. 163. – Оп. 3. – Д. 479.
17. Джалилов Ш.Р. Экономика Таджикистана в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию победы Советской

Армии над фашистской Германией на тему: «Таджикистан в Великой Отечественной войне».
18. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
19. Книга памяти Республики Таджикистан (сводный том) / Под общей редакцией И.К. Каландарова. – Душанбе, 1997.
20. Коммунист Таджикистана – 1943. – 7 февраля.
21. Пак Н.П. Советы Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. – Душанбе: Дониш, 1985. - 197 с.
22. Партархив. – Ф.3. – Оп.4. – Ед.хр.771.
23. Правда. – 1942. – 17 апреля.
24. Раджабов З.Ш. Участие трудящихся Таджикистана в совместной борьбе народов СССР против немецко-фашистских захватчиков // О дружбе Таджикского народа с другими народами СССР. – Душанбе: Дониш, 1967. - 191 с.
25. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
26. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 224 с.
27. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – 1956). – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. - 531 с.
28. Сечкина Л.П. Вклад таджикского народа в победе над фашистской Германией // Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941-1945 гг.). – Душанбе, 1975.
29. Сечкина Л.П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. – Душанбе: Дониш, 1989. - 244 [2] с.
30. Сечкина Л.П. Трудовой подвиг Таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. – Сталинабад, 1960. - 203 с.
31. Соломон П. Советская юстиция при Сталине (пер. с англ. Л. Максименкова). 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. - 472 с.
32. ЦГА РТ. – Ф.329. – Оп. 20. – Д.77.
33. ЦГА РТ. – Ф.329. – Оп.20. – Д.29.
34. ЦГА РТ. – Ф.329. – Оп.20. – Д.30.

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ЩЕРОВА Наталья Сергеевна,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: natalya.scherova@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПЕРИОДИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. *Рассматриваются юридические периодические издания как источник для изучения вопросов юридической науки. Анализируются конкретные примеры юридической печати второй половины XIX века, в которых содержались материалы, посвященные исследованию государственно-правовых явлений.*

Ключевые слова: *право; юридическая наука; средства массовой информации; юридические журналы; XIX век.*

SAL'NIKOV M.V.
SCHEROVA N.S.

THE THEORETICAL QUESTIONS OF LAWYER SCIENCE IN SPECIALIZED PERIODICALS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The summary. *The paper considers legal periodical editions as a source for studying the issues of lawyer science. Specific examples of the lawyer press of the second half of the XIX century are analyzed, which contained materials on the study of state and legal phenomena.*

Key words: *law; lawyer science; mass-media; lawyer magazines; the XIX century.*

XIX столетие стало периодом расцвета отечественной юридической науки. Это время связано со становлением высшего юридического образования, с именами известных отечественных теоретиков права и адвокатов-практиков. В самой системе права происходят изменения: была осуществлена судебная реформа, пересмотрено законодательство. В это же время, в середине XIX века, в системе журналистики появляется самостоятельный вид периодики – юридические издания.

Юридические журналы имеют свою историю. Первые издания по юриспруденции появляются уже в конце XVIII века и сообщают о тех

нормативно-правовых актах, которые принимались императором и Сенатом (к примеру, такие материалы печатались в «Журнале правоведения за 1796 (1797) год»). Периодика, которая похожа на современные юридические журналы, появляется в середине XIX века; с этого же времени мы наблюдаем возникновение новых изданий подобной тематики, причем с каждым годом их количество растет. В этот период появились такие журналы, как «Юридические записки», «Журнал Министерства юстиции», «Юридический журнал», «Юридическое обозрение», «Журнал гражданского и уголовного права», «Народный законовед», «Юридическая летопись» и др. Нужно отметить, что большинство из перечисленных изданий просуществовали недолго, буквально один-два года. Но были журналы, которые издавались на протяжении нескольких десятилетий. К их числу можно отнести «Юридический вестник», «Журнал гражданского и уголовного права», «Журнал Министерства юстиции».

Рассмотрим тематические аспекты юридических печатных изданий. Основная масса статей посвящена уголовному и гражданскому праву, однако степень смещения к той или другой отрасли права была различной.

Так, «Юридический вестник» чаще публиковал материалы по гражданскому праву, «Журнал Министерства юстиции» – по уголовному праву и пенитенциарным проблемам. Кроме этого, можно выделить следующие темы:

- российское законодательство (рассматривались, как отдельные стороны общественной жизни регламентируются указами и распоряжениями государственных органов);
- судопроизводство (организация системы судопроизводства, разбор наиболее интересных случаев из судебной практики, указатели судебных решений по гражданским и уголовным делам, кассационные решения);
- пенитенциарная политика, преобразование тюремной части в России;
- юридический быт в российских губерниях;
- международное право.

Безусловно, в каждом издании были свои, свойственные только этому печатному органу, темы. В данной статье остановимся на теоретических вопросах науки права, нашедших свое отражение на страницах юридических журналов.

При подробном анализе указанной периодической печати было выявлено следующее. Материалы, касающиеся теории права, истории права, их отдельных аспектов, встречаются нечасто. Не все издания на своих страницах обращались к изучению тех или иных теоретико-правовых вопросов, а если и касались их, то не в каждом номере. Далее мы рассмотрим конкретные примеры подобных публикаций.

Обратимся к вопросам изучения теории государства и права, некоторых проблем правовой политики. Так, в одной из книжек «Юридического вестника» за 1884 год была опубликована рецензия на исследование, посвященное классификации государственных форм [1]. Автор этих «критических замечаний» подробно разбирает рассмотренные в работе классификацию государств Аристотеля, смешанные государственные формы и представляет свои замечания.

В другом номере этого же печатного органа был представлен перевод публикации французского профессора юридического факультета в Тулузе С. Жинульяка «О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права» [2]. Автор подробно разбирает понятие кодификации, ее необходимость в то время. Наличие этого и предыдущего материала в журнале демонстрирует интерес редакции к теоретическому изучению государственно-правовых явлений.

Юридические периодические издания содержали материалы не только по правовым вопросам, но и связанные с другими сферами научного знания. Так, в номере 7-8 за 1890 год «Юридического вестника» был опубликован реферат «Юриспруденция и теория исторического процесса». Автором работы является историк и социолог Н. Кареев, который пишет о важности юридических знаний, «т.к. право играет видную роль в народной жизни, развитие коей составляется предмет исторической науки» [4, стр. 259]. Далее он отмечает: «в своих занятиях теорией исторического процесса я все более и более прихожу к убеждению в важности для нее даже таких юридических доктрин, которые, на первый взгляд, не имеют с ней ничего общего» [4, стр. 260] (в качестве примера приводит достижения уголовного права и криминалистики, в частности, учение о соучастии в преступлении. По классификации проф. Таганцева автор предложил свою классификацию исторических деятелей). Помимо взаимодействия и историей,

исследователь говорит о связи юриспруденции с социологией. Он пишет, что среди юристов есть такие лица, которые согласны с необходимостью изучения социальных явлений, и «благодаря таким ученым, с одной стороны, в область юриспруденции проникают новые для нее идеи и данные современной социологии, а с другой – и область социологии расширяется изучением целого ряда общественных явлений» [4, стр. 263]. Важность данной работы проявляется в подробном анализе научных взглядов С. Муромцева, представителя социологической теории правопонимания. Тем самым происходит изучение права через его связь с другими общественными науками.

Помимо привычных для правоведов тем, иногда встречаются необычные заголовки публикаций. Так, в «Юридическом вестнике» в 1887 году был размещен перевод статьи профессора Колера из Вюрцбурга под названием «Творческая сила юриспруденции». Здесь автор связывает юриспруденцию с творчеством, искусством: « <… >законы дают только юридические принципы, и дальнейшее развитие юридических форм является уже не толкованием, а новообразованием и творчеством» [8, стр. 114]; юриспруденция потому искусство, что «предполагает дарования художника – умение формировать и конструировать; юриспруденция и потому еще искусство, что та же фантазия, которая открывает взору художника картины жизни, открывает умственному взору юриста жизненные явления, в которые он может провести свои принципы» [8, стр. 115]. Подобные взгляды связаны с обращением внимания на роль судьи в гражданском процессе, подчеркивается необходимость формирования нового учения о положении судьи.

«Юридический вестник» был тесным образом связан с Московским университетом, поэтому редакция журнала обращала внимание на вопросы университетского образования. Печатались материалы о преподавании, об экзаменационных требованиях по юридическому факультету, о значении юридического образования. В XIX веке юридическое образование имело важное значение для общества, изучался российский и зарубежный опыт. Сейчас, к сожалению, эта тема не находит должного освещения в современных юридических изданиях, хотя по-прежнему остается важной. В частности, об этом свидетельствуют различные научные конференции, посвященные проблеме подготовки будущих юристов. Многие из положений, отмеченных юристами XIX века, могут быть использованы и учеными настоящего времени, не теряют своей актуальности.

Отдельным вопросом для изучения стали юридические науки. Редакции специализированных периодических изданий обращались к задачам науки права, ее значении, говорили об отдельных отраслях. Так, один из материалов был посвящен энциклопедии права как разновидности юридических наук [3]. Энциклопедия права – фундаментальная дисциплина, которая изучалась в дореволюционной России на всех юридических факультетах как введение в изучение специальных юридических наук. Автором анализируется понятие, особенности, структура, значение энциклопедии права, ее место в ряду других юридических наук. Такое детальное, подробное исследование отдельной дисциплины позволяет получить более цельное представление о ней, об университетском образовании, о том первом шаге, с которого начинается дальнейшее изучение юридических наук.

Поскольку «Юридический вестник» и «Журнал гражданского и уголовного права» были печатными органами юридических обществ, то неудивительно, что в них печатались протоколы заседаний указанных собраний Москвы и Санкт-Петербурга. В них фиксировались количество присутствующих из состава общества, количество посторонних лиц, результаты выборов в действительные члены, слушание рефератов, их обсуждение (прения) с указанием имен высказывающихся и замечаний. После этого рефераты печатались в журналах. Необходимо отметить, что рефераты касались различных аспектов государства и права, в том числе и науки.

В 1875 году состоялся I съезд русских юристов. Московское юридическое общество активно участвовало в созыве этого собрания. В 1874 году в книжках 3 и 4 была опубликована статья «О разработке предварительной программы занятий предстоящего съезда русских юристов в Москве» [10], были перечислены предложения по темам обсуждения от конкретных лиц. На протяжении 1876 года в нескольких номерах журнала были опубликованы протоколы заседаний, т.е. редакторский коллектив освещал ход проведения этого мероприятия, важного события в жизни российского юридического сообщества.

Так как «Журнал Министерства юстиции» был создан для информационного сопровождения хода судебной реформы 1864 года, вполне объяснимо, что редакция издания обращала свое внимание на то, как это событие описывалось в периодике. В 1863 году на протяжении нескольких номеров была опубликована статья «Отзывы русских газет и журналов о судебной реформе».

Здесь публиковались также материалы, связанные с практикой рассмотрения конкретных дел в судебных инстанциях и вопросы реализации пенитенциарной политики Российской Империи. Так, в номере 10 за 1902 год была помещена статья С.П. Никонова «Семейное право в решениях волостного суда» [9], а в номере 7 за 1910 год «Краткий очерк тюремного устройства мероприятий в области тюремного дела в России за 1905-1910 гг.» [5]. Данный краткий очерк был составлен по указанию начальника Главного тюремного управления для представления на VIII Международный пенитенциарный конгресс, который состоялся в 1910 г. в Вашингтоне, и издан в последующем отдельной брошюрой [6].

Вопросы реализации пенитенциарной политики анализировались и в книжках журналов, изданных ранее. Например, в № 2 за 1904 г. была помещена статья И.В. Муравьева «Организация тюремного труда в России» [7].

Таким образом, мы видим, каким широким был спектр тем, на которые были опубликованы материалы в юридических изданиях: гражданское, семейное и уголовное право, процессуальные вопросы, отдельные институты (к примеру, прокуратура, тюремная система, адвокатура, присяжные заседатели), исторический и теоретический аспекты права, судебная практика, юридическая библиография, опыт зарубежных государств, международное законодательство и многое другое.

Во всем этом многообразии тематических аспектов отдельно выделяется блок теоретических вопросов изучения государственно-правовых явлений, в числе которых можно назвать следующие: юридическая терминология, связь юриспруденции с другими общественными науками, университетское образование и преподавание, реформы отечественного законодательства, юридические объединения и другое. Авторами публикаций являлись ученые в области права (С. Муромцев, Н. Зверев и другие), тем самым повышалась значимость этих материалов, т.к. они были написаны специалистами, компетентными в указанной сфере. Все эти и другие темы являются важными для изучения и понимания государства и права. Они не потеряли своего значения и актуальности и получили дальнейшее развитие как в научных трудах исследователей, так и в периодической печати.

Список литературы

1. Алексеев А.С. К вопросу о классификации государственных форм // Юридический вестник. – 1884. – № 5-6. – С. 646-666.
2. Жинульяк Ш. О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права // Юридический вестник. – 1876. – № 3-5. – С. 3-40.
3. Зверев Н. Энциклопедия права в ряду юридических наук // Юридический вестник. – 1800. – № 1. – С. 17-41.
4. Кареев Н. Юриспруденция и теория исторического процесса // Юридический вестник. – 1890. – № 7-8. – С. 259-277.
5. Краткий очерк тюремного устройства мероприятий в области тюремного дела в России за 1905-1910 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 7.
6. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905-1910 гг.: Сост. по распоряжению нач. Гл. тюрем. упр. для представления 8 Междунар. пенитенциар. конгр., имеющему состояться в 1910 г. в Вашингтоне. - Спб.: Сенат. тип., 1910. - 68 с.
6. Муравьев И.В. Организация тюремного труда в России. – Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 2. – С. 698-710.
7. Муромцев С. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. – 1887. – № 9. – С. 112-117.
8. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал Министерства Юстиции. – 1902. – № 10. – С. 79-104.
9. О разработке предварительной программы занятий предстоящего съезда русских юристов в Москве // Юридический вестник. – 1874. – № 3-4. – С. 1-32.

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ВИДЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА ПО СУБЪЕКТАМ

Аннотация. *Анализируются особенности различных видов толкования права, выделяемых в зависимости от того, кто и на каком основании осуществляет интерпретационную деятельность. Определяется значение каждого вида толкования.*

Ключевые слова: *толкование; субъекты толкования; официальное толкование права; неофициальное толкование права.*

ROMANOVSKAYA L.R.

TYPES OF INTERPRETATION OF LAW ON SUBJECTS

The summary. *the author analyzes the features of different types of interpretation of law, allocated depending on who and on what basis performs the interpretation activities. The meaning of each type of interpretation is determined.*

Key words: *interpretation; subjects of interpretation; the official interpretation of the law; the informal interpretation of the law.*

В научной литературе традиционно предлагаются два основания для выделения видов толкования права – это объем толкования и субъект (интерпретатор) [7; 14; 16].

Классификация по субъектам отражает круг лиц, которые могут осуществлять толкование, и этот круг весьма широк. По сути, толковать юридические нормы может любой субъект, даже подросток, который, например, знакомится с текстом Конституции Российской Федерации. Однако юридическое значение результатов толкований очень сильно различается в зависимости от того, кто толкует нормы права. Как различается и качество такого толкования. Интерпретатор может быть наделен полномочиями по толкованию права, а может выступать субъектом толкования без официальных полномочий, по собственной инициативе. По мнению Р.А. Ромашова, оно может быть определено следующим образом: «Толкование (интерпретация) норм права – это сложный волевой процесс, направленный на установление точного смысла предписаний правовых норм, заложенного правотворческим органом, доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц» [15, стр. 206]. Поэтому толкование права по критерию субъекта делится на официальное и неофициальное.

Официальное толкование дается уполномоченными органами, воплощается в соответствующих интерпретационных актах и влечет юридические последствия.

Официальное толкование – это разъяснение смысла нормы права, исходящее от

государственно-властного органа и имеющее обязательный характер для всех субъектов, на которые эта норма распространяется [5].

Официальное толкование служит важным политико-правовым инструментом не только выявления точного смысла права, обеспечения его эффективности, но и укрепления законности и правопорядка в целом.

Н.Н. Вопленко выделяет два основных признака официального толкования: «принадлежность его уполномоченным органам и юридические последствия, вытекающие из государственно-властных указаний, содержащихся в разъяснении» [4, стр. 10].

И. Сабо рассматривает виды толкования с учетом трех обстоятельств: «кто компетентен осуществлять толкование, толкование каких органов является обязательным, и для кого оно обязательно» [17].

Кроме этого официальное толкование отличается также своей формой и особым порядком осуществления. По форме акты официального толкования выражаются, как правило, в виде письменных документов. Хотя иногда может иметь место и устное официальное толкование – например, разъяснение прав и обязанностей участникам процесса со стороны суда во время рассмотрения гражданских и уголовных дел, или разъяснения, которые даются соответствующими должностными лицами во время приема граждан по юридическим вопросам.

Особый порядок осуществления официального толкования выражается в понятии праворазъяснительного процесса. Как отмечает Н.Н. Вопленко, «появление понятия «праворазъяснительный процесс» было связано с теоретическим обобщением практики праворазъяснительной деятельности субъектов советского права» [4, стр. 16]. Праворазъяснительный процесс как совокупность определенных стадий формирования официального разъяснения раскрывает вопрос о причинах и порядке издания акта толкования, особенностях его регулирующего воздействия на общественные отношения. Все это позволяет более четко видеть особенности официального толкования по сравнению с неофициальным.

Е.Г. Мирошников в качестве важнейшей черты официального толкования права называет то, что оно «может осуществляться только органами государственной власти, местного самоуправления, государственными и муниципальными служащими, должностными лицами, которые уполномочены на это законодательством Российской Федерации или в силу правила «argumentum majori ad minus» (уполномоченный на большее уполномочен и на меньшее)» [11, стр. 37].

Правомочия субъекта официального толкования права являются критерием для выделения, таких видов официального толкования права, как: нормативное (аутентичное и легальное) и казуальное толкование.

«Нормативное и казуальное толкование, – *как отмечает А.В. Малько,* – отличаются также особенностью содержания и адресностью актов толкования» [10, стр. 307].

1. *Нормативное* толкование рассчитано на повторяемость. Оно имеет юридическое значение для неопределенно большого количества субъектов, оказавшихся в типичной жизненной ситуации.

Официальное нормативное толкование необходимо для обеспечения правильного и единообразного применения юридических норм. Одни из способов достижения согласованных и соответствующих действующему праву решений сходных дел – издание высшим судебным органом или иным органом государственной власти интерпретационного акта нормативного характера.

Нормативное разъяснение, вопреки своему названию, не содержит и не должно содержать новых правовых норм. Интерпретатор не должен подменять собой правотворца.

«Нормативному толкованию, – *пишет В.К. Бабаев,* – подвергаются акты, которые с точки зрения компетентного органа нуждаются в дополнительном разъяснении в силу обнаружившихся затруднений, неправильной или противоречивой практики их применения или в силу иных причин» [13, стр. 234].

Нормативное толкование в свою очередь подразделяется на аутентичное и легальное, в зависимости от того, из чего исходит право интерпретатора толковать те или иные нормы.

В ряде случаев нормативный акт, который на практике вызывает неясности или противоречиво применяется, официально разъясняет путем нормативного толкования сам орган, издавший этот акт (тогда имеет место аутентичное толкование). В этом случае право толковать данные

нормы принадлежит самому правотворческому субъекту, исходя из принципа «argumentum majori ad minus». Цель толкования – установить смысл юридических норм в соответствии с выраженной в них волей правотворческого субъекта. В случае аутентичного толкования, субъект правотворчества совпадает с субъектом толкования и сам разъясняет свою волю. С.В. Бошно отмечает, что аутентичное толкование имеет двойственную природу. С одной стороны, оно является результатом правотворчества и может принимать форму нормативно-правового акта. С другой стороны, акт аутентичного толкования является вспомогательным, интерпретационным актом, официально разъясняющим нормы основного документа [3].

Легальное (делегированное) толкование дается по поручению правотворческого субъекта иным, специально уполномоченным на то органом. Например, правом давать официальное толкование Конституции РФ обладает только Конституционный Суд РФ (ч.5 ст.125 Конституции РФ); правом официального толкования (разъяснения) избирательного законодательства пользуется Центральная избирательная комиссия [1].

2. *Казуальное* толкование рассчитано на отдельную жизненную ситуацию, конкретный случай (казус) и адресуется к персонально определенным субъектам. Иногда его называют правоприменительным толкованием. Казуальное толкование осуществляется как в деятельности судов (*судебное* толкование), так и в процессе применения права другими органами (*административное* толкование).

Официальное толкование права имеет особое значение в правоприменительной деятельности. Оно призвано способствовать правильному разрешению конкретных юридических дел. Официальное толкование является средством предупреждения и устранения ошибок при применении права, служит совершенствованию правоприменительной деятельности и укреплению законности и правопорядка. Официальное толкование может иметь и большое политическое значение, задавать вектор развития и совершенствования юридической практики.

В силу особой значимости официального толкования, оно получает правовую регламентацию, в том числе, на уровне субъектов Российской Федерации. Так, в Законе Нижегородской области «О нормативных правовых актах Нижегородской области» определено, что официальное толкование законов области осуществляется законом области; акты Губернатора области вправе официально толковать сам Губернатор (аутентичное толкование), а также органы исполнительной власти и должностные лица, уполномоченные Губернатором (легальное толкование) и т.д. (ст.44 Закона). [2] Закон устанавливает и весьма широкий круг субъектов, которые могут выступить в качестве инициаторов проведения официального толкования нормативно-правовых актов области или отдельных правовых норм: это граждане, юридические лица, органы государственной власти области и органы местного самоуправления.

Неофициальное толкование – это толкование права, которое дается негосударственными организациями и частными лицами и не имеет юридически обязательного значения.

В современном обществе неофициальное толкование приобретает все большую популярность ввиду того, что официальное толкование зачастую сильно опаздывает. Правовые вопросы по новым нормам у людей возникают практически сразу после выхода нормативно-правовых актов. Кроме того, неофициальное толкование играет большую роль в образовательном процессе, когда студенты изучают различные научно-практические комментарии к кодексам, законам, а также сами под руководством преподавателей учатся понимать, толковать правовые тексты.

Субъектами неофициального толкования могут являться любые лица, не осуществляющие официальных полномочий: граждане, общественные организации, научные учреждения, практикующие юристы, правоведы и т. д. Поэтому неофициальное толкование также подразделяют на разновидности – по критерию уровня правосознания интерпретатора, глубине его юридических знаний.

Разновидностями неофициального толкования принято считать доктринальное, профессиональное и обыденное толкование.

Доктринальное (научное) толкование дается учеными-правоведами, специалистами в области права в монографиях, научных комментариях, статьях и др. Оно основано на высоком уровне правосознания и правовой культуры

интерпретатора, глубоких научных знаниях о государственно-правовой системе. Хотя оно не является обязательным, доктринальное толкование оказывает большое влияние на правотворческую и правоприменительную практику. Его убедительность обусловлена, прежде всего, научным авторитетом интерпретатора

Профессиональное толкование осуществляется юристами-практиками (судьями, прокурорами, адвокатами, нотариусами и др.). Оно основано на юридических знаниях, полученных интерпретатором в процессе юридического образования, а также на знаниях в области практической юриспруденции. Такое толкование может даваться как в письменной, так и устной форме. Такое толкование иногда называют «компетентным».

Обыденное толкование дается обычными людьми, не имеющими специального юридического образования. Оно осуществляется, как правило, в форме уяснения. Такое толкование основано на внутренних морально-этических убеждениях личности, своем понимании логики законодателя, а не на специальных юридических знаниях. От характера такого толкования во многом зависит состояние законности в обществе, ибо оно является основанием юридической деятельности граждан, их правомерного поведения.

Неофициальное толкование нельзя недооценивать. На такой подход нас ориентировал еще Гегель: «Сословие юристов, – *писал он,* – обладающее особым знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует вмешиваться в их дела… однако так же, как и надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знанием о предметах, представляющих собою общий интерес. Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его» [6, стр. 253]. Именно такой подход позволяет участнику правоотношений понять соотношение права и справедливости [8; 9; 18].

Неофициальное толкование позволяет уяснить субъекту права ту ситуацию, при которой закон очень часто не способен отразить разнообразие его аспектов и те глубинные процессы, которые он регулирует. В частности, на это обращал внимание Шарль Монтескье в своем фундаментальном труде «О духе законов». Он подчеркивал, что законы не предполагают учитывать тонкости обеспечения правовой реальности. «Они предназначены, – подчеркивал мыслитель, – для людей посредственных, и содержат в себе не искусство логики, а здоровые понятия простого отца семейства. Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях, видоизменениях, то лучше обходится без них. Законам должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания любой злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью» [12, стр. 160].

Соглашаясь с предложенной идеей французского мыслителя о необходимости предельного упрощения изложения текста законов, Р.А. Ромашов в то же время обращает внимание на два обстоятельства:

1. Это не всегда возможно;
2. Именно упрощенное закрепление различных положений требует, в свою очередь, дополнительного их разъяснения [15, стр. 208].

Интересным является вопрос определения уровня толкования права, которое осуществляют студенты юридических факультетов, например, в рамках работы в юридических клиниках. На наш взгляд, такое толкование занимает промежуточное место между обыденным и профессиональным.

В последнее время усиливается роль доктринального толкования. Юристов-ученых стали чаще привлекать к участию в правотворческом и в правоприменительном процессах в качестве разработчиков законопроектов, экспертов, специалистов, консультантов. Так, например, преподаватели Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, имеющие научные степени кандидата или доктора юридических наук, дают экспертные заключения на некоторые региональные законопроекты, входят в состав соответствующих экспертных комиссий.

Список литературы

1. Федеральный Закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
2. Закон Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-З «О нормативных правовых актах Нижегородской области» // http://base.garant.ru/8681938/
3. Бошно С.В. Толкование норм права: приемы и виды // Право и образование. – 2003. – № 5. – С. 15-33.
4. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. – М.: Юридическая литература, 2001. – 118 с.
5. Гаврилов Д.А. Герменевтика и теория толкования права // Вестник ВолГу. – Серия 5. – Волгоград, 1999. – С. 112-132.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
7. Жимиров В.Н., Сальников В.П.. Вележев С.И. Интерпретация правовых текстов: структурно-функциональный анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 2(22). – С 6-10.
8. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
10. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: НОРМА, 2008. - 384 с.
11. Мирошников Е.Г. Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД РФ, 2000.
12. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М. Госполитиздат, 1955. – 803 с.
13. Общая теория права: Курс лекций / Под ред. профессора В.К. Бабаева – Н. Новгород, 1993. – 544 с.
14. Романовская Л.Р. Сальников М.В., Анисимова М.И. Толкование права: понятие и необходимость // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 52-56.
15. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
16. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. – М., 1998.
17. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права: Учебное пособие. – Свердловск, 1972. – 191 с.
18. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

БУЛАТОВ Рашид Борисович,
профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: bulatovrash@mail.ru

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: andreytso@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. *Анализируется конституционное развитие современного российского общества. Отмечается, что некоторые главы Конституции Российской Федерации и отдельные их положения нуждаются в совершенствовании. Формулируется тезис о том, что для реформирования Конституции необходима оценка прошлого опыта конституционного развития социалистической России.*

Ключевые слова: *Конституция; концепция конституционного развития; законодательство; государственная идеология; легитимность.*

BULATOV R.B.
ANDREYTSO S.Yu.

THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY: ABOUT SOME PROBLEMS OF THE GENERAL CONCEPT

The summary. *The constitutional development of modern Russian society is analyzed. It is noted that some chapters of the Constitution of the Russian Federation and some of their provisions need to be improved. The thesis is formulated that it is necessary to evaluate the past experience of the constitutional development of socialist Russia in order to reform the Constitution.*

Key words: *Constitution; the concept of constitutional development; legislation; state ideology; legitimacy.*

«Генеральная концепция», требующая тщательной профессиональной разработки, предполагает вычленение и последовательное вмонтирование в главный закон страны краеугольных ценностей и соответствующих механизмов реализации. К цивилизованным ценностям относятся такие категории как: человек (гражданин, личность, индивидуум), его жизнь, здоровье, достоинство, основные права и свободы, неотчуждаемые и принадлежащие каждому от рождения.

Будучи непреходящими явлениями, составляя в общей сложности фактическую конституцию, общепризнанные ценности служат необходимыми факторами формирования разнообразных конституционно-правовых институтов. В их числе: статус личности, прямая и представительная демократия, правовое и социальное государство, конституционное разделение властей, конституционная законность и т.д. Иначе говоря, сущность конституционного строя выражают: личность в качестве высшей ценности, народовластие, демократическое государство с его ценностями (конституционное разделение властей, парламентаризм, судебная защита конституционного строя).

Наша страна находится лишь в начале пути к цивилизованному устройству. На этом этапе к восхождению, укреплению своей позиции в мировом пространстве не утрачены факторы и обратного порядка, т.е. существует опасность повернуть вспять. Пока все очень неустойчиво. К тому же, к сожалению, возможны и рецидивы. Уж очень сильны разрушительные факторы: особенно тревожат коррумпировано-криминальные силы, желающие, если не приватизировать государственную власть, то хотя бы держать ее в напряжении [9; 11; 21; 25; 26; 40; 41; 42; 44].

В этой ситуации важно грамотно определить, какое общество следует строить, что должно быть предметом конституции. Один из путей – грамотная конвергенция, соответственно и юридическая конструкция генеральной концепции конституционных устремлений [14; 15; 16]. Это базовое начало преобразований. Ее составляющие: генеральный статус конституции (нормативного акта высшего и всеобщего регулирования общественных отношений) и генеральная концепция с ее руководящей идеей строительства необходимого, отвечающего требованиям и интересам народа, общества; социальная система, где действуют, работающая по всем параметрам конституция, необходимый социально-экономический уклад, доступные народу, каждому человеку образование, наука и культура.

Спроектировать такое общество для России, значит (с учетом ее исторического прошлого), образно говоря, селекционировать превалирующие моменты, отобрав все то, что работает в интересах людей. Иными словами, найти нечто среднее, своеобразный иной («третий») путь по типу конвергенции, обозначенной А. Сахаровым [24, стр. 4-14]. В этом, думается, заключается руководящая глобальная идея генеральной концепции будущей российской конституции и один из ответов на вопрос: какое общество строить?

Здесь можно вспомнить, что об этом уже шла речь у отечественных мыслителей, в том числе в XIX веке. На данный подход ориентировал в своих произведениях еще Ф.М. Достоевский. Достаточно подробно и образно показывает такую позицию великого русского писателя и философа профессор Р.Ф. Исмагилов в недавно вышедшей книге «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» [20]. Вместе с тем мыслитель предупреждал об опасности безумного заимствования ценностей из других стран. Вот что пишут по данному поводу профессоры В.П. Сальников и Д.В. Масленников во вступительной статье к указанной книге: «России следует быть чуткой к достижениям культур Запада и Востока, в полной мере воспринимать из наследства Европы, остающегося миру, ее искусство, науку, технические знания. Но при этом оставаться собой, развивать собственную культуру и традиции, тогда Россия будет интересна и остальному миру, а ее нравственные и исторические уроки будут этим миром усвоены.

Эти идеи особенно актуальны сегодня, в условиях глобализации, когда западноевропейский субконтинент вступает в фазу своего интенсивного развития: стремительно и неотвратимо меняется его этнический состав, на очереди – изменение системы ценностей и самого социо-культурного генетического кода европейской цивилизации. На повестке дня стоит уже не диалог между Востоком и Западом, как это обсуждали славянофилы и западники XIX

века, а конвергенция ориентализирующегося Запада и вестернизирующегося Востока. И здесь снова оказывается прав Достоевский: Россия с ее опытом всеотзывчивости человека, образ которой писатель увидел в гении Пушкина, с ее умением воспринимать любые культурные формы и традиции, адаптировать их и делать своими, сможет помочь этим глобальным процессам стать гармоничными и гуманными. Если, конечно, к ее урокам захотят прислушаться» [45, стр. 16].

Попытаемся определиться в этом с позиции науки конституционного права. Как известно, истинной (ключевой) задачей конституционного (а также иного) права является формирование мотивов в обществе; побудительных факторов, преследующих удовлетворение человеческих (индивидуальных или групповых) интересов и потребностей.

Едва ли не ключевая (генеральная) задача общества – создание Конституции и поддержание ее легитимной дееспособности в рамках достаточности по времени. Именно в этом (генеральном) направлении законотворчества должна работать мотивация государственно-организованного общества России. Поэтому и следует определиться: какое общество строить? Прежде всего, в плане социально-экономическом и с точки зрения публично-конституционного процесса.

На наш взгляд, знаковым элементом генеральной концепции должна быть государственная политика в сфере конституционных преобразований, суть которой – обеспечить солидарную деятельность и ответственность общества за качественную сторону Основного Закона. Нормативным ядром её, с точки зрения политики, должны быть такие объекты как преумножение материальных, социально-культурных и духовных факторов конституционного развития – основы демократических преобразований в нашей стране.

Действующая конституция исходит из признания идеологического многообразия и тут же закрепляет: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13) [1]. Однако никакая (а тем более, генеральная) концепция конституции немыслима без идеологического стержня [8; 22; 28; 53], чему подтверждением является, прежде всего, преамбула действующей Конституции Российской Федерации (Мы, … народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле,... исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов,… возрождая суверенную государственность России…, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...).

Таким образом, преамбула, хотя и с некоторыми коррекциями, может быть предметом модернизированной конституции. Что касается коррекции, то, на наш взгляд, во-первых, нужно исключить из преамбулы положение «утверждая права и свободы человека»... (противоречит п.2 ст. 17); во-вторых, именно во введении следует зафиксировать идею общества, которое предстоит строить. Её суть – синтез элементов превалирующих обществ (отечественный и зарубежный опыт), отвечающих интересам человека, социальной системы в целом. Условно говоря, подразумевается «социал-капиталистическое общество» (конвергенция). Разумеется, возможны и другие словосочетания характеристики общества.

Главное же, чтобы в наименовании была отражена суть намечаемого публично-правового процесса социального восхождения. Проблема общественных (и, следовательно, конституционных) преобразований остаётся за рамками исследуемой темы (ее касаемся лишь как базовой категории поисков муниципальной конструкции). Действующая конституция, на наш взгляд, нуждается не в замене, а коренной модернизации. Структурно и по основному содержанию она должна соответствовать российской, а также зарубежной практике. Речь идёт о том, чтобы Главный закон страны заставить «работать» на общество полностью или, по меньшей мере, значительную часть его нормативного потенциала. А, если конкретно, то привести его в соответствие с новыми реалиями, преумножением текущего законодательства (не всегда грамотного, а иногда и скандального, что относится к вызвавшему столь негативную реакцию общества, Федеральному закону № 122 (о монетизации льгот) [3].

Вряд ли найдутся главы (отдельные их положения) Конституции Российской Федерации, не нуждающиеся в совершенствовании, особенно – глава первая. Конституционный строй России [39], закрепленный в Основном Законе страны, на наш взгляд, базируется на двух китах: 1. Личности с ее правами и свободами, как высшей

ценности (ст. 2) и 2. Демократии (если следовать нормам ст. 3), понимаемой в качестве синтеза прямой и представительной демократии (формула соответствует демократическому конституционному российскому государству – конституционной монархии, советскому государству, Российской Федерации). Именно такой подход (синтез легитимно-публичных властей народа и осуществляемой им – через представительные органы всех уровней – власти) противостоит спекуляции на тему о демократии, особенно лицами, обличенными властью.

Общеизвестны ключевые формы правления – монархическая и республиканская. В нашей конституции записано: «Российская Федерация – Россия есть... государство с республиканской формой правления» (п. 1 ст. 1). Кажется, ясно и понятно, но без деталей. Известно, что республика – наилучшая государственная форма, которая удовлетворяет первому условию всякого общежития – прочности. Ее граждане участвуют в управлении государством, имеют не только частные, но и общественные интересы и т.д. И далее. Конституционное государство – это:

а) конституционная монархия (отличительный признак: суверенный орган – лицо физическое);
б) республика (отличительный признак: суверенный орган – лицо юридическое) [13, стр. 31-35].

И разновидность трактовки республик:

а) непосредственные (отличительный признак: суверенный орган – народ) и
б) представительные (отличительный признак: суверенный орган – коллегия народных представителей) [10, стр. 161].

На наш взгляд, с учетом научных трактовок и во избежание двусмысленностей следует конституционно уточнить: «Российская Федерация – Россия есть... государство с республиканской (президентской) формой правления». Это принципиально. Что же касается иных положений – «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство...» – они пока виртуальны. Скорее относятся к программным конституционным установкам. Не в полной мере отвечают реалиям и нормы о высшей ценности личности (ст. 2) . Хотелось, чтобы цена Человека (принципиально отличается от категории «высшая ценность личности») возросла в разы. Норму же о защите прав и свобод человека и гражданина следует дополнить ответственностью государства за обеспечение безопасности личности. Только тогда, когда Конституция задействует нормы об ответственности чиновников за безопасность Человека и Гражданина, когда будет должным образом обеспечена доступность к судебной защите личности, начнет работать целый ряд нормативных установок главы 2 Конституции, особенно статей 19-23, 31, 39, 45... . Объективно нуждается в совершенствовании так же территориальная организация России: и с точки зрения федеративного устройства, и в плане административно (местно) – территориального устройства. Ассиметричная федерация должна преобразоваться в симметрично-гармоничную, за счет адекватных по статусу субъектов.

Существенный элемент конституционного строя – система форм собственности, включая на землю (ст. ст. 8 и 9). Однако, форма хозяйствования (по типу «рыночная экономика») мало что объясняет. Нет характеристики экономического уклада. Возможно и поэтому, т.е. без конституционных установок форм хозяйства, целый ряд экономических и связанных с ними иных сфер реформирования иногда повторяются. Это называется «серийное реформирование». Особо отличилось – ЖКХ. Было множество реформ, СМИ «пестрели» публикациями. Одна красноречивее другой... Сошлемся лишь на публикации с характерными названиями: «Гибель либеральной иллюзии! (закономерный итог российских реформ)», «Великий эксперимент завел Россию в тупик», «Российское производство отказалось расти», «Почему у нас нет великих экономистов», «У реформы должна быть приемлемая цена», «РЖА ест реформы»... [33; 47; 48] Причины вроде бы понятны, потому что в это же время в ежегодном Послании Президента России мы видим красноречивые рубрики: «О выживаемости нации», «О главной причине экономического кризиса»... .

Еще один основополагающий блок нормативных установлений в отношении конституционного строя (положения о прямой и представительной демократии) в концептуальном плане ограничен законодателем лишь ст. 3, а также – ст. 32. Другие же нормы детализируют положения применительно к Президенту (ст. ст. 81, 84), Федеральному Собранию (ст. 96). По нашему мнению, этого недостаточно.

Рассмотрим следующее положение конституции нашего государства, требующее, на наш взгляд, внимания. Даже советские конституции содержали специальную главу об избирательном праве и избирательной системе. Подобным образом поступают и конституции зарубежных государств, однако претендующая на демократическое развитие Россия поступила иначе... Представляется, что в Основном Законе Российской Федерации должны быть закреплены концептуальные основы избирательного права и избирательной системы [17; 18; 49; 50; 54; 55]. Среди них: идеи и принципы данного института, альтернативные формы избирательной системы – федеральная (пропорциональная система, исключающая одномандатные избирательные округа)*, региональные (по меньшей мере, смешанная, состоящая из кандидатов по партийным спискам и одномандатным округам) и муниципальные (избрание только в рамках избирательных округов).

Словом, каноны избирательной системы следует закрепить в Российской Конституции не в ущерб народу – носителю суверенитета и единственному источнику власти. Государство (а Госдума – представительная его часть) не должно быть партийным. Особенно сейчас, в условиях доминирования «Единой России» (кстати, вряд – ли государственным органам следует заниматься партийным строительством). Таким образом, проблема нормы ст. 3 (п. з) – «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» – на наш взгляд, остается. Сказанное в какой-то степени относится к первой части нормы – референдуму. Он практически не является, с точки зрения привлечения населения, реальным рычагом власти народа. Главная, думается, причина – слишком сужен предмет референдума. Впечатляющий пример – экспертиза ЦИК на инициативы проведения референдума. Из 17 предполагаемых вопросов – лишь два отвечали Федеральному конституционному закону от 28 июля 2004 г. «О Референдуме Российской Федерации» [31].

Местному самоуправлению в конституционном строе принадлежит самостоятельное место. Это для России относительно новый институт власти. Хотя за плечами около четверти века опыта, институт так и не обрел значимого веса в обществе. Причины? Видимо, не одна. Но главная, пожалуй, – материальная недееспособность. С одной стороны, вроде бы признается и защищается муниципальная собственность (в том числе на землю и другие природные ресурсы), установлены местные налоги и сборы. С другой, конституционно не прописан механизм наделения муниципальной власти собственностью, природными и иными ресурсами, а в результате – полная зависимость муниципальной власти и прежде всего от властей субъектов федерации. [32]

Далее. С одной стороны, провозглашена самостоятельность муниципальных структур (конечно же, в пределах своих полномочий). Они имеют статус вне системы органов государственной власти. С другой стороны, – бюрократическая заорганизованность множеством Советов по самоуправлению (при федеральных и региональных органах). Отсюда – «поклоны» перед «Советами», депутатами (особенно региональными) и т.д.

Наверное, не исключается еще одна причина: редакция Закона о местном самоуправлении 2003 г. отошла от одноступенчатого уровня местного самоуправления (не было вышестоящих структур) к трехступенчатому. Если ранее местное самоуправление было (или почти было) негосударственным [5], то теперь, по меньшей мере, оно является общественно-государственным [4], что не согласуется с нормами Конституции.

Разработать генеральную концепцию конструктивной реформации Конституции, значит предпринять юридическую оценку прошлого опыта конституционного развития социалистической России. Четко представить в каком обществе мы жили, его состояние сегодня и в каком направлении наша страна движется теперь. Попробуем сделать это:

1. Бытует мнение: все мы жили при социализме и даже в развитой его стадии. Утверждают, что наше социалистическое общество потерпело крах по причине пренебрежения к человеку. Эти суждения исходят от людей различных политических воззрений. Так ли это?

2. Безусловно, бывшее общество кое-какими признаками социализма располагало. Среди них: бесплатное образование и медицинское обслуживание; забота о детях; пенсионное обеспечение за счет государства; доступные для всех категорий населения цены на определенные

продовольственные товары (особенно – хлебобулочные изделия); некоторые услуги (в частности, квартплата); относительно устойчивый рубль, что позволяло людям ориентироваться в собственных ресурсах и т.д. Акцентированием внимания на сказанном, не следует упускать из вида и другое: некое подобие социалистическим признакам, а порой в более развернутом варианте, свойственно капиталистической формации (можно вспомнить «шведскую модель» социализма).

Коснемся еще одного экономического аспекта. «Основу экономической системы СССР – установлено ст. 10 Конституции СССР 1977 года – составляет социалистическая собственность» [2, стр. 97]. Различаются два подхода к данному институту:

а) право собственности, как исторически определенной формы присвоения материальных благ;
б) право собственности, как право владения, пользования и распоряжения собственным имуществом.

В данном контексте фактически наличествовала многоукладная эксплуататорская экономика. Ее особенности: рабочие и служащие получали немногим более 10% создаваемого продукта; крестьяне (колхозники) были привязаны к месту постоянного жительства, к земле**, а в городах широко практиковалась лимитная прописка, т.е. были своеобразные формы крепостничества. Ее элементы можно усмотреть и в государственном распределении молодых специалистов (с отработкой не менее 3-х лет). Итак, вывод очевиден: советское общество отождествлялось с социализмом. Не потому ли его однозначно окрестили: «социализм без человеческого лица».

3. Продолжая анализ советского социализма, воспользуемся для сравнения аббревиатурой (сокращенными словообразованиями) «СССР». Наше общество и его государство, будучи явлениями уникальными, именовались не тем, чем были в реальной жизни:

а) статус СССР. Был ли он Союзом суверенных государств? Федерацией? Позволим предположить, что не был. По сути дела, СССР был унитарным, сильно централизованным государством, что предопределялось единой системой КПСС (союзные республики имели ЦК КП, возглавляемые секретарями ЦК, а в автономных республиках конструировались обкомы партии, возглавляемые секретарями). Поэтому норма Основного Закона страны – СССР образован на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик (ст. 70) [2], являлась фиктивной, чисто декларативной, искусно закамуфлированной (в аббревиатуру «СССР») под «Союз», под «Федерацию»;
б) из этой же серии: СССР – «Советский», в смысле всевластия Советов. Опять же, на наш взгляд, не соответствует реальности. Советы провозглашались в качестве политической основы государства (ст. 2). Фактически же ее, т.е. основу, составляла КПСС – руководящая и направляющая сила общества, ядро его политической системы (ст. 6), обладавшая всей полнотой государственной власти в лице собственных руководящих органов;
в) очередной элемент аббревиатуры: правомерно ли считать, что СССР был социалистическим государством? Наверное, не совсем. Подтверждением этому являлись уже упоминавшаяся многоукладная эксплуататорская экономика и «крепостной» труд. К тому же, партия (КПСС) «питалась» финансами из двух источников: распоряжалась (и в своих целях тоже) средствами государственного бюджета и имела свой (закрытый от общества) золотой запас [12, стр. 147];
г) и последнее из аббревиатуры «СССР». Был ли он Союзом Республик? И на этот вопрос будет ответ скорее отрицательный. Республика (особенно союзная, – субъект СССР, каких было пятнадцать) – есть государство, где управление и самоуправление принадлежат народу. Вряд ли следует доказывать: в условиях тоталитарного режима, при фактическом господстве КПСС (вернее – ее номенклатуры) нормы Конституции («Вся власть в СССР принадлежит народу», ст. 2) [2, стр. 97] были фиктивными.

Что же получается: семидесятилетний опыт советской федерации отправим на свалку истории? Тут требуется некоторое отступление. Россия исторически всегда была «соборным» (изначально сложившимся из русских земель) государством. Его общая схема: на территории нашей страны находилось к 1242 году – 30

самостоятельных княжеств, к 1605 году – около 50 самостоятельных государств, к 1917 году – около 20 государств. Тем не менее, государство, начиная с Московско-Суздальской Руси, оставалось унитарным [23, стр. 47-48].

Поначалу и Россия, переняв наименование после февральской революции, называлась «Российская Республика». А с января 1918 г. получила статус Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (позднее – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). Аббревиатура одна и та же – «РСФСР». Итак, первой Советской Федерацией оказалась Российская. Она конструировалась на базе национально – государственных субъектов разного уровня. По Конституции СССР (1977 г.) Союз ССР состоял из 15 союзных республик (федеративных и унитарных), РСФСР – из 16 автономных республик.

По этой конституции союзные республики были наделены суверенитетом с равноправным статусом. С точки зрения тоталитарного диктата КПСС, как уже упоминалось, ни о каком суверенитете союзных республик (в частности, не реальном праве их выхода из СССР) не было и речи. Существовал и двойной стандарт: федеративной считалась только Россия, а другие три союзные республики, имевшие в своем составе автономные республики, конституционно федеративными не именовались. Несмотря на это, советская федерация (союзная и республиканская) конструировалась на основе рациональной (конструктивной) идеи – национальные государства в национальном государстве – симметричной Федерации с конституционно – равноправным статусом ее субъектов.

Ныне действующая Конституция, отчасти впитав советскую конституционную идею федерализма, приняла асимметричную, множественную по субъектам республиканскую федерацию. При этом подчеркнуто «субъекты Российской Федерации между собой равноправны» (ст. 5). Это не соответствует реалиям по многим признакам. Во-первых, в состав Российской Федерации входят «национальные государства», которые имеют собственную конституцию, а также административно-территориальные образования, довольствующиеся уставом (надо полагать, – особой формой конституции). Во-вторых, примерно треть субъектов в экономически ресурсном понимании, относительно, самостоятельны [6]. Третье: вряд ли вписываются в равноправный статус, условно говоря, «субъекты – матрешки» даже при «подстраховке» конституции: «отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственного автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области» (ст. 66).

Законодатель вряд ли имел представление, как применить предписываемую им норму. Это видно на примере Красноярского края, на территории которого: Хакасия – автономная область (ныне республика), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа. На наш взгляд, проблема федерализма дебатируется в двух направлениях: меняться ничего не будет и в то же время перемены должны быть обязательно. Одни считают (М. Шаймиев, экс-президент Татарстана): «Из слабых регионов сильной России не построить» [29]. Или: «Пять в одной. Неравномерность развития регионов ведет к еще большему их «разбеганию»» [30]. Нередко, требуется укрощение управленцев, действующих в рамках: «Я так хочу, а вы – судитесь». Руководители на местах игнорируют федеральные законы [34].

Известно, что федеративное устройство в основе своей – децентрализованное государство. Проблема рационального сочетания централизации и децентрализации является, едва ли не ключевой. В этом смысле особо велика значимость конвергенции, т.е. использование российского опыта унитаризма и федерализма, как особо развитого, сложного, национально-государственного устройства. Период длительный, а в национальном государстве и весьма ответственный, что требует «филигранной» государственной национальной политики. Проблема эта весьма и весьма актуальная.

4. В многочисленных публикациях, касающихся прошлого и настоящего нашей страны, казалось бы, нет недостатка в оценке настоящего и прогнозах на будущее России. И все же рискнем предположить: в нашем обществе не было и нет полной ясности, от чего наше общество уходит, и в каком направлении следует двигаться по восхождению. Вряд ли, случайными в прошлом были два варианта проектов Конституции, прогнозирующие, по сути, две

различные формы правления [19].

На наш взгляд, нет понимания перспектив развития России, а отсюда и нет системности, а, следовательно, и генеральной концепции развития. Реформы ведутся спонтанно, без должной научно-обоснованной разработки. Стало уже привычным «выхватывание» реформ, расстановка акцентов, тиражирование одних и тех же начинаний... К примеру, усиление вертикальной власти, расширение полномочий, передаваемых субъектам Федерации. Или административная реформа. Казалось бы, она расставила все точки над «и» по принципу: чиновников меньше, зарплаты больше. Но реформа шла наряду с её лоббированием. Примером служит принятый указ президента о введении еще по одному заместителю министра в статусе «статс-секретаря» Президента [35].

Распространено мнение, будто бы мы идем к цивилизованному обществу с рыночной экономикой. А что оно собой представляет? Каковы его коренные характеристики в конкретных исторических условиях? Цивилизация зародилась тысячи лет назад, а рыночная экономика была известна в рабовладельческом обществе и в феодальном тоже. Цивилизованное общество – это и существующая реальность, в каждом конкретном варианте она своя, с присущей для конкретной страны совокупной спецификой. В полной мере это относится и к России: использование громадного опыта, приобретенного человечеством, возможно лишь на пути всестороннего учета многовековой самобытной истории нашего общества. К тому же, – современного состояния экономической, социальной, национальной, духовной, государственной сфер жизни и присущих им законов.

5. За прошедший век произошло так, что лидеры капиталистических и иных стран мира извлекли необходимые уроки из самой Октябрьской революции, первой и второй мировых войн, из практики СССР, других стран, называвшихся социалистическими. Примеров много, включая социалистический Китай, использовавший законы капиталистического рынка.

Многие лидеры, признали главное: в социалистических идеях есть разумное (рациональное) и приемлемое, а капитализм, в его первозданном виде, – весьма несовершенен. Соответственно, пришли к бесспорному выводу: надо извлечь и соединить все лучшее у капитализма с лучшим, присущим социализму. Соответственно, это и осуществили посредством конвергенции. С тех пор многое изменилось. Резко увеличилась производительность труда, по крайней мере, уменьшились периодические экономические кризисы, происходившие в результате несоответствия спроса предложению на рынке. Научились действовать (этот процесс идет постоянно) в рамках законов свободной экономики.

Познание «управления» экономикой, т.е. воздействие на нее посредством необходимых факторов (включая «институт» конвергенции) – едва ли не ключевое приобретение цивилизованного общества с его базовыми факторами – новейшими технологиями (в частности, выход в космос с целью познания его пространства). Опять же с целью рыночного экономического восхождения, кардинальных достижений науки, «обогащения» (духовного) человеческого разума.

6. Великие преобразования цивилизованного мирового сообщества – это и исторический вызов России: идти по пути осуществления конвергенции страны уже давно «не лапотной», а с наличием новейших технологий (например, освоение космоса, создание современных систем вооружения, в чем у нас есть и собственные преимущества в мировом сообществе). Однако, если в космосе и в некоторых других сферах Россия – конкурентоспособная, то в «земных» сферах к конкурентоспособности нужно еще идти и идти. Единственная модель (а может быть одна из них) – освоение конвергенции, т.е. соединение для восхождения России лучшего, присущего и социализму, и капитализму. Овладеть идеей, активно пропагандировавшейся А.Д. Сахаровым в его проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии...» (Советский Союз, а ныне Россия – Евро-Азиатская страна) [24, стр. 4-14].

В частности, в экономической сфере, на базе действительно равных стартовых возможностей, необходимо сформировать общество, где каждый человек, каждая семья, иное сообщество могли бы обладать такой долей частной собственности, которая бы исключала возможность эксплуатации человека человеком. В обществе, состоящем из собственников материальных и духовных ценностей, эксплуатация становится невозможной. Общество собственников – это ведь и новые возможности организации властных отношений, особенно на муниципальном уровне.

7. Как известно, в стране была осуществлена приватизация, нареченная в народе, кратко – «прихватизация». Приватизировалась (кстати, антиконституционно) «общенародная» государственная собственность. И, если она обладала именно таким конституционным статусом, то логично (спорят об этом много, устанавливаются разные сроки исковой давности на приватизированные ценности, официально отрицается «контрприватизация») выдвинуть (хотя бы теоретически) тезис – приватизированная «общенародная» государственная собственность, созданная миллионными массами, даже в эпоху голодовок, должна быть возвращена ее законному владельцу, т.е. бывшему советскому народу, гражданам на равных для всех основаниях. Это – конституционный принцип – один из элементов генеральной концепции новой Российской Конституции.

8. В Основном законе государства провозглашено, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие (ст. 13), а как насчёт государственной идеологии? В этой же статье записано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. «Идеология» – понятие сложное, разноплановое, определяемое как система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Она свойственна различным сферам общества, в частности – политической, нравственной, религиозной, эстетической..., правовой, – в том числе [51, стр. 481; 7; 43; 46; 52].

Перефразируя, можно сказать, что идеология в правовом государстве возможна и «вне права» (религиозная, эстетическая...), и «под правом» (государственная), что вряд ли мыслимо без права, «правовой идеологии». Такое двойное осмысление идеологии (в нашем понимании) явствует из преамбулы российской конституции. В одном варианте: ? «…соединенные общей судьбой на своей земле»; – «…чтя память предков, передающих нам любовь и уважение к Отечеству»... Другой вариант, по крайней мере, просматривается на стыке неправовой и правовой идеологии. К примеру, – «…сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «…возрождая суверенную государственность»... Для любого варианта определения понятия идеологии свойственна вышеупомянутая формула: «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности». Главное, что следует особо акцентировать: вышеупомянутая формула многогранно воздействует на воспитание самосознания и правосознания. Совокупностью факторов или же ее подробностями.

Особое место в воспитании само (право) сознания объективно принадлежит новой, неведомой в прошлом, структуре – «Общественной палате Российской Федерации». Сформированная на основе триединого представительства (Президент, регионы, общественные организации), будучи как бы «материей» между Обществом и Властью, обладая возможностью экспертных оценок законопроектов (а также – законов), с одной стороны и сформированная из авторитетных граждан по принципу того же триединого представительства (президентское, региональное, общественных организаций) и наделенная консультативным статусом, с другой стороны, она способна, на наш взгляд, осуществлять функции арбитра между сторонами для необходимого сбалансирования взаимоотношений, достижения конституционной гармонии.

Авторитет консультативной структуры в глазах Общества (а именно на него нацелена деятельность Общественной палаты) – вот ключевой ресурс для достижения главной цели – гармонизации социальных сил России. Представляется, что такой почерк (воздействие авторитетом), по меньшей мере, изначальные его элементы, уже проявился: Общественная палата заключила Кодекс этики отдельно – с Государственной думой [27], а также – с Советом Федерации, что явно соответствует конституционному духу. При этом характерно то, что этот «договор» – не вмешивается в прерогативу той же Государственной думы. Более того (как подчеркнул Секретарь Общественной палаты) она будет заниматься тем, до чего у Государственной думы «не доходят руки». Удивительно. Своего рода разделение функциональных дел по классификации: до которых «доходят руки» (Госдума) и «не доходят руки» (Общественная палата, т.е. не государственная структура). В данной классификации – Палата выступает как представительный орган российского общества, его сфер и институтов. Орган, по идее уполномоченный на инициирование дел в интересах населения, его социальных слоев и групп (муниципальный строй – в этих же параметрах). Единственное

требование – действовать по Закону и по Праву, даже в экстремальных ситуациях.

Конституционность действий Общественной палаты подтвердилась изначально, т.е. соглашениями о взаимодействии с Палатами Федерального собрания. Это ли не надежный фактор воспитания само (право) сознания личности, общества и самого государства? К элементам правовой идеологии и, следовательно, правового обучения и воспитания населения относится правовая информация. В частности, специальные издания (справочники, пособия) такого типа как: «Налоги по – новому: когда и сколько (Налоговый Кодекс Российской Федерации)»; «Правовая библиотека по доступным ценам»; публикации в официальных изданиях, например, «Жалуйтесь на здоровье (Ваша жалобная книга)», «Жалуйтесь не на здоровье (по поводу законопроекта «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»)» [36].

Любое общество, согласно законам природы, находится в постоянном демографическом движении, изменении. Разграничивается на людей молодых, среднего возраста и пожилых. Проживает в городских и сельских поселениях. «Сельское поселение – один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов...)». «Городское поселение – город или поселок с прилегающей территорией (в составе городского поселения также могут находиться сельские населенные пункты, не являющиеся сельским поселением, в соответствии с настоящим федеральным законом...)» (Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») [4].

Бытует и устоявшийся термин «провинция». Образно говоря (по определениям СМИ), – это «одно – двух этажная российская, небогатая провинция» (преимущественно – сельская глубинка)***. Как бы то ни было, проблемы территориальной организации поселений, их социальный состав, демографическое состояние, все, что с этим связано, не может быть вне государственной, правовой идеологии, поскольку это – объекты внимания государства и права.

К предмету государственной (правовой) идеологии, безусловно, относится и сфера молодежи «небогатой российской провинции». Россия – страна не столиц, а одно – двух этажной провинции. И голос молодежи, как бы там не было, самый честный, правильный и справедливый. Проблем же у них – более чем достаточно. Социология стремится выяснить и познать, к чему молодые люди стремятся, что им мешает, как им живется, куда им податься, во что они верят, кто их кумиры, за кого они голосуют... Так, по данным исследований, молодежь на выборы ходит не охотно. Только каждый третий молодой человек думает, что успеха в жизни может достичь честность [37].

Возможна (по меньшей мере, теоретически) и идеология двух частной модели регионального субъекта, сочетающая общую часть (преимущественно из городских поселений), а также – из окраинной совокупности субъектов федеративного устройства (сельских поселений), так называемые, – глубинки, провинции. Условно говоря, разграничение по формуле (собирательные понятия): город и село. Каково соотношение городской и сельской (провинциальной) частей? В зависимости от регионального субъекта, например, Тверская область. По территории (84,1 тыс. кв.км) сравнима со среднестатистическим государством [38].

С другой стороны, провинциальный расклад (почти сродни – муниципальному) есть часть целого – территориального пространства и людности регионального уровня. Среди общих факторов выделим: общее законодательное пространство, общая забота о безопасности конституционного статуса личности, общее правоохранительное обеспечение и т.д. Очевидным является явное единение и одновременное разграничение правовых режимов, публичной власти – государственной (субъекты федерации) и муниципальной («провинциально-муниципальный» строй). Все это диктует необходимость сотрудничества в рамках двух конституционных статусов.

9. Концепция предполагает также точную ориентацию в определении формы правления в России, о чем уже говорилось.

10. Будущая Конституция (новая, модернизированная) будет принята на определенный период. Все зависит от грамотной тщательности её разработки, что исключает всякие изменения уже на «второй день». Особая проблема и значимость – в учете условий её принятия и

допуска компромисса Главного закона страны. Отражения в нем баланса интересов всего множества различных политических и социальных сил, национального, конфессионального и иных ценностей российского общества. Одновременно Конституция должна установить юридические механизмы реализации целостного нормативного потенциала с целью нерушимости генеральной концепции с её конечной целью: обеспечить стабильное восхождение России к цивилизованному, демократически организованному обществу – «Россия».

Иначе говоря: генеральная (тщательно разработанная) концепция страны есть непременно значимая предпосылка создания научно-обоснованного, качественно-нормативного, всесторонне взвешенного подхода к выработке конституции – ядра всей системы российского законодательства. А это – залог легитимности Основного Закона – всеобщего регулятора общественных отношений в сфере статуса личности, общества и государства «Россия».

Примечания

* Не считаем правомерным отказ от одномандатных округов по выборам в Госдуму, поскольку он ущербен для народовластия.

** Они длительное время не имели удостоверения личности – паспорта.

*** По законодательству Российской Империи провинцией именовались административно-территориальные единицы губернии в период 1719 – 1775 гг. [51, стр. 1974].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. Составитель: С.А. Авакъян. – М.,1984.
3. Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.
4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995 –.№ 35. – Ст. 3506.
6. Адыгея новой реальности // Российская газета. – 2005. – 15 июня.
7. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
8. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
9. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
10. Алексеев А.С. Русское государственное право. – М.,1997.
11. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
12. Бунич И. Золото партии. – СПб.: Шанс, 1992. - 320 с.
13. Дурденевский В.Н. Послевоенные конституции Запада. Выпуск 1. – М.,1994.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных

государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.
17. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России): Пособие / Под ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 352 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
18. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – 359 с.
19. Известия. – 1993. – 30 апреля.
20. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
23. Каратаев О.Г. Националистическая теория государства и права. – СПб, 1997.
24. Конституционные идеи А. Сахарова / Составитель Л.М. Баткин. – М.: Новелла,1990. - 95 с.
25. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
26. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
27. Общественников заставили вести себя прилично // Российская газета. – 2006. – 22 марта.
28. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
29. Российская газета. – 2000. – 12 февраля.
30. Российская газета. – 2005. – 11 марта.
31. Российская газета. – 2005 – 24 мая.
32. Российская газета. – 2005. – 3 июня.
33. Российская газета. – 2005. – 21 июня, 11 июля, 20 августа, 9 сентября.
34. Российская газета. – 2005. – 5 июля.
35. Российская газета. – 2005. – 30 июля.
36. Российская газета. – 2006. – 14, 15 марта.
37. Российская газета. – 2006. – 24 марта.
38. Российская газета. – 2006. – 29 марта.
39. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя: понятие, содержание, отражение в Конституции // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 3-15.
40. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
41. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
42. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
43. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
44. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
45. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
46. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред.

В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
47. Санкт-Петербургская газета «Метро». – 2005. – 21 июня.
48. Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – 3 июня, 11 июня.
49. Сербин М.В. Избирательная система Российской Федерации в условиях модернизации политической системы страны: Монография. – СПб.: ГУАП, 2012. – 176 с.
50. Сербин М.В., Малькевич А.А.. Островский Б.А. Основы избирательной системы и избирательного процесса в Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2008. – 168 с.
51. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
52. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
53. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
54. Шемелин А.В., Родионова А.К., Гонштейн В.Д. Концептуальные подходы к утверждению принципов демократии и реформирование избирательной системы в России // Мир политики и социологии. – 2011. – № 3. – С. 4-13.
55. Щендригин Е.Н. Необходимость реформирования избирательного законодательства Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 102-110.

СКРИПНИКОВА Екатерина Александровна,
старший помощник Югорского межрайонного прокурора (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: evdokimov@yandex.ru

КОРОТОВСКИХ Матвей Владимирович,
Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)
E-mail: evdokimov@yandex.ru

ПЛИТКИНА Кристина Владимировна,
Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)
E-mail: evdokimov@yandex.ru

ЮРКОВСКИЙ Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)
E-mail: avyurkovsky@mail.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право, административный процесс

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 19.29 КОАП РФ: НОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Аннотация. *Поставлен вопрос об актуализации внимания к проблемам применения норм административного права как действенного механизма борьбы с коррупцией.*

Ключевые слова: *коррупция; административная ответственность; административные коррупционные правонарушения; ст. 19.29 КоАП РФ.*

SKRIPNIKOVA E.A.
KOROTOVSKIKH M.V.
PLITKINA K.V.
YURKOVSKIY A.V.

PRESSING QUESTIONS OF APPLICATION OF ITEM 19.29 OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: NORMS OF ADMINISTRATIVE LAW AND A STRUGGLE PROBLEM WITH CORRUPTION

The summary. *The attention to the question on attention actualisation to problems of application of norms of administrative law as effective mechanism of struggle against corruption is brought.*

Key words: *corruption; administrative responsibility; administrative corruption offences; item 19.29 КоАП the Russian Federation.*

Коррупция, как феномен, знакома людям еще с древних времен. Однако до сих пор так и не удалось полностью искоренить коррупцию в полном смысле этого слова [2; 5; 13; 16; 17; 18]. Напротив, разрастание масштабов коррупции становится одной из наиболее опасных внутренних угроз национальной безопасности государства [9; 21; 22]. Это явление социальной действительности приобрело системный характер [19].

Коррупция препятствует нормальной и эффективной работе национальной системы права, ухудшает состояние законности и правопорядка. К тому же вследствие коррупции уменьшается общее благосостояние страны и её граждан, наносится большой ущерб экономике государства [3; 6; 15; 20]. Проблема эффективной и успешной борьбы с этим явлением – это сложная и многоплановая задача государства [4, стр. 6].

Коррупция – один из самых сильных и актуальных пороков современного российского общества [12]. Стоит обратить внимание, что пресечение и выявление коррупционных административных правонарушений существенно способствует общей профилактике, если это своевременно. Так как непринятие мер по противодействию данного рода правонарушениям есть то обстоятельство, которое способствует формированию у некоторых лиц неправильного представления о вседозволенности коррупционных действий. Такая проблематика имеет множество аспектов, начиная с сугубо этических, затрагивающих поведение государственных и муниципальных служащих, как во время несения службы, так и после ее прекращения [23, стр. 282-285], заканчивая сложными вопросами юридической ответственности граждан и организаций за коррупционные правонарушения [24, стр. 4-5].

Антикоррупционная деятельность государства, его органов, а также институтов гражданского общества рассматривается как социальная потребность и как необходимая функция политической системы, направленная на обеспечение устойчивого прогрессивного развития общества и государства в широком смысле.

В науке отнесение составов административных правонарушений к числу коррупционных в большинстве случаев условно [4, стр. 6]. Следует учитывать, что для коррупции характерно не всякое незаконное использование служебного положения, но лишь обусловленное корыстной мотивацией, получением благ и преимуществ. Поскольку установление мотива в квалификации административных правонарушений роли не играет, достижение точности в вопросе отнесения того или иного правонарушения к числу коррупционных весьма проблематично [14, стр. 72].

В настоящее время не вызывает сомнений отнесение к числу административных коррупционных правонарушений незаконного привлечения к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего (ст. 19.29 КоАП).

Одним из важнейших является вопрос по предупреждению коррупции в частном секторе. Анализ антикоррупционного законодательства РФ позволяет сделать вывод о том, что административно-правовые методы противодействия коррупции получают здесь всё большее распространение.

По данным судебной статистики, за период с 2013 по 2015 г. судьями судов общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено более 9000 дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.29 КоАП РФ [10].

Следует отметить, что практика применения данного статьи судами не имела единого подхода, поэтому в связи с этим Верховный суд РФ посчитал необходимым опубликовать обзор практики по привлечению лиц к административной ответственности, предусмотренной данной статьей.

Помимо этого было выделено несколько значимых вопросов для правильного применения ст.19.29 КоАП РФ: на работодателе, который привлекает для оказания работ или услуг действующего или бывшего государственного или муниципального служащего, лежит ответственность сообщить о привлечении данного лица по его последнему месту работы даже в том случае, если вознаграждение за труд не превышает 100 тысяч рублей по заключенному с ним трудовому договору; не сообщение в 10-дневные срок работодателя о привлечение к оказанию услуг и работ не образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного данной статьей, если бывший служащий осуществляет

свою служебную (трудовую) деятельность в государственном (муниципальном) органе либо государственном (муниципальном) казенном учреждении; работодатель сообщает о привлечении к оказанию услуг служащего только по последнему месту службы.

К примеру, Постановлением мирового судьи должностное лицо Б. привлечен к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ, поскольку не уведомил руководителя налоговой инспекции о заключении трудового договора с А.

Налоговая инспекция не была последним местом службы А., так после она была принята на иную должность государственной гражданской службы в другом регионе России – должность главного специалиста управления бюджетно-налоговой политики и мониторинга финансовой сферы министерства экономики одного из субъектов Российской Федерации, замещая ее до 12 августа 2013 г. Соответственно, у Б. не возникла обязанность сообщить руководителю налоговой инспекции о заключении трудового договора с А., тем самым постановление о привлечение к ответственности было отменено районным судом [11].

Выход обзора практики Верховного суда РФ, стал большим шагом к унификации судебной практике и применению данной статьи. Но, тем не менее, актуальным до сих пор остается вопрос о расширении круга субъектов, которые могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии с данной статьей. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В соответствии со статьей 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административным правонарушением признается привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции».

Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, заключается в противоправном бездействии, выразившемся в не уведомлении представителя нанимателя (работодателя) по прежнему месту службы принимаемого на работу бывшего государственного или муниципального служащего.

Таким образом, в данном случае субъектом административного правонарушения является лишь новый работодатель этого бывшего служащего, поскольку обязанность уведомления представителя нанимателя (работодателя) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы ложится исключительно на него.

В силу ч. 2 ст. 12 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] на бывшего государственного (муниципального) служащего возложена обязанность сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы, однако ответственности административной за ее неисполнение не имеется.

Необходимо обратить внимание, что на практике, хотя и редко, но еще встречаются случаи, когда и указанные служащие не осведомлены о том, что должность ранее занимаемая входила в соответствующий перечень, в связи с чем у него возникла обязанность в уведомлении нового работодателя о предыдущем месте работы.

Вот такие факты свидетельствуют о ненадлежащей работе должностных лиц и подразделений, ответственных за противодействие коррупции и профилактику коррупционных правонарушений, в связи с чем и возникает вопрос об их ответственности, в том числе и административной.

А как быть по отношению бывших государственных (муниципальных) служащих, которые сознательно скрыли от нового работодателя свое последнее место службы, то есть сознательно не исполнили обязанность, возложенную антикоррупционным законодательством?

Поэтому в целях дальнейшего совершенствования административной ответственности за правонарушения коррупционной направленности на основании проведенных исследований целесообразно высказать некоторые предложения.

Во-первых, существует необходимость расширения круга субъектов состава административного правонарушения, предусмотренного ст.

19.29 КоАП РФ, таким образом, чтобы к ним был отнесен и сам бывший государственный (муниципальный) служащий, не сообщивший новому работодателю о том, что он замещал коррупционное опасную должность, а также и сотрудник, ответственный за противодействие коррупции по предыдущему месту работы.

Во-вторых, для эффективного противодействия коррупции целесообразно установление за коррупционные административные правонарушения такого вида наказания, как дисквалификация государственных и муниципальных служащих.

В-третьих, наиболее перспективной является выработка антикоррупционных законов, отражающих общую тенденцию в борьбе с преступностью – приоритет профилактических мер перед мерами уголовной репрессии [7, стр. 236].

В нашем государстве нормам административного права как действенному механизму борьбы с коррупцией не уделяется достаточного внимания. Перспективы совершенствования административного законодательства должны состоять в унификации международного опыта борьбы с коррупцией, а также внедрении новых составов административных правонарушений и совершенствовании уже существующих составов. [8, с. 154].

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (в ред. от 22.12.2014) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
2. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
3. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
4. Исламова Э. Р. Участие прокурора в производстве по делам об административных коррупционных правонарушениях: Учебное пособие. – СПб.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 64 с.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
6. Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. – 357 с.
7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. – СПб., 1909. – 694 с.
8. Коррупция: природа, проявления, противодействие: Монография / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 641 с.
9. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
10. Обзор практики Верховного суда РФ // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452412/
11. По материалам судебной практики Свердловского областного суда // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452412
12. По последним данным Всероссийского центра изучения общественного мнения коррупция – это проблема, которая больше всего волнует граждан России // URL: http://www. wciom.ru/ most-serious-problems.
13. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 376 с.
14. Рамазанов Р.У. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 3. – С. 70-73.
15. Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2012. – 240 с.
16. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова

филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
17. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
18. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
19. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
20. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
21. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
22. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
23. Юрковский А.В., Жеребцова В.С. Профессиональная этика государственных и муниципальных служащих: обстоятельство, обуславливающее особенности правовой политики противодействия коррупции // Право и этика в глобальном обществе риска. Материалы. – Иркутск, 2016. – С. 282-285.
24. Юрковский А.В., Милорадов С.А., Ильина В.А. Основы управленческой работы в органах прокуратуры: Учебное пособие. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 79 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ЗАВУРБЕКОВ Фаридун Завурбекович,
ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: zfz2005@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ФАТИМИДСКОМ ХАЛИФАТЕ

Аннотация. *Раскрываются особенности работы института «мазалим» в средневековом исламском теократическом государстве – Фатимидском Халифате. Выявляются основные признаки, характеризующие «мазалим» как институт защиты прав человека, предоставляется информация о его компетенции и процедуре рассмотрения частных и коллективных жалоб. Приводится историческая справка.*

Ключевые слова: *мазалим; защита прав человека; ислам; Фатимидский халифат.*

ZAVURBEKOV F.Z.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS INSTITUTE IN THE FATIMID CALIPHATE

The summary. *This article reveals some details about the work of the Mazalim Institute in the Fatimid Caliphate. The main features characterizing mazalim, as an institution for the protection of human rights, are disclosed, information on its competence and procedure for examining private and collective complaints is provided. Historical reference is given.*

Key words: *mazalim; protection of human rights; Islam; Fatimid caliphate.*

Прежде, чем приступить к раскрытию вопроса об особенностях деятельности отдельных правозащитных институтов в Фатимидском Халифате, следует определиться с термином «права человека» в контекстах исламского и западного правопонимания. Существуют определенные различия в восприятии неотъемлемых прав личности в западной юриспруденции и в исламской, что во многом обусловлено различиями этапов, которые прошли эти цивилизации в своем историческом развитии. Не совсем корректно было бы говорить о том, что институт прав человека – это исключительный продукт западной политико-правовой мысли эпохи Просвещения.

Фатимидские источники содержат свидетельства об использовании термина «нарушение человеческих прав» еще в X веке. Тогда в обращении иудейского проповедника Селомо бен Яхуда к фатимидскому халифу Абу Хасану аль-Захиру [15, стр. 303] содержалось предупреждение о недопустимости удовлетворения требований соперника на иудейский духовный сан, поскольку в противном случае произойдет попрание прав Яхуда. По-мнению Марины Рустов, в исламском государстве Фатимидов под правом понимали совокупность всех возможностей и гарантий, которые житель страны, независимо от религиозной принадлежности, мог реализовать в общественной жизни, находясь под защитой государства [16, стр. 326]. Эти права гарантировались даже в том случае, если противоречили нормам шариата и фикха. В этом, по мнению автора, наблюдается схожесть с современными всеобщими правами человека и гражданина [1; 2; 3; 4; 5; 7; 8; 10; 13].

Изучение государства и права стран Северной Африки дает представление о функционировавших на ее территориях странах, которые внесли весомый вклад в эволюцию института защиты прав человека. Об этом свидетельствуют многочисленные документальные источники того времени, в частности, обнаруженные в Каирской дженезе. Эти источники берут свое начало с эпохи завоевания Египта Арабским Халифатом, правители которого, стремясь упрочить свою власть на вновь приобретенных территориях, издавали многочисленные указы и распоряжения в области общественного и государственного управления. Некоторая их часть, позволяющая осуществить историко-юридический анализ государства и права того времени, осела в архивах Дженизы. Из них значительный сегмент юридических источников относится к фатимидскому этапу государственности исторического Египта.

Фатимидский Халифат обязан своему появлению длительной пропагандистской деятельности [6, стр. 146] на территории ослабленного внутриполитическими дрязгами арабского государства Аббасидов. Восстание берберов Кутама ознаменовало собой начало правления на территории северной Африки династии Фатимидов, которые, в целях укрепления своей власти, объявили о начале новой эпохи в истории исламской уммы, основанной на принципах всеобщей справедливости, благоденствия и стабильности. Понимая, что без доверия со стороны многочисленного разноплемённого и полирелигиозного населения государства осуществить задуманное не удастся, правители приняли решение о совершенствовании системы защиты его прав от произвола и беззакония. Один из институтов, на который была возложена эта задача, назывался институтом мазалим. Относительно значения этого слова в науке высказываются различные точки зрения. Историк М. Сокит [12, стр. 264] утверждает, что историко-юридические документы трактуют «мазалим» как орган правосудия. Сафаров Б.А. в своей работе [11, стр. 38] ссылается на диссертацию Р.С. Одинаева, где, как утверждается, дается определение мазалиму как разновидности современного института уполномоченных по правам человека, с той лишь разницей, что последний обладал меньшим объемом правомочий. Отмечается, что практически во всех случаях механизм работы института мазалим начинался с индивидуальной или коллективной жалобы либо обращения жителей государства. Полагаем, что справедливы оба автора, поскольку институт «мазалим» видоизменился в зависимости от страны, в которой использовался. В контексте изучения особенностей института мазалим в Фатимидском халифате второе утверждение кажется более верным.

Между тем историки единодушны во мнении, что институт мазалима берет свое начало с эпохи правления пророка Муххамеда, который рассматривал жалобы жителей государства в кругу своих советников. В том или ином виде этот институт функционировал как в Омейядском, так и Аббасидском Халифатах. В этом смысле Фатимидами не было придумано ничего нового. Вместе с тем нельзя не отметить, что именно благодаря деятельности последних расширился круг вопросов подпадающих под юрисдикцию мазалима, что делало его не просто разновидностью административного суда, но и органом, специализировавшимся на защите прав человека.

Этот круг вопросов включал себя следующие полномочия:

1) рассмотрение жалоб лиц среднего и низшего сословия на противоправные действия чиновничества [16, стр. 324], религиозной полиции (шурта) или агентов государства;
2) оказание целевой гуманитарной помощи лицам, оказавшимся в тяжелой финансовой

ситуации по независящим от них обстоятельствам [16, стр. 319]. Последнее могло послужить основанием для освобождения немусульман от выплаты религиозного налога «джизья»;

3) надзор за соблюдением законности при назначении инвеституур [16, стр. 311];
4) разрешение споров между религиозными лидерами различных конфессий [14, стр. 1239].

Важно отметить, что к мазалиму могли обращаться все лица, независимо от религиозной или половой принадлежности.

Глава мазалим – Халиф или любое назначенное им лицо (обычно визирь) – осуществлял свою деятельность на принципах единоначалия и независимости от иных институтов государства. Его решения признавались окончательными и не подлежащими обжалованию и считались легитимными, даже если противоречили общим нормам исламского права.

Чтобы представить, как проходила процедура рассмотрения жалобы, следует обратиться к труду Макризи (в переводе Р.С. Одинаева), который описывает, что в случае, если главой мазалим оказывался визирь из военного сословия (людей меча), то прошения рассматривались им единолично, в присутствии главного судьи государства (Кадий аль-Кудат). Кроме того, в помещении, где проходила процедура мазалим, должны были присутствовать два представителя от знатных сословий, секретарь, глава финансового ведомства (дивана), главный дворецкий и помощники вышеперечисленных лиц. Частота подобных собраний составляла каждые две недели. В случае, если правительство возглавлял визирь иного сословия, жалоба передавалась халифу, пройдя перед этим длинную цепочку посредников.

Возвращаясь к вопросу о мотивах использования Фатимидскими Халифами в правоприменительной практике процедуры мазалим, стоит заметить, что идеи плюрализма и главенства прав личности волновали их потому, что отражали личные интересы государей. Во-первых, это поддержка со стороны наиболее уязвимых групп населения, которая укрепляла и легитимизировала центральную власть, а также способствовала снижению социальной напряженности в государстве, во-вторых, это необходимость соблюдения сложившейся правовой практике, берущей свое начало еще с эпохи правления пророка Мухаммеда.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что раскрытие информации о сути работы института мазалим в исламских государствах средневековья – это своеобразный вызов сложившимся стереотипам западного правопонимания о месте человека и государства в исламском праве и политике, где во главу угла ставилось государство, как воплощение власти и закона, действующее сообразно принципам религиозно-политической целесообразности в ущерб интересам личности. Однако исторические свидетельства позволяют констатировать, что мазалим являлся, в некотором роде, средством ограничения государственной власти и институтом защиты прав человека. Он обязывал государство учитывать многовековые традиции, правосознание, доминирующие ценностные ориентиры общества.

Список литературы

1. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. - 592 с.
2. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
3. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
4. Диноршоев А.М. Административное судопроизводство в Республике Таджикистан как способ защиты прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 175-178.
5. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.

6. Завурбеков Ф.З. Роль института миссионеров ад-да'ва в создании государств Фатимидский Халифат и Аламут // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 146-151.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / Под ред. проф. С.А. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.
8. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
9. Одинаев Р.С. Формирование и развитие института Мазалим в Арабском Халифате // Вестник Таджикского национального университета. –2015. – № 3-2.
10. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
11. Сафаров Б.А. Генезис идей о правах человека в истории государства и права Таджикистана // Право и практика. – 2015. – № 2. - С. 34-42.
12. Сокит М.Н. Институты правосудия в исламе. – Тегеран, 1325 г. хиджры. – 415 с.
13. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.
14. Den Heijer J. History of the Patriarchs of Alexandria, in Aziz S. Atiya // The Coptic Encyclopedia. – 1991. – vol. 4. – pp. 1238-1242.
15. Goitein S. D. Congregation versus Community an Unknown Chapter in the Communal History of Jewish Palestine / Goitein, S. D. // The Jewish Quarterly Review. – 1954. – № 4. – pp. 302-304.
16. Rustow M. The legal status of ?immi-s in the Fatimid East: A view from the palace in Cairo // The legal status of ?immi-s in the Islamic West (second/eighth-ninth/fifteenth centuries), 2013. – pp. 307-332.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

НИКИШКИН Александр Владимирович,
преподаватель кафедры специальных мероприятий и специальной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Санкт-Петербург)
E-mail: niksa78@yandex.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право, административный процесс

УЧАСТИЕ ПОНЯТЫХ В МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ПРИМЕНЕНИЮ СОТРУДНИКАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. *Рассмотрены особенности участия понятого при применении сотрудниками дорожно-патрульной службы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Представлены возможные пути решения имеющихся проблем сотрудниками дорожно-патрульной службы при привлечении ими понятых.*

Ключевые слова: *сотрудники ГИБДД; ДПС ГИБДД; понятой; административное правонарушение; меры обеспечения.*

NIKISHKIN A.V.

PARTICIPATION UNDERSTOOD IN ACTIONS FOR APPLICATION BY EMPLOYEES OF TRAFFIC POLICE OF MEASURES OF MAINTENANCE OF MANUFACTURE FOR AFFAIRS ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENCES

The summary. *Features of participation understood are considered at application by employees of traffic police of measures of maintenance of manufacture on affairs about administrative offences. Possible ways of the decision of available problems are presented by employees of traffic police at attraction by them understood.*

Key words: *employees of motor licensing and inspection department; motor licensing and inspection department traffic police; the understood; an administrative offence; maintenance measures.*

В правоприменительной практике по делам об административных правонарушениях огромное значение отводится понятым, поскольку они выступают в качестве гаранта соблюдения сотрудниками дорожно-постовой службы ГИБДД МВД России норм российского законодательства.

В качестве должностных лиц, которые могут осуществлять надзор и контроль от имени государства за обеспечением безопасности дорожного движения, а также надлежащей эксплуатации транспортных средств, принято считать сотрудников ДПС ГИБДД МВД России [11; 12; 13; 14; 15; 19]. Их деятельность находится в тесной взаимосвязи с применением меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Это объясняется тем, что основная задача данной службы как раз и выражается в том, чтобы обеспечить пресечение и предупреждение преступлений [1; 2; 3; 4; 5; 9], а также административных правонарушений в области дорожного движения [6; 8; 10; 16; 17; 18; 21; 22].

Правовое положение понятого по делам об административных правонарушениях отражено в ст. 25.7 КОАП РФ. Он в силу своих особенностей отнесен к так называемым иным участникам судопроизводства.

Согласно нормам действующего законодательства сотрудник ДПС ГИБДД МВД России в качестве понятого может привлечь любое лицо, у которого отсутствует заинтересованность в исходе дела об административном правонарушение. При этом такой признак, как компетентность понятого просто не предусмотрена законодателем, что в некоторых случаях негативно сказывается на правоприменительной практике в целом.

Изначально сотруднику ДПС ГИБДД МВД России, при обращении к гражданину с просьбой стать понятым, необходимо учесть ряд особенностей, которые затрагивают личность гражданина.

Во-первых, лицо, привлекаемое сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России в качестве понятого, должно достигнуть возраста совершеннолетия. Однако в силу внешних данных не всегда удается достоверно определить возраст такого лица. Именно поэтому изначально сотрудник ДПС ГИБДД МВД России должен установить возраст лица, которое планируется привлечь в качестве понятого по делу об административном правонарушении.

Во-вторых, перед самим процессом оформления процессуальных действий сотрудник ДПС ГИБДД МВД России должен произвести удостоверение личности привлекаемого в качестве понятого. В большинстве случаев в виду отсутствия у прохожих документов, подтверждающих личность, сотрудники ДПС ГИБДД МВД России привлекают в качестве понятых водителей автотранспортных средств, поскольку у них, как у участников дорожного движения, должно быть в обязательном порядке водительское удостоверение, которое рассматривается как документ, удостоверяющий личность.

При обращении к лицу с просьбой стать понятым по делу об административном правонарушении сотрудник ДПС ГИБДД МВД России должен учесть и особенности его психологического состояния. Так, в некоторых случаях согласие водителя стать понятым может напрямую быть связано с нежеланием быть подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение.

В случае обращения сотрудника ДПС ГИБДД МВД России к гражданину с просьбой стать понятым по делу об административном правонарушении сотрудник в обязательном порядке должен представиться, при этом назвав свою должность и звание. В случае необходимости и по требованию гражданина представить свои документы, подтверждающие его правовой статус. Эффективным будет и разъяснение гражданам, что их согласие на участие в качестве понятых, является долгом законопослушного гражданина в российском государстве.

При этом стоит обратить внимание на то, что в качестве понятых не могут быть привлечены сотрудники ГИБДД, поскольку судебная практика на сегодняшний день сложилась таким образом, что в качестве основного требования, предъявляемого к понятому, является отсутствие какой-либо заинтересованности в исходе дела (как прямой, так и косвенной). Но данный принцип весьма часто нарушается.

Сотруднику ДПС ГИБДД МВД России необходимо обратить внимание и на то, что в качестве понятых не могут быть привлечены лица, которые являются родственниками, знакомыми гражданина, в отношении которого совершаются административно-процессуальные мероприятия. Это в значительной мере может привести

к необъективности, что просто является недопустимым.

Сотрудники ДПС ГИБДД МВД России в своей профессиональной деятельности применяют значительное число мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, к которым необходимо отнести:

- доставление;
- личный досмотр;
- досмотр вещей, находящихся при лице;
- досмотр транспортного средства;
- изъятие вещей и документов;
- отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида;
- освидетельствование на состояние алкогольного опьянения;
- медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения;
- задержание транспортного средства;
- арест транспортного средства.

Действующими нормами Российского законодательства предусмотрено участие понятых, а также применение видеозаписи для фиксации совершаемых процессуальных действий. Исключение из данного перечня составляет только личный досмотр.

В том случае, когда понятые отсутствуют, но применяются средства видеозаписи, сотруднику ДПС ГИБДД МВД России необходимо сделать соответствующую отметку в протоколе.

До внесения изменений в ст. 25.7 КоАП РФ было закреплено право сотрудников ДПС ГИБДД использовать средства видеозаписи в ходе общения с участниками дорожного движения (исключение составляли только случаи, конкретно предусмотренные законом), но тем не менее, при рассмотрении административного дела в суде материалы, полученные с таких приборов, просто могли не учесть и не приобщить к делу, в качестве должного и допустимого доказательства [20].

Однако закрепление на законодательном уровне возможности применения сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России видеозаписи без участия понятых позволяет в значительной степени упростить процедуру привлечения виновного лица к административной ответственности. Так, фактически применение различных мер обеспечения производства может проходить в позднее время либо в удаленных местах, когда просто физически сотрудникам ДПС ГИБДД МВД России не представится возможности найти гражданина для участия в качества понятого. Также в последнее время складывается негативная практика, когда в отношении понятых, которые были привлечены сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России, проявляется агрессия, в том числе и в форме высказывания различных угроз от лица, в отношении которого производятся процессуальные действия. Данная тенденция в большей степени имеет место быть при оформлении водителей, которые были задержаны сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России в состоянии опьянения. Соответственно, понятые, опасаясь за свою жизнь и здоровье, просто могут отказаться от участия в совершении процессуальных действий.

Сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России перед началом всех процессуальных действий необходимо разъяснить понятому его права и обязанности, которые возлагаются на него, как участника дела об административном правонарушении. Также сотрудники ДПС ГИБДД МВД России должны осуществлять ознакомление понятого со всеми процессуальными документами. В некоторых случаях лицо, привлеченное сотрудником ДПС ГИБДД МВД России в качестве понятого, может быть в дальнейшем опрошено и в качестве свидетеля [7, стр. 189-191].

С одной стороны, понятой, участвуя в применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, является неким гарантом объективности. Однако, с другой стороны, сотрудник ДПС ГИБДД МВД России, который осуществляет соответствующие процессуальные действия, при привлечении понятого без осуществления видеозаписи может оказаться незащищенным при рассмотрении дел об административных правонарушениях в части достоверности показаний понятого.

Именно поэтому государство должно принять активные меры, направленные на оснащение машин ДПС ГИБДД МВД России средствами видеофиксации. Это во многом позволит отразить содержание всех действий, совершаемых сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России. Процесс видеозаписи должен происходить с момента несения службы и до ее окончания. Но все-таки использование сотрудниками ГИБДД в своей деятельности при проведении административных процедур только

средств видеозаписи без привлечения понятых не должно быть распространено повсеместно. Это объясняется тем, что в некоторых случаях видеозапись не может отразить всей объективности происходящего в полной мере.

Таким образом, можно сказать о том, что процесс привлечения понятых требует от сотрудников ДПС ГИБДД МВД России весьма грамотных и последовательных действий, которые будут исключать формальное выполнение возложенных на них функций. При наличии возможностей сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России необходимо одновременно привлекать понятых и использовать средства видеофиксации. Данные мероприятия позволят избежать необъективности, формализма, а также совершения коррупционных мероприятий по делам об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
2. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
3. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
4. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника 154-169 // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
5. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
6. Бялт В.С., Демидов А.В., Талянин В.В. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ЛЕМА, 2015. – 139 с.
7. Васильев Ф.П. Процессуальные особенности административной ответственности в России. – М.: Юр-Профи, 2013. – 529 с.
8. Все о коррупции и противодействие ей: Терминологический словарь. В 3-х тт. Сер.: Противодействие коррупции. Т. 2 / Под общ. ред. И.И. Бикеева, П.А. Кабанова. – Казань, 2014.
9. Годунов В.С. Особенности автотранспортных преступлений, проявляющиеся в механизме их совершения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 61-65.
10. Демидов А.В. Актуальные проблемы реформирования системы государственной службы Российской Федерации // Теория и практика современной юридической науки. – 2015. – С. 219-223.
11. Квитчук А.С. Государственная политика по созданию правового комплекса безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 97-104.
12. Квитчук А.С. Проблемы и пути формирования государственной и муниципальной систем управления обеспечением безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 102-107.
13. Квитчук А.С. Транспорт и гражданское законодательство РФ // Транспортное право. – 2006. – № 1. – С. 2-4.
14. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Проблемы совершенствования системы безопасности дорожного движения // Транспортное право. – 2005. – № 4. – С. 43-46.
15. Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.
16. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Кол. авторов Антонов И.А., Арзамаскин Н.Н., Байжуминов С.Н., Байкова И.Н., Бочегуров А.И., Гавриленко Е.В., Демидов А.В., Дондоков Ц.С., Лунькова О.В., Макеева И.А., Прудников А.С., Рагозина Н.В., Самсонова Е.В., Соболь И.А., Трунцевский Ю.В., Чибинев В.М., Шемелин А.В.; под ред. Чибинева В.М. – СПб., 2011.
17. Никишкин А.В. Анализ практической деятельности районных подразделений ГИБДД МВД России, новые подходы в совершенствовании системы их правового и организационного регулирования: Монография.

– СПб.: Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2014. – 128 с.
18. Никишкин А.В. Основы профессиональной подготовки сотрудников Госавтоинспекции МВД России // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 35. – С. 112-116.
19. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. Проблемы общественной безопасности в контексте административной реформы // История государства и права. – 2006. – № 3. – С. 23-26.
20. Соколов А.Ю. Некоторые проблемы рассмотрения мировыми судьями дел об административных правонарушениях в области дорожного движения // Российский судья. – 2009. – № 11. – С. 11-14.
21. Трифонов В.А. Использование психосемантических методов в исследовании эффективности механизма реализации конституционного права граждан на равный доступ к службе в органах внутренних дел // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 52-57.
22. Трифонов В.А. Обеспечение права граждан на равный доступ к государственной службе: социологические исследования на примере органов внутренних дел // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 115-119.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир
(Зоиров Джурахон Маджидович),
Председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ: НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. *Анализируются основные направления профилактики преступлений и иных правонарушений в государствах – участниках СНГ. В частности, отмечается важность социальной профилактики, необходимость увеличения темпов обеспечения органов внутренних дел современными техническими средствами и проведения глобальной реформы пенитенциарной системы стран Содружества. Рассматриваются различные формы индивидуальной профилактики потенциальных субъектов совершения преступлений.*

Ключевые слова: *профилактика преступлений; организованная преступность; криминологическая профилактика; пенитенциарная система; защита предпринимательской деятельности от противоправных посягательств.*

MADZHIDZODA D.Z.

ORGANIZED CRIME IN THE CIS MEMBER STATES: SOME DIRECTIONS OF PREVENTION

The summary. *The main directions of crime prevention and other offenses in the CIS member states are analyzed. In particular, the importance of social prevention, the need to increase the pace of providing the police with modern technical means and the global reform of the penal system of the Commonwealth countries are noted. Various forms of individual prevention of potential subjects of crime are considered.*

Key words: *crime prevention; organized crime; criminological prevention; penitentiary system; protection of business activities from unlawful attacks.*

Приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов государств-участников СНГ по защите прав и законных интересов физических и юридических лиц от противоправных посягательств является профилактика преступлений и иных правонарушений. Значимость профилактической работы определяется, прежде всего, тем, что она позволяет упредить угрозу общественно-опасного противоправного посягательства на стадии ее формирования и не дать реализовать ее действенный потенциал.

Кроме того, достижение положительных результатов профилактической работы позволяет существенно снизить нагрузку на правоохранительные органы по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и иных правонарушений, способствуя более качественному решению ими данных задач. Эти и другие факторы предопределяют первостепенную важность профилактической составляющей в системе борьбы с правонарушениями.

Следует отметить, что после распада СССР работа в этом направлении на постсоветском пространстве [2; 6; 7; 8; 9; 20] была существенно ослаблена, можно сказать, фактически свернута. Односторонне интерпретируемые положения конституций государств-участников СНГ о высшей ценности прав и свобод человека, гражданина и построении правовой государственности стали поводом для фактического демонтажа целостной государственной системы профилактики правонарушений, унаследованной странами Содружества от Советского Союза, в котором она выстраивалась десятки лет и на практике показала свою высокую эффективность. В совокупности с последовательной либерализацией уголовного и административного законодательства и рядом иных причин такая политика привела к резкому росту преступлений и других правонарушений, существенному снижению результативности деятельности правоохранительных органов, и, как следствие, – падению уровня правовой защищенности граждан, общества и государства от противоправных посягательств.

Органы внутренних дел государств-участников СНГ, выполняющие основную функциональную нагрузку по профилактике преступлений и иных противоправных посягательств, оказались лишены целого комплекса отработанных годами и действенных инструментов борьбы с правонарушениями, что не могло не сказаться на результативности их деятельности в рассматриваемой сфере. Существенную деструктивную роль сыграло также свертывание деятельности ряда общественных институтов правоохранительной направленности и разрушение оставшихся каналов коммуникации с государственными органами. Прекратило свое существование практика привлечения населения к участию в профилактической деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступности (т.е. создание добровольных народных дружин, молодежных отрядов и др.).

Только в последние годы, в связи со сложной криминогенной ситуацией, в государствах-участниках СНГ была в полной мере осознана данная проблема, в связи с чем на государственном уровне поставлена и реализуется задача воссоздания национальной системы предупредительно-профилактической деятельности.

В настоящее время нормативно-правовая база в сфере профилактики правонарушений носит фрагментарный характер и характеризуется отсутствием ряда основополагающих законов по данной проблеме, что обуславливает необходимость активизации этой работы.

Сохранившиеся в арсенале правоохранительных органов правовые средства и методы профилактического воздействия, в силу их недостаточности и разрозненности, в современных условия не обеспечивают должного уровня решения задач борьбы с правонарушениями.

Такое положение существенно затрудняет организацию работы органов внутренних дел и иных субъектов по профилактике правонарушений. Ведомственное правовое регулирование в данной сфере не способно компенсировать пробелы национального законодательства, так как большая часть мероприятий профилактического характера связана с ограничением прав, свобод человека и гражданина, которое допускается только государственным законом.

Острой проблемой в странах Содружества остается фактическое отсутствие механизмов профилактической работы с лицами, ранее совершившими преступления и, прежде всего, целостной государственной системы реабилитации лиц, отбывших уголовное наказание, либо освобожденных от него по нереабилитирующим обстоятельствам. Частным проявлением этого

является отсутствие института административного надзора за поведением ранее судимых лиц с выраженным асоциальным поведением и единого государственного порядка квотирования рабочих мест для лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Отсутствие возможности трудоустроиться и другие социальные проблемы, с которыми сталкиваются лица, отбывшие наказание, подталкивают их к совершению новых противоправных деяний. Так, по данным МВД России, третья часть, в недавнем прошлом ранее судимых, совершает преступления и возвращается в колонию.

Существенно снижает потенциал профилактического воздействия на лиц, злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, отсутствие предупредительных мер превентивного медицинского характера (принудительное лечение и т.п.).

Немаловажной причиной снижения профилактической деятельности правоохранительных органов стран Содружества является также крайне низкий уровень профессионализма. Произошел отток опытных, обладающих высокой профессиональной квалификацией работников, на их место пришли слабо обученные сотрудники, многие из которых, в том числе в оперативных и следственных подразделениях, не имеют высшего юридического образования.

Составной частью борьбы с организованной преступностью, как и преступностью в целом, должно стать возрождение ранее существовавшей в советский период целостной системы предупредительно-профилактической деятельности, вписывающейся в новые государственные механизмы на законодательном уровне. При этом должна быть четко определена компетенция и ответственность каждой структуры, входящей в единую систему профилактики. Как показывает практика, на предупредительно-профилактической деятельности, как и на всей социальной сфере, нельзя экономить. Ибо тот, кто не желает устранения причин, порождающих преступность, обречен на безуспешную борьбу со следствиями.

Анализ предложений по совершенствованию деятельности органов внутренних дел в борьбе с организованной преступностью, поступивших из МВД государств-участников СНГ, свидетельствует о том, что большинство их них носит конструктивный характер. Необходим их учет при организации стратегического планирования развития МВД стран Содружества, разработке национальных и ведомственных нормативно-правовых актов по вопросам профилактики преступлений и иных правонарушений, и, в целом, при организации деятельности органов внутренних дел в данной сфере.

По общему мнению, принятие государственных программ по профилактике правонарушений в странах Содружества внесет важный вклад в укрепление государственной системы профилактики правонарушений, обеспечение законности и правопорядка в государствах-участниках СНГ.

Основное внимание в данных программах должно быть уделено социальной профилактике, профилактике правонарушений несовершеннолетних, предупреждению совершения преступлений лицами ранее судимыми, привлечению граждан к охране общественного порядка, внедрению технических средств охраны правопорядка, а также осуществлению информационно-разъяснительной и пропагандистской работы в сфере профилактики правонарушений через средства массовой информации.

В настоящее время назрела глобальная реформа пенитенциарной системы стран Содружества, так как она не нацелена на исправление и перевоспитание осужденных. После освобождения из мест лишения свободы ранее судимые лица не обеспечиваются адаптацией к нормальной жизни. Ученые предпринимают удачные попытки научного подхода к разработке, становлению и развитию уголовно-исполнительной политики [28; 29; 30; 31] как составной части всей уголовной политики государства и общества [1; 11; 18; 32; 35].

Необходимо увеличение темпов обеспечения органов внутренних дел современными техническими средствами. Например, установка современных систем видеонаблюдения на улицах городов, площадях, спортивных объектах, офисах и иных местах позволит осуществлять непрерывный сбор информации, которая в режиме реального времени передавалась бы в дежурную часть органов внутренних дел. Все это позволит оперативно реагировать не только на совершенные правонарушения (хулиганство, грабежи, разбои и др.), но и на возникающую угрозу их совершения (например, в случае скопления в общественном месте групп

агрессивно настроенных граждан). Система видеонаблюдения также эффективно действовала бы на психологическое подсознание граждан, которые, сознавая, что за ними осуществляется наблюдение, отказались бы от правонарушений. Такие современные технические средства, в минимальном объеме, установлены в некоторых крупных городах ряда стран Содружества. Вместе с тем здесь также должна быть обеспечена безопасность человека, в том числе и с позиций влияния достижений электроники и специальной техники на его сознание [5; 25; 37].

В целях улучшения профилактики преступлений требуется проведение научных исследований социологического и криминологического характера с целью изучения влияния средств массовой информации на правовое сознание и, с учетом их результатов, выстраивание стратегии взаимодействия между правоохранительными ведомствами государств-участников СНГ. МВД стран Содружества целесообразно наладить тесное взаимодействие с министерствами связи и массовых коммуникаций с целью внесения предложений, касающихся, прежде всего предотвращения использования СМИ для пропаганды антисоциального, девиантного поведения, в том числе посредством телепередач, художественных и документальных фильмов «соответствующего» содержания [10; 17].

Требуется активизировать работу органов внутренних дел всех уровней по пропаганде правовых знаний и правомерного поведения посредством организации выступлений сотрудников органов внутренних дел (включая профессорско-преподавательский состав учебных заведений МВД государств-участников СНГ) перед учащимися средних, профессиональных и высших учебных заведений, членами трудовых коллективов предприятий, учреждений и организаций. Такая форма профилактической работы будет способствовать укреплению связей между органами внутренних дел и обществом, повышению доверия населения.

Проведенный анализ также показал, что важным направлением в решении проблем профилактики преступлений и иных правонарушений является совершенствование системы кадрового обеспечения правоохранительных органов стран Содружества. Для чего необходимо существенно повысить уровень обучения курсантов и слушателей учебных заведений органов внутренних дел. Вместе с тем, не менее важным направлением является и принятие мер, направленных на повышение социального статуса и уровня защищенности сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих национальной гвардии [12].

Не умаляя уровень межгосударственной борьбы с транснациональной преступностью на территории государств-участников СНГ, следует подчеркнуть, что основной объем профилактической деятельности должен осуществляться на национально-государственном уровне, в соответствии с компетенцией правоохранительных органов.

Следуя этой логике, рассмотрим предупредительно-профилактическую деятельность в борьбе с организованной преступностью.

Основные направления по предупреждению преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, в соответствии с ведомственными рекомендациями, классифицируются по трем основным уровням: общесоциальный (общая профилактика), специально–криминологический (криминологическая профилактика), индивидуальный (индивидуальная профилактика) [14].

Общесоциальный уровень (общая профилактика) включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на разрешение противоречий в области экономики, социальной, нравственно-духовной жизни, правовой сферы и т.п.

При этом следует отметить, что меры общесоциального предупреждения имеют исключительно широкий диапазон, они воздействуют не только на причины и условия организованной преступности, но практически на все виды, группы, разновидности причин, условий и других детерминант преступности [16].

Задачей специальных мер является устранение действия конкретных криминогенных факторов либо смягчение действия негативных нравственных норм, создание обстоятельств, препятствующих совершению преступлений [15].

Специально-криминологические меры должны разрабатываться и осуществляться применительно к различным видам преступлений, в том числе совершаемых организованной преступностью, типам преступного поведения, к различным сферам общественной жизни, социальным группам, отраслям хозяйства

[13; 21].

Основным субъектом специально-криминологического предупреждения рассматриваемых преступлений являются органы внутренних дел, которые осуществляют предупреждение, в соответствии со своими должностными обязанностями.

В системе мер по предупреждению преступлений, совершаемых организованной преступностью, на специально-криминологическом уровне можно выделить следующие основные направления: предупреждение общеуголовных преступлений насильственной направленности (разбои, бандитизм, похищения людей, вымогательство); предупреждение других общеуголовных преступлений, в которых насилие может наличествовать, но не является обязательным элементом состава преступления (торговля оружием, торговля людьми, вымогательство денег под обеспечение защиты, завуалированное под выполнение различных работ и услуг, угон автомобилей и др.); предупреждение преступлений, связанных с пороками общества (незаконный оборот наркотиков, сутенерство, проституция, незаконные азартные игры); предупреждение преступлений в экономической (хозяйственной) деятельности; предупреждение преступлений, основанных на симбиозе общеуголовной и экономической преступности [3; 4; 19; 27; 33; 34; 36].

Для предупреждения общеуголовных преступлений сотрудники органов внутренних дел проводят: мониторинг оперативной обстановки в сфере борьбы с организованной преступностью с привлечением специалистов научных и научно-исследовательских учреждений; принимают меры по разобщению организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) на ранних стадиях их формирования путем поиска и своевременной реализации информации упреждающего характера; осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению преступлений, в том числе по предупреждению противоправной деятельности участников организованных групп и преступных сообществ; в пределах компетенции осуществляют мероприятия по недопущению проникновения представителей организованных групп и преступных сообществ в органы власти; разрабатывают и организуют проведение специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий в сфере борьбы с организованной преступностью; осуществляют взаимодействие со всеми подразделениями органов внутренних дел и другими правоохранительными органами; выявляют при проведении оперативно-розыскных мероприятий причины и условия, способствующие совершению преступлений, принимают в пределах компетенции меры по их устранению, проводят другие оперативно-профилактические мероприятия.

Для предупреждения общеуголовных преступлений насильственной направленности важное значение имеет эффективная и качественная охрана имущества физических и юридических лиц, в том числе государственной собственности, чаще всего подвергающейся криминальным покушениям со стороны организованной преступности. Ненадлежащая охрана собственности является своего рода мотивом для совершения нападений с целью ее завладения.

Так, в целях профилактики грабежей и разбоев в отношении водителей, пассажиров, перевозимого груза подразделениям вневедомственной охраны необходимо создавать собственные автостоянки на автомагистралях, которые должны быть взяты под охрану, оборудованы системами тревожной сигнализации с выводом на пульты централизованного наблюдения.

Должна быть расширена сфера оказываемых охранно-транспортных услуг, предоставление специализированного транспорта для перевозки грузов и ценностей, проработан вопрос оснащения нарядов милиции системами спутниковой связи, позволяющими осуществлять дистанционный контроль за местом нахождения и скоростью движения транспорта с охраняемым грузом, обмена информацией с милицией.

Сложившаяся в настоящее время система защиты малого бизнеса со стороны правоохранительных органов не получает каких-либо дополнительных преференций, в сравнении с иными категориями потерпевших от преступных проявлений.

Во многом, это основано на конституционном положении о равенстве всех форм собственности. В то же время, для разработки системы защиты малого бизнеса от преступных посягательств со стороны криминальных структур целесообразно предусмотреть мероприятия по: развитию системы охранных и иных услуг, предоставляемых малым

предприятиям правоохранительными и контролирующими органами для защиты от криминальных посягательств; усилению роли корпоративных объединений малого предпринимательства в обеспечении законности и экономической безопасности в деятельности субъектов малого бизнеса; созданию системы информационного обеспечения малого бизнеса для более широкого доступа негосударственных малых предприятий к информации для проверки нанимаемого персонала на предмет выяснения его криминального прошлого, выявления недобросовестных коммерческих партнеров; усилению ответственности за совершение отдельных правонарушений; развитию форм и методов взаимодействия правоохранительных органов, частных охранно-детективных структур, профессиональных объединений предпринимателей в выявлении криминальных угроз, предупреждении и пресечении преступных посягательств на собственность малых предприятий, бизнесменов и членов их семей, организации совместных действий при возникновении чрезвычайных обстоятельств, ситуаций или происшествий.

Предупреждению, пресечению и сокращению фактов вымогательства будет способствовать становление и укрепление частных служб безопасности предприятий. В отличие от органов внутренних дел, действующих в интересах государства и общества в целом, частные службы безопасности создаются и действуют исключительно в интересах конкретных предприятий.

Формируется служба безопасности, как правило, из бывших сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, органов государственной безопасности и военнослужащих министерства обороны. Специфика деятельности службы безопасности по форме не отличается от деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов, в основе которой лежит проведение сыскных мероприятий и анализ полученной на их основе информации. Однако следует иметь в виду, что перечень проводимых службой безопасности мероприятий, разрешенных законодательством, значительно уже, чем перечень оперативно-розыскных мероприятий.

Основной целью создания службы безопасности является защита предпринимательской деятельности от внутренних и внешних противоправных посягательств. Безопасность предприятия представляет собой состояние защищенности его жизненно важных интересов от недобросовестной конкуренции, воздействия криминальных формирований и отдельных лиц, способность противостоять внешним и внутренним угрозам, сохранять стабильность функционирования и развития, в соответствии с уставными целями.

Угрозы безопасности предпринимательской деятельности можно классифицировать по различным основаниям (по степени вероятности, по степени развития, по природе их возникновения и т.д.). По отношению к предпринимательской деятельности угрозы можно классифицировать как внешние и внутренние. Внутренними являются действия, которые полностью инициируются и совершаются внутренними элементами (персонал, постоянные клиенты, партнеры предприятия и др.), либо с помощью внешних сил (недобросовестные конкуренты, криминальные элементы, коррумпированные чиновники и др.).

Внешними посягательствами являются действия, совершаемые внешними по отношению к предпринимательской структуре силами, либо при участии отдельных внутренних элементов. К внешним посягательствам относятся: деятельность криминальных структур, направленная на совершение вымогательства, других, в том числе экономических преступлений с использованием внутренних возможностей предприятия, посягающих на его собственность либо собственность партнеров, клиентов; деятельность недобросовестных конкурентов, направленная на дискредитацию либо парализацию работы предприятия, в том числе с использованием заведомо ложных сведений либо сведений, составляющих коммерческую тайну, либо путем подготовки и совершения экономических преступлений; деятельность криминальных структур либо отдельных преступных элементов, направленная против жизни и здоровья персонала, с использованием различных средств и методов; противоправная деятельность и коррупция должностных лиц органов законодательной и исполнительной власти, включая правоохранительные и контролирующие органы; социальные конфликты в регионе, приводящие к возможным сбоям в сфере предпринимательской деятельности (массовые беспорядки, забастовки, пикеты и т.д.).

Одним из главных направлений организо-

ванной преступности является противоправная деятельность в хозяйственно-экономической сфере, предупреждение которой является важнейшей составляющей работы органов внутренних дел.

Взаимодействие правоохранительных органов в предупреждении и пресечении преступности в сфере экономики являются одним из непременных условий эффективности их деятельности, так как при ограниченных возможностях рациональное использование сил, квалифицированное сочетание средств и методов, которыми располагают соответствующие органы и их подразделения, позволяют успешно предупреждать и пресекать организованную преступную деятельность.

Основная тяжесть борьбы с преступностью в сфере экономики должна возлагаться на сотрудников подразделений по борьбе с экономической преступностью, которые в соответствии с возложенными на них обязанностями по предупреждению преступлений: выявляют причины и условия совершения преступлений в сфере экономики; вносят предложения по своевременному информированию органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных уполномоченных органов, а также собственников имущества о необходимости устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере экономики; проводят оперативно-розыскные мероприятия по выявлению лиц, занимающихся приготовлением и покушением на преступления в сфере экономики, принимают к ним меры в соответствии с законодательством; осуществляют ежемесячный анализ состояния экономической преступности и принимают, в соответствии с законодательством, меры по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений в различных сферах экономики; поддерживают взаимодействие со всеми службами органов внутренних дел, другими правоохранительными органами по установлению лиц, занимающихся преступной деятельностью в сфере экономики [22; 23; 24].

Используют имеющуюся у них оперативную информацию в работе по пресечению противоправной деятельности таких лиц, осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по выявлению и разобщению организованных преступных групп или преступных сообществ, действующих в сфере экономики; обобщают наиболее характерные способы уклонения от уплаты налогов, сокрытия доходов; содействуют освещению средствами массовой информации деятельности и результатов работы подразделений по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями и т.п.

Эффективным средством предупреждения организованной преступной деятельности является вытеснение легализовавшегося криминалитета из сферы экономики, освобождение предприятий от контроля криминалитета, для чего в ряде случаев проводятся крупномасштабные операции по декриминализации предприятий и объектов экономики.

Немаловажное значение для предупреждения организованной преступной деятельности имеет выявление и пресечение ее коррупционных связей в государственных органах власти и управления. Своевременный сбор информации и ее анализ позволяет выявлять коррумпированных чиновников, действующих в интересах организованных группировок, и своевременно проводить комплекс мероприятий по их нейтрализации и недопущению вредных последствий такой деятельности.

Индивидуальный уровень (индивидуальная профилактика) представляет собой конкретизацию общесоциальных и специально-криминологических мер в отношении конкретных лиц, поведение которых вступает в конфликт с правовыми нормами. Эта деятельность направлена на:

а) устранение неблагоприятных воздействий на конкретную личность, могущих привести к формированию антиобщественной направленности и общественно опасному поведению;

б) изменение социально неодобряемого поведения, ведущего к переходу на преступный путь, и коррекцию порождающих его ориентаций и черт личности;

в) применение неотложных мер по предупреждению непосредственно подготавливаемых преступлений, пресечению попыток их совершения.

Индивидуальная профилактика возможна в различных формах, в первую очередь, применяемых к рядовым участникам профессиональной криминальной среды, а именно: наблюдение за их поведением, их предостережение о недопустимости нарушения закона, использование иных

средств правового контроля за их поведением; оказание им необходимой правовой помощи, содействие в бытовом и трудовом устройстве после освобождения из мест лишения свободы; защита их прав и законных интересов; направление их в необходимых случаях на принудительное лечение от наркомании или алкоголизма; использование антикриминогенного потенциала семьи, родственников и других близких этим людям лиц; оказание психиатрической помощи тем из этих лиц, которые имеют психические отклонения, или принятие мер к их принудительному лечению; изменение их мировоззрения с помощью привлечения для этих целей религиозных организаций; привлечение этих лиц к уголовной, административной и другим видам юридической ответственности.

Такое предупреждение осуществляется в отношении отдельных преступников с целью нейтрализации их общественной опасности, прежде всего криминальной мотивации, а также в воспитании потенциальных субъектов криминальной среды, для отрыва от этой среды.

Особое место в противодействии организованной преступности отводится исправительным учреждениям. Используя специфику их деятельности, а именно концентрацию значительного числа нравственно запущенных лиц, особенности их жизнедеятельности и взаимоотношений, лидеры криминальной среды решают здесь важные для себя задачи. В связи с этим работникам службы исполнения наказаний необходимо вести строгий учет таких лиц, в этих целях обеспечивая взаимодействие с органами внутренних дел [26].

Наряду с изложенным, разрушение криминогенной среды также состоит в локализации, нейтрализации и устранении общественной опасности преступной группировки путем ее разобщения, для чего создаются или используются назревающие или реально существующие внутри преступных группировок конфликтные ситуации.

В качестве объекта конфликта наиболее часто выступают, в основном, материальные ресурсы, к контролю над которыми стремятся участники группы. Необходимо использовать объективные, глубинные предпосылки конфликтов, лежащие в основе организационной структуры группировки. Другими основаниями внутренних конфликтов могут быть: различная активность участников группировки в преступной деятельности; личные неприязненные отношения между ними; нарушения отдельными участниками внутригрупповых норм.

Разобщение возможно с помощью использования серьезных противоречий, которые возникают между преступными группировками за сферы влияния. Использование таких противоречий может привести, в частности, к тому, что группировки через средства массово-коммуникативного воздействия организуют оглашение конфиденциальной негативной информации о конкурирующих преступных группах, которая позволяет привлечь к уголовной ответственности участников последних.

Разобщение также возможно в форме компрометации лидеров и активных участников группировок. Компрометация возможна при наличии двух условий одновременно, а именно: должна быть использована такая информация об указанных лицах, которая свидетельствует о серьезном нарушении ими неформальных норм преступной среды; информация должна быть использована тактически грамотно, в частности, выпукло показывать допущенные этими лицами нарушения.

Подытоживая данную статью, следует отметить, что классификация мер предупреждения преступлений, совершаемых организованной преступностью, возможна по трем основным уровням ее предупреждения: общесоциальный (общая профилактика), специально-криминологический (криминологическая профилактика), индивидуальный (индивидуальная профилактика).

Сердцевиной профилактической деятельности правоохранительных органов является специальная криминологическая профилактика. Основные направления этой деятельности выше подробно изложены.

Важнейшим направлением борьбы с организованной преступностью является предупреждение организованной преступной деятельности в экономической (хозяйственной) сфере. В этих целях могут быть применены следующие основные меры: выявление и нейтрализация лидеров организованных преступных формирований, осуществляющих преступную деятельность в сфере экономики; усиление контроля за осуществлением хозяйственных операций; повышение эффективности работы правоохранительных органов по выявлению и

раскрытию преступлений этой категории; ограничение деятельности контролируемых организованными преступными формированиями «легальных» предприятий и организаций (их ликвидация, отзыв лицензий, арест банковского счета и пр.); меры по предупреждению и пресечению преступности в сфере экономики, осуществляемые сотрудниками подразделений по борьбе с организованной преступностью, в первую очередь, во взаимодействии с работниками подразделений по борьбе с экономической преступностью.

Индивидуальная профилактика потенциальных субъектов совершения преступлений, т.е. криминальной среды, воспроизводящей и поставляющей криминально настроенных лиц для организованной преступности возможна в различных формах: применение различных мер к рядовым участникам профессиональной криминальной среды; разрушение криминогенной среды путем локализации, нейтрализации и устранения общественной опасности преступной группировки в результате ее разобщения, для чего создаются или используются назревающие или реально существующие внутри преступных группировок конфликтные ситуации; использования серьезных противоречий, возникающих между преступными группировками за сферы влияния; компрометации лидеров и активных участников группировок и формирований.

Эффективная профилактика организованной преступной деятельности возможна, если она ведется применительно к отдельным объектам, сферам жизнедеятельности, где имеют место проникновение и функционирование преступных формирований.

При проведении государственной политики по профилактике и предупреждению организованной преступности важно соблюдать ряд требований: ограничить благоприятствующее воздействие экономико-социальных факторов на расширение организованной преступности; совершенствовать законодательную базу, вести борьбу с экономической преступностью и коррупцией в неукоснительном соответствии с законом.

Список литературы

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. - 144 с.
2. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
3. Волеводз А.Г. Экспертно-криминалистические вопросы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: к 10-летию журнала «Наркоконтроль» // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 4. – С. 19-22
4. Захарцев С.И. Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // Наркоконтроль. – 2014. – № 4. – С. 34-37.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
6. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
7. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
8. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
9. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
11. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые

проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
12. Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование. – М.: Диамант СВ, 1995. - 254 с.
13. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
14. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
15. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
16. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
17. Лойт Х.Х., Сальников В.П., Потапов Ю.А. Проблемы подготовки специалистов по связям с общественностью в системе МВД России // Взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов: Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2001. – С 64-70.
18. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтекс Клувер, 2009. - 608 с.
19. Мамедов Ш.С. Незаконный оборот алкогольной продукции как экономическое преступление // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 184-193.
20. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
21. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
22. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями экономической направленности (некоторые частные вопросы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 184-198.
23. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по выявлению и раскрытию экономических преступлений в Республике Таджикистан: конкретные проблемы локального нормативно-правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 176-184.
24. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан и борьба с экономической преступностью: подзаконное нормативно-правовое регулирование (общеправовая характеристика) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 105-116.
25. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
26. Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218.
27. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
28. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
29. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
30. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского

юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
31. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
32. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
33. Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130.
34. Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 160-164.
35. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
36. Федоров А.В. Реализация уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. – С. 2-7.
37. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПОТЕРПЕВШИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОХРАНА ЕГО ПРАВ

Аннотация. *Рассматриваются понятие и содержание охраны прав потерпевших от преступлений. Отмечается, что вопрос о правах и свободах личности неразрывно связан с вопросом их гарантий. Подробно анализируются понятия «защита» и «обеспечение» как различные средства более широкой правовой категории «охраны прав и свобод человека».*

Ключевые слова: *права и свободы личности; охрана прав потерпевшего от преступления; гарантии; обеспечение; защита.*

KONDRAT I.N.

VICTIM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROTECTION OF HIS RIGHTS

The summary. *The concept and content of protection of the rights of victims of crimes are considered. It is noted that the issue of the rights and freedoms of the individual is inextricably linked with the issue of their guarantees. The concepts of "protection" and "security" are analyzed in detail as various means of a broader legal category "protection of human rights and freedoms".*

Key words: *rights and freedoms of the individual; protection of the rights of the victim from a crime; guarantees; security; protection.*

Охрана прав и свобод человека и гражданина во всех их многообразных аспектах является важнейшим фактором устойчивого развития общества, уровень демократизации которого определяется не только формальным признанием прав человека, но и созданием эффективно действующего механизма их охраны, при котором «государство не будет пассивным созерцателем, индифферентным к положению граждан» [21, стр. 6].

Иными словами, для реальной охраны прав и свобод личности наличие в достаточной степени разработанной и, вместе с тем, рациональной, внутренне согласованной системы законодательства необходимо, но еще недостаточно.

Мало принять хороший закон, необходимо, чтобы он неукоснительно исполнялся. Это обеспечивается, во-первых, совокупностью гарантий социально-экономического, правового и организационного характера; во-вторых, уровнем подготовленности лиц, применяющих закон, их образованием, жизненным опытом, нравственными началами, пониманием стоящих перед ними задач, точным следованием букве и духу закона [15, стр. 39-40; 33; 34].

Вместе с тем, с сожалением приходится

констатировать, что гарантирование конституционных прав и свобод личности «всей системой права» – это пока еще недосягаемый идеал, а не реальная действительность [2]. Что касается современного российского государства, то следует согласиться с тем, что оно находится в состоянии поиска и внедрения в практику новых форм отношений со своими гражданами [16, стр. 6]. Этот тезис полностью относится к потерпевшему – участнику уголовного судопроизводства.

Повышение эффективности правозащитной деятельности в нашем государстве – основная задача, так как защита конституционных прав человека – одно из ключевых направлений деятельности органов государственной власти в современной России [4]. Решение целого комплекса задач, связанных с качественным улучшением состояния законности и правопорядка в стране, требует разработки системного и всестороннего подхода, основанного на тесном взаимодействии всех государственных и общественных правозащитных структур [19, стр. 1].

Таким образом, выступая гарантом реальности прав и свод личности в плане их охраны, государство должно стремиться к созданию условий нормативно-правового и организационного характера, которые, наряду с формированием системы законодательства, обеспечивающего охрану этих прав от любого беззакония и произвола, будут предопределять высокий уровень его реализации.

Особое значение в этом аспекте имеет рассмотрение понятия и содержания охраны прав потерпевших от преступлений.

Следует отметить, что словосочетание «права и свободы» не только устоявшееся, но и достаточно распространенное, вследствие этого понятия «права» и «свободы» нередко используются как синонимы.

В юридической литературе права и свободы определяют через категорию возможности, под которыми, как правило, понимается то, что при наличии определенных условий может стать реальностью, превратиться в действительность. Так, например, Н. В. Витрук указывает, что права и свободы личности есть материально обусловленные, юридически закрепленные возможности индивида обладать и пользоваться конкретными социально-экономическими, политическими, личными и духовными благами [6, стр. 9].

Возможность в своем внутреннем содержании состоит из большего или меньшего числа вариантов поведения, позволяющих человеку достичь поставленных целей, превратить желаемое в действительность. В рамках обусловленной обстоятельствами возможности личность всегда обладает определенной мерой свободы поведения для превращения поставленных целей в конкретные результаты. Поэтому возможность для человека в пределах закона самостоятельно определять свое поведение составляет то главное, как справедливо отметил Л.Д. Воеводин, без чего нельзя понять права и свободы [8, стр. 9]. При этом крайне важно отметить, что непременным условием осуществления указанной возможности является ее государственная поддержка, охрана от всевозможных нарушений и посягательств.

По мнению Е.А. Лукашевой, задача состоит в том, чтобы наше правовое государство (т.е. государство, опирающееся на право, на закон, несовместимое с насилием и произволом) стало сильным, способным влиять на важнейшие процессы, происходящие в обществе и мире [20, стр. 62-63]. Солидарную позицию в этом вопросе занимает Н. Ю. Хаманева, считающая, что правовое положение личности зависит от того, насколько совершенно законодательство о правах и обязанностях в сфере государственного управления. В связи с этим проблема упорядоченности отношений, которые возникают между гражданином и властными структурами, приобретает особую актуальность [43, стр. 10-12.

По нашему мнению, права и свободы личности следует рассматривать как синонимы. Как справедливо подчеркивал М.С. Строгович, «свобода личности – это ее право, а с другой стороны, любое право личности включает в себя определенную свободу поведения» [С9, стр. 24].

Свобода – это те же права, но они относятся к сфере жизнедеятельности человека, в которую государство не должно вмешиваться, однако обязано их защищать. Человек как личность не может существовать без свободы, также как свобода не существует без человека. Что касается прав, то они дают направления и устанавливают гарантии использования личностью своих возможностей. С помощью прав человек и гражданин ограждается от произвольного вмешательства государственной власти в его личную жизнь. Вместе с тем, правами определяются пределы активности индивида в различных сферах

жизнедеятельности [26, стр. 11].

Провозглашение прав и свобод личности не всегда сопровождается их осуществлением, поэтому с вопросом о правах и свободах личности неразрывно связан вопрос их гарантий.

Ценность прав, отмечает И. В. Ростовщиков, заключена в их гарантированной реализации – в непосредственном получении человеком определенных благ. Ничем не подкрепленное провозглашение самых демократических прав и свобод в любого рода источниках малозначимо [31, стр. 16].

Гарантированность государственной охраны прав потерпевшего непосредственно связана с обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Обеспечение выполнения этой важнейшей государственной функции осуществляется посредством системы гарантий.

В широком плане в юридической литературе понятием «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на подлинную реализацию прав и свобод российских граждан, на устранение возможных причин и препятствий для их полного и надлежащего осуществления, а также защиты прав от далеко нередких в наши дни нарушений. Несмотря на то, что эти факторы весьма разнообразны, по отношению к процессу реализации прав и свобод они выступают в качестве условий, средств, способов, приемов и методов правильного его осуществления.

По нашему мнению гарантиями в контексте рассматриваемой проблемы следует понимать условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав потерпевших от преступлений.

В уголовном судопроизводстве под гарантиями следует понимать «многоуровневую систему средств, предусмотренную нормами уголовно-процессуального права, служащую охране прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, выявлению и устранению нарушений этих прав и интересов, которые во взаимодействии со всеми видами гарантий прав и интересов граждан формируют деятельность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя как охраняющую права и интересы данных граждан в уголовном процессе» [25, стр. 46-47]. В эту систему входят уголовно-процессуальная форма; принципы уголовного судопроизводства; процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности участников уголовного судопроизводства; содержание и властный характер деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, деятельность других участников процесса; проверка законности и обоснованности процессуальных действий и решений (прокурорский надзор и судебный контроль); обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, разъяснять права участвующим в деле лицам и обеспечить возможность осуществления этих прав и др. [25, стр. 46-47].

Провозгласив курс на построение правового государства, признав и взяв под охрану государства основные права и свободы человека, Конституция РФ, тем самым, сформулировала определенную концепцию приоритета общегуманистических ценностей, построенную на правозащитной идее. Посредством правовой защиты человека, как известно, охраняется его правовой статус, устанавливаются юридические гарантии охраны его прав, свобод и законных интересов.

Иными словами, правовая защищенность есть ни что иное, как высокий уровень охраны личности законом, который характеризуется предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты [39, стр. 11].

Актуальность, сложность и многоплановость правозащитной проблематики, ее теоретико-прикладной характер привлекают внимание многих ученых в области уголовного процесса, уголовного права, теории государства и права и ряда других отраслей юридической науки. Однако, несмотря на многочисленные исследования, научно обоснованное и ясное решение многих вопросов все еще не достигнуто. Так, в частности, в юридической литературе пока не сложилось общепризнанного подхода к трактовке таких понятий как, «защита», «охрана», «обеспечение» прав человека, равно как и их соотношение до настоящего времени остается предметом дискуссии [1; 10; 27; 38; 41; 44; 5; 23; 24; 35]. Наряду с различным толкованием указанных понятий, следует отметить их произвольное использование в сочетании с отсутствием надлежащей аргументации, что нередко

является следствием терминологической рассогласованности действующего отечественного законодательства, а иногда вызвано тем, что после принятия законодательных актов с использованием каких-либо новых понятий и терминов не всегда вносятся коррективы в нормативные акты. Так, даже в Конституции РФ законодатель оперирует различными терминами: защита прав и свобод является обязанностью государства (ст. 2), права и свободы обеспечиваются (ст. 18), гарантируется равенство прав и свобод (ст. 19), охраняется достоинство личности (ст. 21), гарантируется государственная защита прав (ст. 45), гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом (ст. 52). В этой связи следует признать справедливым мнение М.И. Ковалева относительно того, что «в тексте любого закона должны употребляться термины, выражения и понятия, которые являются общеупотребительными и имеют во всех местностях одинаковое значение. Причем они должны использоваться в обычном смысле» [17, стр. 5].

Пожалуй, наиболее острую дискуссию вызвал вопрос о трактовке и соотношении таких понятий, как «охрана», «защита» и «обеспечение» прав человека. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «защита» определяется как «оборона, охрана, заступничество, покровительство» [12, стр. 595], а «охрана» – как безопасность, заступничество [13, стр. 640]. Аналогичным образом эти слова определяются и в современном русском языке [28, стр. 222, 476]. «Обеспечить» означает снабдить чем-нибудь в нужном количестве, сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым» [29]. На наш взгляд, при некоторой синонимичности значение этих слов все-таки различно.

Рассмотрим основные подходы, представленные в отечественной научной литературе.

Некоторые исследователи отождествляют понятия «защита прав человека» и «охрана прав человека» [7, стр. 104; 22; 32, стр. 31, 60-65; 37]. Так, Н. В. Витрук считает, что они составляют единое целое, которое называется «охраной (защитой) прав и обязанностей», а термины «охрана» и «защита» употребляются как синонимы [7, стр. 104-105].

И.А. Блинова, подвергнув анализу указанные понятия, приходит к выводу о том, что в лексиконе русского языка смысловые понятия «защита» и «охрана» идентичны и, как следствие, «защита прав» и «охрана прав» правомерно рассматривать как понятия с одинаковой смысловой нагрузкой и фактическим юридическим наполнением [3, стр. 54-55].

Наряду с этим, в литературе представлена иная позиция, согласно которой понятие «охрана прав человека» отрицается в силу отсутствия в нем специально-юридического содержания [45, стр. 17]. В этой связи А.В. Стремоухов отметил, что широкое использование термина «охрана прав» в теории права и отраслевых науках «в немалой степени мешает более глубокой дифференциации правовых явлений, отражающих правоохранительные, правозащитные и, в целом, правообеспечительные отношения, приводит к смешению таких понятий, как «защита», «обеспечение прав», «реализация прав», «гарантии прав и свобод», что в итоге снижает эффективность, научную и практическую значимость исследований правоведов» [39, стр. 26].

А.С. Мордовец несколько иначе трактует эти понятия. По мнению автора, охрана прав и свобод есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать [27, стр. 88].

Согласно мнению ученых, придерживающихся противоположной точки зрения, охрана – установление общего правового режима, который обеспечивается, прежде всего, государством, предусматривающим субъективные права и их защиту. Существуя постоянно, охрана имеет целью обеспечить осуществление каждого права и не допустить его нарушение. К защите права появляется необходимость прибегнуть лишь при его нарушении, оспаривании либо угрозе нарушения [11, стр. 217; 40, стр. 259-260].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, которые полагают, что понятия «защита» и «обеспечение» – разные средства более широкой правовой категории «охраны прав и свобод человека» [36, стр. 162-164].

Защита прав и свобод человека и гражданина является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничении или о возникновении реальной угрозы их нарушения [18, стр.58].

Понятие «обеспечение» применительно к правам и свободам целесообразно рассматривать в двух аспектах. «Во-первых, как деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенций, обязанностей в целях создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод. Во-вторых, как итог, результат этой деятельности, выражающейся в фактической реализации правовых предписаний, прав и свобод граждан» [42, стр. 60].

По нашему мнению, при рассмотрении вопроса о соотношении указанных понятий целесообразно исходить из тех аспектов, которые объединяют защиту и обеспечение прав и свобод человека. В первую очередь это направленность их функционального предназначения, поскольку защита и обеспечение ориентированы на правовую охрану прав и свобод человека; во-вторых, их содержание, которое составляют правовые средства осуществления их функционального предназначения. Такой подход позволяет рассматривать эти понятия как взаимосвязанные и взаимозависимые элементы (стороны, проявления) более общей категории – «правовой охраны прав человека», поскольку обеспечение и защита прав человека – юридические направления, в которых осуществляется правовая охрана интересов в обществе.

Охрана прав и свобод человека и гражданина является правовой категорией, обозначающей «предупреждение любого возможного нарушения, контроле за их соблюдением и готовностью реагировать на возможное нарушение, иными словами, в поддержании состояния беспрепятственного осуществления» [25, стр. 38], принадлежащих гражданину прав и свобод.

Учитывая все вышеизложенное, представляется, что охрана прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве являет собой организационно-правовые средства обеспечения и защиты этих прав в процессе осуществления деятельности уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц. Именно в таком контексте понятие «охрана» используется во Всеобщей декларации прав человека, в преамбуле которой указано на необходимость охраны прав человека властью закона, т.е. посредством законотворческой деятельности государств [9, стр. 39]. Равным образом это понятие используется в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [14, стр. 539]. В том же контексте эти категории используются в ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве».

Таким образом, охрана прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве представляет собой организационно-правовые средства обеспечения и защиты этих прав в процессе осуществления деятельности уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц

Важно подчеркнуть, что выступая гарантом реальности охраны прав потерпевшего, государство должно стремиться к созданию условий нормативно-правового и организационного характера, которые, наряду с формированием системы законодательства, обеспечивающего охрану этих прав от любого беззакония и произвола, будут предопределять высокий уровень их реализации.

Список литературы

1. Анисимов П.В. Теоретические проблемы правового обеспечения права человека на правовую защиту: Дис. … докт. юрид. наук. – Н.Новгород, 2005.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Блинова И.А. Институт защиты прав человека (вопросы теории и практики): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007.

4. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
5. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
6. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1985. – 176 с.
7. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. – М., 1976.
8. Воеводин Л.Д. Система конституционных прав советских граждан // Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. – М., 1987.
9. Всеобщая декларация прав человека // Международные акты о правах человека. – М., 2001.
10. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004.
11. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. – М.: Правовая культура, 1996. - 250 с.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 2007.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 2007.
14. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М., 2000.
15. Каламкарян Р.А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь (материалы международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 37-50.
16. Керимов Д.А. Социальное государство // Право и образование. – 2007. – № 3. – С. 5-11.
17. Ковалев М.И. Некоторые вопросы перестройки и проблемы теории уголовного законодательства // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. – Свердловск, 1989.
18. Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. – М.: ИГиП РАН, 1994. – С. 57-74.
19. Лопатин В.Н. Права и свободы человека как источник права в современной России // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 400 с.
20. Лукашева Е.А. Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 61-65.
21. Лукашева Е.А. Социальное государство и защита прав граждан в условиях рыночных отношений // Социальное государство и защита прав человека. – М., 1994. – С 5-21.
22. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. – М.: Знание, 1991. – 127 с. – (Сер. «Народный университет». Факультет правовых знаний).
23. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
24. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
25. Мичурина О.В., Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. – Смоленск: Смоленская гор. тип., 2010. – 146 с.
26. Мичурина О.В., Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела: Монография. – Смоленск: Маджента, 2008. - 148 с.
27. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1996.
28. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968.
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд. испр., – М., 1991.
30. Права личности в социалистическом обществе / Витрук Н.В., Карташкин В.А., Ледях И.А., Мальцев Г.В., и др.; отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Строгович М.С. – М.: Наука, 1981. – 272 с.
31. Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997. – 192 с.
32. Ростовщиков И.В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996. - 97, [2] с.
33. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс,

2003. – С. 62-66.
34. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1(224). – С. 82-98.
35. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
36. Сергун П.П. Соотношение охраны и защиты прав и свобод граждан при применении мер административного принуждения // Укрепление социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987.
37. Синельщиков Ю. Охрана прав граждан – направление приоритетное // Соц. законность. – 1989. – № 9. – С. 8-11.
38. Страунинг Э.Л. Самозащита гражданских прав: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999.
39. Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб, 1996.
40. Тархов В. А. Гражданское право. – Чебоксары, 1997.
41. Толкачев К. Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
42. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа: Уфимская высшая школа МВД РСФСР, 1991. – 168 с.
43. Хаманева Н.Ю. Административно-правовой статус гражданина Российской Федерации / Отв. ред. М.М. Славин. – М.: ИГП РАН, 2004. – 109 с.
44. Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 1997.
45. Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1997.

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна,
старший преподаватель кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия)
E-mail: aigul229@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. *При расследовании насильственных действий сексуального характера производству допроса с участием малолетних и несовершеннолетних потерпевших присущи свои тактико-психологические особенности. Существует ряд задач, которые должен реализовать следователь при подготовке к допросу с участием несовершеннолетнего, а также непосредственно в ходе данного следственного действия. В связи с этим, учитывая их возрастную и личностную специфику, особо актуальными становятся рекомендации по выстраиванию взаимодействия с малолетними и несовершеннолетними потерпевшими от насильственных преступлений сексуального характера с целью минимизации психологического воздействия на них.*

Ключевые слова: *допрос; подготовительный этап; малолетние; несовершеннолетние; насильственные действия сексуального характера; возрастные и личностные особенности.*

KHALIULLINA A.F.

SOME ASPECTS OF THE PREPARATORY STAGE OF THE REVIEW OF SMALLENTIALS AND MINORS IN THE AFFAIRS AGAINST ENERGY ACTIVITIES OF THE SEXUAL CHARACTER

The summary*. In investigating violent acts of a sexual nature, the production of interrogation involving minors and minor victims has its own tactical and psychological characteristics. There are a number of tasks that the investigator must implement in preparing for interrogation with the involvement of a minor, and also directly in the course of this investigative action. In this regard, given their age-specific and personal characteristics, recommendations on building relationships with young and underage victims of violent crimes of a sexual nature are particularly relevant, with a view to minimizing the psychological impact on them.*

Key words: *interrogation, preparatory stage, juveniles, minors, violent actions of sexual nature, age and personal characteristics.*

Допрос – самое распространенное следственное действие, в ходе которого следователь получает показания о фатах и обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по расследуемому уголовному делу. Эффективность допроса во многом зависит от подготовки к его

проведению. Подготовительный этап допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших от насильственных преступлений сексуального характера предполагает проведение ряда мероприятий, направленных на повышение его эффективности и результативности:

- изучение личности допрашиваемого лица;
- определение круга участников следственного действия;
- принятие решения о месте и времени проведения допроса;
- определение способа вызова лица на допрос;
- составление плана допроса, в котором отражаются вопросы, подлежащие установлению, очередность их постановки;
- разработка мысленной модели процедуры допроса с учетом прогноза развития следственной ситуации, определение на этой основе собственной линии поведения;
- обеспечение предстоящего допроса необходимыми техническими средствами и средствами фиксации его хода и результатов.

Центральное место в организации допроса малолетнего пострадавшего от насильственных действий сексуального характера занимает изучение его личности. Данные о личности жертвы позволяют решить криминалистические задачи, в том числе тактического и поисково-познавательного характера. При подготовке к рассматриваемому следственному действию необходимо определить, в присутствии какого законного представителя следует проводить допрос. Зачастую малолетние бывают очень застенчивыми и неохотно идут на контакт с незнакомыми. Присутствие в таких случаях близких родственников может оказать положительное влияние на установление психологического контакта следователя с допрашиваемым.

Однако довольно часто насильственные действия сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних совершаются с попустительства и даже одобрения лиц, состоящих с ними в близких или родственных отношениях, поэтому, чтобы избежать ошибок, необходимо тщательно изучить условия жизни и воспитания потерпевшего.

По мнению криминологов, «семья в известной мере является моделью взаимоотношений индивида с обществом, она выполняет функцию социальную, т.е. приспособления человека к жизни в обществе. Можно сказать, что всякое умышленное преступление свидетельствует о том, что семья данного преступника» или потерпевшего по делам насильственных действий сексуального характера если не способствовала случившемуся «то в крайней мере, не оказала этому должного сопротивления» [6, стр. 200].

По мнению авторов семейной криминологии, общество в принципе ожидает со стороны семьи облагораживающего воздействия на входящих ее состав людей. Невыполнению семьей своего назначения по приспособлению ее членов в жизнеобществе приводит к социальной десоциализации [4; 8, стр. 134-148].

Кроме того, необходимо учитывать, что малолетние и несовершеннолетние в присутствии родителей могут испытывать чувства стыда, страха, а потому очень чутко реагируют на эмоции родителей, следят за их реакцией. В результате ответы на поставленные вопросы следователь вряд ли сможет получить.

Процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего предполагает участие в допросе помимо законного представителя третьих лиц, что в определенных ситуациях может препятствовать достижению цели рассматриваемого следственного действия, а иногда и установлению психологического контакта следователя с допрашиваемым, существенно осложнить весь коммуникативный процесс общения. Стоит согласиться с мнением Е.В. Васкэ, которая считает, что «односторонние действия следователя, направленные на соблюдение лишь процессуальной стороны допроса, без учета индивидуальных характеристик личности подростка, могут способствовать легкому возникновению у него протестных реакций и негативно окрашенных эмоциональных переживаний, создавая существенные или непреодолимые коммуникативные препятствия в ситуации профессионального общения» [2, стр. 129]. Поэтому к подбору участников допроса при расследовании насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних следует подходить ответственно. Это позволит не только получить полные и правдивые показания, но и избежать создания повторной психотравмирующей ситуации.

Согласно ст. 191 УПК РФ при проведении допроса по уголовным делам против половой неприкосновенности малолетнего и

несовершеннолетнего обязательно присутствие психолога. Уже на стадии подготовки к допросу данный специалист может составить психологический портрет потерпевшего исходя из сведений о нем, полученных в ходе непосредственного общения, предшествующего официальной части допроса, что позволит следователю определить тактику планируемого следственного действия. Кроме того, психолог может дать рекомендации о том, как лучше установить психологический контакт с пострадавшим, о месте и времени проведения допроса, о том, с кем из родственников у потерпевшего сложились наиболее доверительные отношения, а также подготовить самого допрашиваемого к процедуре проведения допроса.

Между тем нормы ст. 191 УПК РФ носят скорее декларативный характер, поскольку механизм реализации указанного законодательного изменения не отрегулирован. В этой связи возникает вопрос: какими критериями следует руководствоваться при выборе конкретного психолога?

По мнению О.В. Трифанковой, «сфера деятельности такого специалиста должна включать в себя не только компетенции в рамках детской и возрастной психологии, но и опыт работы с детско-родительскими отношениями, с внутрисемейными отношениями и конфликтами, с психологической травмой и ее последствиями» [7, стр. 453]. В этой связи одной из задач Следственного комитета РФ должна стать организация межведомственного взаимодействия с психологическими центрами, специалисты которых могли бы обеспечить психологическое сопровождение малолетних и несовершеннолетних не только в ходе следственных действий и проверочных мероприятий по преступлениям против половой неприкосновенности, но и заниматься дальнейшей реабилитацией потерпевших и членов их семей. Следует также организовать подготовку специалистов-психологов, готовых работать непосредственно с малолетним и несовершеннолетними потерпевшими по указанной категории преступлений, знающих все тонкости работы в следственных органах.

Чтобы участие при допросе малолетнего или несовершеннолетнего потерпевшего лиц было максимально эффективным, следователю следует предварительно побеседовать и проинструктировать их: разъяснить порядок проведения допроса, объяснить их процессуальные права, предупредить, что они не могут задавать вопросы без разрешения следователя и предупреждаются о недопустимости задавать наводящие вопросы, высказывать свое мнение и вставлять какие-либо реплики.

При подготовке к рассматриваемому следственному действию необходимо продумать место и время его проведения. По общему правилу, несовершеннолетние допрашиваются по месту производства следствия, однако по усмотрению следователя рассматриваемое следственное действие может проводится и по месту нахождения несовершеннолетнего.

На наш взгляд, при выборе места проведения допроса следует учитывать возраст допрашиваемого и его психологическое состояние. Малолетних потерпевших (от 2 до 11 лет включительно) следует допрашивать в привычном для них месте, но только в том случае, если насильственные действия сексуального характера не совершались в указанной обстановке, поскольку это может напомнить о произошедшем событии. В таких случаях более располагающей для общения обстановкой будет специально оборудованная детская комната для допроса с уютной мебелью, игрушками и т.п.

Несовершеннолетних потерпевших (от 12 до 18 лет включительно) целесообразно допрашивать в официальной обстановке, чтобы ребенок понимал, что его показания имеют большое значение для следствия, а также для того, чтобы подчеркнуть серьезность отношения следователя к расследуемому преступлению и неотвратимость наказания виновного. При этом, как отмечает Р.И. Зайнуллин, для достижения поставленных целей следственного действия следователь должен обеспечить тишину, предпринять меры для создания соответствующей обстановки, исключить отвлекающие факторы в виде телефонных звонков, посторонних лиц [5, стр. 92].

Следует учитывать, что существует ряд причин, по которым малолетние и несовершеннолетние могут сообщать неполные или умышленно недостоверные сведения о расследуемом событии. Это может быть связано с чувством стыда, страха критики или наказания со стороны взрослых, а также с боязнью разглашения знакомым сверстникам сообщенной ими информации. Все эти факторы также обусловливают выбор места проведения допроса и количества

его участников.

Эффективным средством получения информации от потерпевшего может служить зеркало Гезелла, активно применяющееся при проведении опознания. Между тем спектр использования данного технического средства постепенно расширяется. Так, Л.В. Бертовский указывает, что в «Московском и Санкт-Петербургском управлениях Следственного комитета РФ, когда возникает необходимость получить информацию от ребенка, используются специально оборудованные комнаты таким образом, чтобы ребенок не ощущал дискомфорта от незнакомой обстановки. Там есть игрушки, бумага с карандашами и т.д. У следователя в момент беседы имеется незаметный наушник, через который он слышит рекомендации детского психолога, находящегося за прозрачным с одной стороны стеклом» [1, стр. 177]. Кроме того, использование зеркала Гезелла целесообразно и в тех случаях, когда потерпевший боится рассказывать о произошедшем событии в присутствии законных представителей или его смущает большое количество участников допроса.

Определившись с местом проведения допроса, следователь должен решить, в какое время стоит его проводить. Своевременно проведенный допрос играет большую роль в процессе получения доказательств, поэтому, учитывая возрастные особенности допрашиваемых лиц, следует как можно быстрее приступить к допросу.

Так, малолетние легко поддаются внушению, в результате чего они могут подменить собственно воспринятые события высказываниями лиц, беседовавших с ними. Но не стоит упускать из внимания и психологическое состояние допрашиваемого лица. Малолетние и несовершеннолетние остро реагируют на эмоциональные потрясения, происходящие в их жизни, поэтому воспринятые события могут вызвать у них заторможенность. В таких случаях стоит перенести допрос и дать ребенку успокоиться.

Устанавливая время явки на допрос, следователю необходимо выяснить режим дня ребенка, чтобы знать, в какое время он более активен.

Завершается подготовка к допросу составлением письменного плана. Этот план, по мнению, С.В. Григорьевой, «должен быть составлен с обязательным указанием предмета показаний, обстоятельств, по которым необходимо получить информацию» [3, стр. 17].На наш взгляд, при составлении плана допроса недостаточно наметить лишь обстоятельства, по которым необходимо получить информацию. Для начала следует проанализировать имеющуюся информацию, дать ей свою оценку, исходя из этого мысленно смоделировать процедуру допроса в различных следственных ситуациях, выстроить собственную линию поведения. Естественно, не стоит забывать о необходимости подготовить вопросы к предстоящему следственному действию, при этом следует исходить из того, что смысл вопросов должен быть понятен допрашиваемому.

В ходе подготовки к допросу малолетнего и несовершеннолетнего следует подготовить и необходимые технические средства – аудио- или видеозапись, иные средства фиксации его хода и результатов.

Таким образом, тщательная, своевременная и всесторонняя подготовка к допросу малолетнего и несовершеннолетнего позволит значительно облегчить процесс установления психологического контакта с потерпевшим, а правильная организация и методическая оснащенность данной следственного действия будет способствовать получению от допрашиваемого полных и правдивых показаний.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Особенности допроса детей в возрасте до 7 лет. // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. – 2015. – № 3. – С. 113-133.
2. Васкэ Е.В. Психология взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними (правонарушителями и потерпевшими по половым преступлениям) при допросе: Дис. … докт. психол. наук. – М., 2011.
3. Григорьева С.В. Особенности допроса малолетних и несовершеннолетних. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2005. - 85 с.

4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
5. Зайнуллин Р.И. Очная ставка с участием несовершеннолетнего обвиняемого: Монография / Под ред. И.А. Макаренко. – М.:БИБЛИО-ГЛОБУС, 2016. - 260 с.
6. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Саль-никова; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милюков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Сальников В.П., Скурту И.Г., Соболь И.А., Смирнов Л.Б., Снятков В.Н., Спиридонов Л.И., Старков О.В., Устинов В.С., Шестаков Д.А. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998. – 576 с.
7. Трифанкова О.В. Участие специалиста-психолога в расследовании и рассмотрении уголовных дел, связанных с половой неприкосновенностью несовершеннолетних // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Матер. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Засл. юриста РФ, докт. юрид. наук, проф. Юрия Кузьмича Орлова. Москва, 19-20 января 2017 г. – М.: Проспект, 2017.
8. Шестаков Д.А, Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 389 с.

ТАЗЕТДИНОВ Радмил Ринатович,
начальник отделения по делам несовершеннолетних ОУУП и ПДН Отдела полиции № 7 Управления МВД России по городу Уфе, подполковник полиции (г. Уфа, Россия)
E-mail: divorcedin2015@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В современных условиях актуальными становятся вопросы, связанные с особенностями проведения профилактической работы с несовершеннолетними, с учетом их активной интернет коммуникации. В процессе ведения учетно-профилактической документации и проведения индивидуальной профилактической работы особое значение приобретает возможность использования информации, полученной из страницы несовершеннолетнего в социальной сети.*

Ключевые слова: *полиция; несовершеннолетний; профилактика правонарушений; интернет-коммуникация; социальные сети.*

TAZETDINOV R.R.

PECULIARITIES OF THE PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND DELINQUENCIES AMONG MINORS IN CONTEMPORARY CONDITIONS

The summary. *In modern conditions, issues related to the peculiarities of conducting preventive work with minors, taking into account their active Internet communication, become topical. In the process of maintaining records and preventive documentation and carrying out individual preventive work, it is especially important to use the information obtained from the page of a minor in the social network.*

Key words: *police; minor; crime prevention; Internet communication; social networks.*

Проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних активно исследуются такими науками, как юриспруденция, педагогика, и др. ([5, стр. 29-34; 12, стр. 89-94]) и являются актуальными как ранее, так и в настоящее время [3; 4; 6; 8; 11; 14]. В соответствии с ч.1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, детство находится под защитой государства [1]. В целях обеспечения благополучия детей, функционирует государственная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав и законных интересов, одним из основных субъектов которой являются органы внутренних дел, где ключевую роль играют подразделения по делам несовершеннолетних.

В 2016 году, несмотря на принимаемые полицией меры на территории Республики Башкортостан, на 3,3% увеличилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии (1273; +41), в совершении которых приняли участие 1174 (-40) несовершеннолетних. Удельный вес подростковой преступности составил 3,6%. На

13,8 % увеличилось количество преступлений, совершенных подростками в группе (512; +62). Отмечался рост преступлений, совершенных подростками в состоянии алкогольного (200; +31) и наркотического (14;+4) опьянения [13].

В современных условиях основной долей правонарушений (общественно-опасных деяний), совершаемых несовершеннолетними, проживающими в больших городах, являются хищения чужого имущества, в том числе, совершаемые в крупных торгово-развлекательных комплексах, где безнадзорные дети проводят большинство своего времени. В 2016 году в Республике Башкортостан несовершеннолетними совершено 790 (+30) краж [13].

Как правило, в данных торгово-развлекательных комплексах посетителям предоставляется бесплатный доступ к Глобальной сети Интернет. Кроме того, постоянное пребывание в Интернете стало одним из маркеров молодежного образа жизни. Некоторыми авторами предлагается определение понятия «онлайн-молодежь» для характеристики молодых людей, которые в течении дня постоянно пользуются электронными носителями для подержания интернет-коммуникации со сверстниками [7, с. 208]. Доля молодежи в возрасте до 35 лет занимает среди пользователей интернета 45,6% [10, с. 198].

Основными социальными сетями и бесплатными приложениями для мобильных устройств, которыми пользуются несовершеннолетние, являются «В контакте», «Одноклассники», «Instagram», «Друг вокруг». Данные приложения позволяют пользователям отправлять друг другу сообщения, создавать группы, публичные страницы и события, обмениваться изображениями, аудио, видео, тегами.

В ходе проведения профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учете в ОП № 7 Управления МВД России по городу Уфе было установлено, что на 1 октября 2017 года, у 36 детей из 38, в возрасте с 11 до 17 лет, имелись страницы в социальной сети «В контакте», что составляет 94,7%.

Угрозой благополучия детей стали группы в интернете с антиобщественной направленностью, пропагандирующие самоубийство, криминогенное поведение, аморальный образ жизни.

Со слов ответственного секретаря Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Яны Лантратовой следует: «На данный момент существует большое количество групп с лозунгами по типу «Смерть – легавым, жизнь – ворам», количество подписчиков которых порой достигает 800 тыс. человек. В основном, это дети и подростки» [9]. В соответствии с Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД РФ, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845, на личный состав подразделений по делам несовершеннолетних возложены функции выявления несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении и проведения с ними профилактической работы. Инспектор по делам несовершеннолетних получает информацию о таких лицах из различных источников, в том числе при анализе информации об образе жизни и связях несовершеннолетних правонарушителей, сведений, содержащихся в материалах о привлечении правонарушений к административной и иной ответственности, материалах об отказе в возбуждении уголовных дел, их прекращении и т.д. [2].

При постановке на профилактический учет несовершеннолетнего инспектор по делам несовершеннолетних заводит учетно-профилактическую карточку (дело), в которой указываются установочные данные, такие, как фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, адрес места жительства и телефон, место работы, учебы, и аккумулируется информация о проводимой профилактической работе.

При этом, как показала практика, при установлении местонахождения несовершеннолетних, самовольно оставивших семью или совершивших преступления (в условиях неочевидности), а также при проведении индивидуальной профилактической работы, необходима информация о круге общения несовершеннолетнего, которую можно получить на странице в социальной сети, где указываются друзья пользователя (лица, с которыми пользователь поддерживает общение), выкладываются фотографии мест, где несовершеннолетний проводит время на досуге. Также надо учитывать то, что даже при отсутствии в личном пользовании у несовершеннолетнего мобильных устройств, он может пользоваться своей страницей в социальной сети посредством любого устройства, имеющего параметры, позволяющие работу в сети Интернет (мобильные телефоны, планшеты,

ноутбуки, компьютеры). Таким образом, при заведении учетно-профилактической документации, а именно учетно-профилактической карточки (дела), следовало бы вносить в нее данные о странице несовершеннолетнего в социальных сетях (имя пользователя, группы, список друзей).

Данная работа требует постоянной возможности инспектора по делам несовершеннолетних выхода в Глобальную сеть Интернет. В своем интервью телеканалу «Россия 24» Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В.А. Колокольцев рассказал: «…нагрузки на личный состав подразделений участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних колоссальны. Усиление работы подчиненных зависит не только от организации работы, но и от укрепления материально-технической обеспеченности труда» [15].

Таким образом, следует обеспечить инспектора по делам несовершеннолетних рабочим местом с выходом в Глобальную сеть Интернет.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что для получения актуальной информации о местонахождении несовершеннолетнего, о круге лиц, с которым он общается, о его настроении и намерениях, с целью своевременного реагирования на девиантное поведение несовершеннолетнего, необходимо пользоваться информацией, имеющейся в странице в социальной сети несовершеннолетнего, сведения о которой необходимо вносить в учетно-профилактическую документацию.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2017.
2. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Инструкция об организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» // ИПП «Гарант»
3. Брылева Е.А. Некоторые размышления о правовом статусе несовершеннолетних в России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 64-71.
4. Гусева В.Ю. Социально-экономическая обусловленность отклоняющего поведения несовершеннолетних как междисциплинарная проблема отечественной криминологии // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 110-113.
5. Демидова-Петрова Е.В. Особенности и показатели преступности несовершеннолетних в Республике Татарстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 2(20). – С. 29-34.
6. Кайнов В.И. Особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних лиц // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 60-64.
7. Карпова Д.Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестник МГИМО. – 2013. – № 5(32). – С. 208-212.
8. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
9. Лантратова Я.В. Подростков надо защищать // Известия. 2017. 12 янв.
10. Минаева И.В. Статистический анализ структуры пользователей Интернета // Инновационная наука. 2015. № 5-1. – С. 198-200.
11. Новикова Ю.В. Недостатки системы профилактики повторной криминальной активности несовершеннолетних в Российской Федерации (уголовно-правовой и криминологический аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 106-112.
12. Рамкулов Р.Ф., Худобородов А.Л. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: педагогические аспекты воспитательной работы с подростками // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. – С. 89-94.
13. Сведения ИЦ МВД по РБ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Башкортостан (по итогам 2016 года). – Уфа, 2017.
14. Фейзуллаев Ф.М., Филиппов А.Р. Негативные семейные факторы, способствующие формированию криминальной агрессии у несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 129-134.
15. URL:https//www.youtube.com/watch?v=wlplq5GWTjE

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

БОРОДИНА Светлана Васильевна,
доцент Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)
E-mail: Svetiana-borodina-1969@mail.ru

ПЕТРОВ Анатолий Варфоломеевич,
старший преподаватель Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: fkt_law@gumrf.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ СУДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация. *Рассматриваются основные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Анализируются проблемы безопасности проведения судебного разбирательства и участников уголовного процесса.*

Ключевые слова: *российское законодательство; судебный процесс; уголовное право; выездная сессия суда.*

BORODINA S.V.
PETROV A.V.

EXAMINATION OF THE CRIMINAL CASE IN THE COURT SESSION: PAST AND PRESENT

The summary. *The basic directions of perfection of the criminal procedure legislation are considered. The problems of the security of the conduct of the trial and the participants in the criminal process are analyzed.*

Key words: *Russian legislation; trial; criminal law; exit session of the court.*

Усовершенствование правовых норм следует рассматривать как попытку внедрить в уголовно-процессуальную практику такие положения, в т.ч. из иностранного уголовно-процессуального права, которые могли бы способствовать укреплению лучших традиций российского народа [23; 24], развитию законодательства, длительно существующим общепризнанным принципам уголовного процесса в России. Вводимые в уголовно-процессуальную практику

изменения и дополнения должны способствовать эффективному раскрытию преступлений, изобличению виновных и их справедливому наказанию по приговорам судов, а также соблюдению прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства в установлении истины в судебном разбирательстве [3].

Придавая значение судебному разбирательству, следует отметить, что суд может рассматривать и разрешать только те уголовные дела, которые органами предварительного расследования раскрыты, обвиняемые изобличены в совершении преступлений, собраны необходимые доказательства, проверены и оценены следствием, чтобы суд смог рассмотреть уголовное дело. Суд не может рассматривать уголовные дела, по которым эти требования не были выполнены. Все проводимые как следственные, так и судебные действия должны проходить с учетом разумных материальных затрат, особенно с введением каких-либо законодательных новелл, а также стремиться к их расширению, в рамках действующих правовых норм.

Изменения действующих уголовно-процессуальных норм, следует помнить, что может быть осуществлено посредством создания новых уголовно-процессуально-правовых норм, а это является исключительной компетенцией законодательной власти.

Усовершенствование российского законодательства – обычный необходимый творческий процесс. Он существует с момента зарождения правовых норм в истории существования человеческого общества. Изучая историю существования правовых норм, невольно обсуждая и анализируя о том, как когда-то было в прошлом и как стало, порою нет конца удивлению творческих возможностей человечества. Человеку во все времена присуще было развитие, а вместе с тем приспособление любую из форм движения материального мира к удовлетворению своих потребностей и нужд. Не исключением является и социальное развитие, включая регулирование правовых отношений человечества.

Зарождение в процессе развития человеческого общества еще в глубокой древности отдельных правовых норм, регулирующих определенные институты, можно не переставать удивляться мудрости наших далеких предков. Многие из них не только не утратили своей свежести, но и необходимости служить благу человечества.

Примеров этого можно приводить немало. Это – демократия, коллегиальное решение текущих жизненных вопросов, справедливый суд и др. История знает, что введение в России в XIX веке такого необходимого, отвечающего требованиям времени, правового института, как суд присяжных, послужило тому, что в этот период времени в стране было цивилизованное правосудие. Несмотря на то, что и в этот период времени он содержал немало недостатков, результативность его деятельности трудно переоценить, сравнивая, как было до этого времени и как стало впоследствии. Речь идет о Судебной реформе 1864 года [2; 4; 14; 15; 16; 17; 18; 20; 21; 25; 26; 28].

Однако в истории существования человеческого общества было немало фактов, которые не только замедляли развитие, а порою наблюдалось и его ухудшение. Такое наблюдалось во всех формах движения материального мира .Не исключением является и социальная сфера, в том числе и регулирование правовых отношений.

Одним из самых ярких примеров подтверждения сказанного, можно вспомнить, как в начале XX века, вскоре после революции, было решено отказаться от института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве. Потребовалось немало времени, чтобы прийти к выводу, что отказ от его существования в России, оказался ошибочным. Неспроста, когда на первых порах в Российской Федерации в 90-х годах прошлого столетия, мы вновь стали поэтапно вводить его, было упомянуто, что этот правовой институт мы не вводим в наше российское уголовно-процессуальное законодательство, а возрождаем. По справедливому замечанию профессора С.М. Шахрая, «Только в начале 90-х годов XX века мы начали по-настоящему возвращаться «домой – к праву», в том числе, к идеям и идеалам Судебных уставов 1864 года» [27, стр. 18].

Несомненно, институт присяжных заседателей в российском уголовном законодательстве – это не новое, а надолго забытое на определенное время старое, хотя и вызывающее дискуссии явление [7].

Пытаясь найти на тот или иной период времени ответ на вопрос о том, как быть при регулировании тех или иных правовых отношений, возникающих при определенных

жизненных обстоятельствах и, находя ответ, при анализе можно прийти к выводу, что это не новое открытие, а давно забытое старое.

Критически оценивая свои действия, человечество каждый раз начинает возвращаться к тому ценному, что оно имело в прошлом, и в определенный период времени, неоправданно забыло.

Что же вообще понимается под ценным, и что следовало бы применять в уголовном процессе? Признание, то или иное значение, ценность кого-чего-нибудь – так трактуется данное понятие в словаре русского языка [19, стр. 905]. В правовой литературе, как правило, не упоминается об этом и не рассматривается в качестве устоявшегося правового научного понятия. Хотя следовало бы его рассматривать, как имеющего определенное кристаллическое строение, а также в качестве определенного порядка и связи в действиях. Возможно, это то, что профессоры В.П. Сальников и С.И. Захарцев связывают с правовым прогрессом [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Среди такого забытого, что периодически применялось в прошлые времена, так это то, что в отдельных случаях, установленных ведомственными правовыми актами и одним из самых распространенных случаев, если приобрело большой общественный резонанс в регионе, допускалось рассмотрение уголовного дела в выездной сессии суда.

В настоящее время такое действие давно перестало применяться. А ведь какое это оказывало мощное профилактическое и воспитательное воздействие на население с целью предупреждения преступности! Этот факт настолько бесспорен, что ни у кого не вызывает сомнения в полезности его применения на практике.

В действующем УПК РФ нет норм, регламентирующих решение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии. Конечно, можно упомянуть, что в настоящее время действует Федеральный конституционный закон РФ (с изменениями, внесенными Федеральными конституционными законами № 1 от 07 февраля 2011 г., № 2 от 10 июля 2012 г., № 3 от 01 декабря 2012 г.) [1] ст.24, ст.33 ч.2, ст.44 ч.6 которого допускают организацию выездной сессии суда в целях приближения правосудия к месту жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях. В законе упоминается, что может быть образовано постоянное судебное присутствие того или иного суда в другой местности, являясь обособленным подразделением и осуществляя его полномочия.

Действующее положение не в полной мере способствует приближению правосудия к месту жительства. Законодатель не определил, какие же именно уголовные дела об определенных преступлениях должны рассматриваться в выездной сессии? Если руководствоваться действующими ранее ведомственными правовыми актами и об одном из них, упоминалось, то может ли это в наши дни использовано [6, стр. 143].

Именно эти вопросы должны стать объектом всестороннего, взвешенного обсуждения как научными, так и практическими работниками. Может ли предыдущей опыт рассмотрения дел в выездной сессии быть

использован. в т. ч. и случаи, в наши дни, это и должно получить всестороннее обобщение и на основе определенных выводов в будущем в УПК РФ должны быть введены нормы, регламентирующие решение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии.

В последнее время, конечно, немало уделяется внимания разрешению вопросов, связанных как с обеспечением безопасности проведения судебного разбирательства, так и участников процесса [5, стр. 74]. Это, конечно, правильно и на данный период времени это, как никогда стало особо актуальным. Но все эти вопросы, возникающие в связи с этим, следует признать, разрешимыми. В каждом конкретном отдельном случае, с учетом реальных возможностей, при рассмотрении уголовных дел в выездной сессии при содействии органов местного самоуправления, правоохранительными органами должна быть обеспечена безопасность участников судебного разбирательства. Это должно в форме определенного положения получить закрепление в будущем в нормах УПК РФ, регламентирующих разрешение вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в выездной сессии.

Придавая большое правовое значение ранее, применявшегося порядка в практической деятельности судов по рассмотрению уголовных дел в выездных сессиях, представляет собой определенную ценность в уголовном процессе. Следовало бы не отказываться от этого в наши дни. Этот ранее применявший порядок рассмотрения уголовных дел следует возродить, подобно тому, как был возрожден суд присяжных

в России.

При беседе с судьями можно услышать, что для них выездные заседания нежелательны, так как при этом предстоит разрешать немало организационных вопросов, которые требуют дополнительных усилий и внимания.

Одним из таких непростых для разрешения вопросов является только организационное обеспечение предстоящей работы суда, но и обеспечение безопасности участников судебного разбирательства. Можно, конечно, говорить, что в наши дни с учетом самых различных обстоятельств, их разрешение будет обходиться дорого для государства.

Но следует учесть, исходя из практики предыдущих лет, что дел на выездные сессии будет выноситься немного, как правило, это те дела, которые получили определенный общественный резонанс в том или ином регионе. Затраты, связанные с обеспечением судебного разбирательства будут невелики. Оказанное при этом мощное профилактическое и воспитательное воздействие на население будет способствовать предупреждению преступности.

В крайние годы проблема организации выездных заседаний суда для рассмотрения уголовных дел на страницах юридической печати, как правило, не обсуждается.

Затронутые вопросы следовало бы рассматривать в качестве актуальных проблем нашего времени. Необходимость в этом назрела. Это подтверждается, как непосредственным восприятием действительности как начальной ступени познания, так и основываясь на эмпирических выводах.

Так, к примеру, авторами настоящей статьи был проведен опрос граждан относительно затронутой проблемы. Основная масса опрошенных лиц (около 50 человек) только приветствовали применение выездных сессий суда, которые, по их мнению, имеют большое значение.

Можно вспомнить опыт дореволюционной России. В целях приближения деятельности суда к месту совершения преступления проводились выездные заседания окружных судов судьями окружного суда в уездных городах [22, стр. 70]. В качестве присяжных заседателей набирались лица, проживающие в данном уезде.

Необходимо не только ввести в уголовно-процессуальные нормы, регулирующие вопросы, связанные с разрешением этого института, но впоследствии и совершенствовать их, чтобы он эффективно действовал на территории Российской Федерации.

Таким образом, перечень поднимаемых вопросов, подлежащих отражению в российском уголовно-процессуальном законодательстве требует дальнейшего совершенствования, а также и унификации.

Подводя итог, можно сделать вывод, что поднимаемые вопросы должны постепенно и последовательно разрешаться в целях обеспечения наибольшей легитимности актов судебной власти. Сложности, с которыми можно столкнуться, при систематическом подходе могут быть разрешимы и преодолены.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
2. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
3. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
4. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
5. Бородин В.В., Бородина С.В. Конституционный суд Российской Федерации – «квази» правотворческий орган // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 74-81.
6. Бородин В.В., Бородина С.В., Васильева О.И. Некоторые вопросы совершенствования образовательного процесса в образовательных организациях системы МВД России // Мир политики и социологии. – 2016.

– № 7. – С. 143-146.
7. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: новое направление исследования права / Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20-35.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
14. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
15. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989.
16. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3. С. 201–217.
17. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
18. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
19. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 1992. с. 905.
20. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
21. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
22. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
23. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
24. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
25. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
26. Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 2. С. 22–40.
27. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
28. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

АЛЕКСАНИН Александр Сергеевич,
оперуполномоченный по особо важным делам 2 отдела оперативно-розыскной части (собственной безопасности) ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: aleksgpd@gmail.com

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

ОСНОВЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. *Анализируются основы прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскного мероприятия получение компьютерной информации. Формулируются практические рекомендации по организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная наука; оперативно-розыскная деятельность; прокурорский надзор; получение компьютерной информации; Закон об ОРД.*

ALEKSANIN A.S.

FUNDAMENTALS OF PROSECUTORIAL OVERSIGHT OF THE LEGALITY OF THE OPERATIVE-SEARCH ACTIVITY ACQUISITION OF COMPUTER INFORMATION

The summary. *The bases of the prosecutor's supervision over the legality of carrying out the operational-search activity are obtained. Practical recommendations on the organization of the prosecutor's supervision of the operational-search activity are formulated.*

Key words: *operative-search science; operatively-search activity; prosecutor supervision; obtaining computer information; Law on the RAN.*

Прокурорский надзор за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) является относительно новым направлением деятельности прокуратуры [3; 16]. В законодательстве России он впервые появился с принятием в 1992 г. Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [2], где имелась статья, регламентирующая прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Ранее, как отмечали специалисты, поскольку ОРД регламентировалась подзаконными актами, носящими закрытый характер, только «прокурор не ниже областного уровня мог вмешаться в эту сферу, при определенных обстоятельствах» [15, стр. 231-232]. Более того, по свидетельству В.И. Баскова, в 1960–1970-е годы Генеральный прокурор СССР издал ряд приказов

руководящего характера, которыми строго предписал прокурорам и следователям не вмешиваться в оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, тех же прокуроров и следователей, которые это предписание нарушали, он строго наказывал [4, стр. 171].

Первым приказом прокуратуры России, касающимся осуществления надзора за ОРД, стал Приказ Генпрокуратуры РФ от 20 мая 1993 г. № 15 «Об организации надзора за исполнением Закона Российской Федерации “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации”» [6], в котором были даны основополагающие указания подчиненным прокурорам относительно их полномочий по надзору за осуществляющими указанную работу органами.

Ныне действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [1] также не обошел вниманием сферу прокурорского надзора. Статья 21 этого Закона регламентировала прокурорский надзор за органами, осуществляющими ОРД, указав, что надзор за исполнением законов Российской Федерации органами ОРД осуществляют Генеральный прокурор и уполномоченные им прокуроры. Появление понятия «уполномоченный прокурор» предопределило ограничение круга прокуроров, надзирающих за законностью в сфере ОРД. Такое ограничение связано со спецификой тактических приемов, методов и средств, применяемых при осуществлении указанной деятельности, сведения о которых составляют государственную тайну.

Жесткое ограничение круга прокуроров связано также со спецификой деятельности оперативных подразделений, каждое из которых относится к определенному ведомству и имеет определенные задачи. Эта специфика учитывается при разграничении полномочий прокуратур по осуществлению надзора. Например, военные прокуроры осуществляют надзор за соблюдением законности при осуществлении ОРД органами внешней разведки Российской Федерации и органами внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации. Территориальные прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов в сфере ОРД при осуществлении ее оперативными подразделениями органов внутренних дел, ФСИН и др.

Прокуроры субъектов Федерации и приравненные к ним прокуроры несут персональную ответственность за организацию надзора. Этим прокурорам поручено назначить уполномоченных прокуроров в подчиненных им прокуратурах. Список уполномоченных прокуроров направляется руководителям органов, ее осуществляющих.

Перед назначением на должность, связанную с таким надзором, прокурорам в установленном порядке оформляется допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. В случае, если прокурор в силу установленных законом причин не может быть допущен к сведениям, составляющим государственную тайну, к осуществлению надзора за ОРД он не допускается.

Уполномоченные прокуроры несут персональную ответственность за сохранение государственной тайны, а также иных сведений, ставших им известными в ходе осуществления надзора. В случае несоблюдения уполномоченным прокурором режима защиты сведений, составляющих государственную тайну, он может понести установленную законом ответственность, в том числе уголовную. Ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, предусмотрена ст. 283, за утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, – ст. 284, за халатность – ст. 293 УК РФ. В целях защиты сведений, содержащих государственную тайну, получила распространение практика изучения прокурорами оперативных материалов и документов непосредственно в помещениях органов, ее осуществляющих.

Законодательство о прокуратуре и ОРД периодически изменялось, что приводило к изданию приказов Генерального прокурора РФ, конкретизирующих требования законов. Так, относительно долго действовал Приказ Генпрокуратуры РФ от 25 апреля 2000 г. № 56 «Об организации надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”». Затем жизнь объективно обусловила издание нового нормативного правового акта о прокурорском надзоре за ОРД. Этим актом стал Приказ Генпрокуратуры РФ от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”». Сейчас действует приказ Генерального прокурора РФ от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского

надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Много работ посвященных праву, соблюдению законности, прокурорском надзору и судебном контролю посвятили С.И. Захарцев и В.П. Сальников. Мы базируемся на их трудах и научных рекомендациях [5; 6; 8; 12; 10; 11; 9; 13].

При организации и осуществлении надзора за ОРД уполномоченные прокуроры обязаны обеспечить в том числе:

- законные гарантии соблюдения прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- права и законные интересы физических и юридических лиц;
- законность при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях;
- соблюдение установленных законом запретов при осуществлении ОРД.

Таким образом, необходимо согласиться с мнением А.Г. Халиуллина о том, что предмет прокурорского надзора в настоящее время следует понимать шире, чем законность проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий или принятия отдельных решений органами, осуществляющими ОРД. По мнению указанного автора, предметом прокурорского надзора является законность оперативно-розыскной деятельности в целом как вида государственной правоохранительной деятельности [17, стр. 219-220].

Деятельность уполномоченных прокуроров в равной степени должна способствовать как обеспечению гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, так и выполнению задач ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, изобличению виновных и розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда либо уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыску без вести пропавших граждан. Иначе говоря, прокурор должен принимать все необходимые меры для того, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни одно виновное лицо не избежало установленной законом ответственности. Прокурорский надзор должен быть занят не только проверкой законности действий субъектов ОРД, но и оказанием им со стороны прокуратуры необходимой помощи.

Проверка исполнения субъектами ОРД закона проводится:

- в случаях обращений граждан, юридических и должностных лиц;
- по результатам изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях или при поступлении информации о ненадлежащем реагировании на поручение следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определение суда по уголовным делам, находящимся в производстве данного субъекта;
- в плановом порядке, в том числе по указанию вышестоящего прокурора;
- в других случаях, в том числе с учетом состояния законности в этой сфере деятельности и отсутствия положительных результатов по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, при раскрытии преступлений, розыске обвиняемых или подозреваемых по уголовным делам и лиц, без вести пропавших.

Закон предусматривает определенные исключения из прокурорского надзора:

- сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности;
- оперативно-служебные документы (оперативные материалы) об осуществлении органами ФСБ оперативно-розыскных мероприятий в рамках контрразведывательной деятельности можно истребовать только в случаях проведения проверок в порядке надзора по поступившим в прокуратуру материалам, информации и обращениям граждан, свидетельствующим о нарушении этими органами законодательства Российской Федерации;
- сведения об организации, тактике, методах

и средствах осуществления контрразведывательной и разведывательной деятельности органов безопасности в предмет прокурорского надзора не входят;
- в ходе надзорных мероприятий в Службе внешней разведки РФ и органе внешней разведки Министерства обороны РФ могут изучаться только те оперативно-служебные документы, которые связаны с обеспечением собственной безопасности указанных органов.

Сведения об осуществлении ОРД, как правило, отражаются в соответствующих делах оперативного учета. Поэтому уполномоченные прокуроры в ходе надзора обязательно должны проверять законность, обоснованность и соблюдение установленного порядка заведения таких дел, сроков и правил их ведения. В практической деятельности встречаются также факты несоблюдения сроков прекращения ведения дел, что является нарушением: согласно Закону об ОРД, оперативная проверка должна быть прекращена в случае решения конкретных задач ОРД или при установлении обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности их решения.

Кроме того, в прокурорский надзор входит:
- соблюдение обязательной регистрации дел оперативного учета и других оперативно-служебных материалов, законность постановки и снятия с оперативного и иных видов учета лиц, в отношении которых заводились такие дела и материалы;
- наличие полномочий у лиц, осуществляющих ОРД, а также принимающих решения о заведении, продлении сроков и прекращении ведения дел и иных оперативно-служебных материалов, проведении оперативно-розыскных мероприятий, представлении результатов ОРД следователю, руководителю следственного органа, органа дознания или в суд;
- отсутствие фактов, свидетельствующих об укрытии преступлений и незаконном освобождении от уголовного преследования.

При проведении надзора следует учитывать, что, в отличие от возбуждения уголовного дела, факт заведения дела оперативного учета в отношении конкретного лица не является основанием для ограничения его конституционных прав и свобод, а также законных интересов.

Осуществляя надзор за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе получения компьютерной информации, прокурор должен обращать внимание на соответствие мероприятий целям и задачам ОРД, законность и обоснованность решений об их проведении или прекращении. Как показывают материалы уголовных дел в отношении сотрудников органов внутренних дел имеются, увы, случаи проведения мероприятий не для решения указанных задач, а в личных целях. Так, встречаются факты наблюдения за женами и любовницами, прослушивания телефонных переговоров бизнесменов по «заказу» их конкурентов, сбора компрометирующей информации в интересах частных лиц, иные вопиющие нарушения закона. Подобные действия должны немедленно пресекаться, а виновные в их совершении – привлекаться к ответственности. Поэтому, осуществляя надзор, прокурор должен видеть конкретную цель проведения оперативно-розыскных мероприятий, не забывая проверять и обоснованность прекращения того или иного мероприятия.

Помимо перечисленного, прокурор должен следить за тем, чтобы органы, осуществляющие ОРД:
- не проводили получение компьютерной информации и других оперативно-розыскных мероприятий в интересах какой-либо политической партии, общественного или религиозного объединения;
- не принимали негласного участия в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;
- не разглашали сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, которые стали известными в процессе проведения получения компьютерной информации и иных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Особое внимание в ходе надзора нужно уделять соблюдению специально предусмотренных

условий проведения оперативно-розыскных мероприятий. Там нередко встречаются нарушения законности. В частности, распространенным нарушением закона является утверждение постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий не руководителем органа, осуществляющего ОРД, а начальником структурного подразделения этого органа. Такое нарушение в дальнейшем приводит к невозможности легализации полученных результатов ОРД в уголовном судопроизводстве либо признанию ничтожными полученных на их основе доказательств.

Важное место в прокурорском надзоре занимает обеспечение соблюдения специально предусмотренных условий проведения мероприятий (включая получение компьютерной информации), ограничивающих права человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также на неприкосновенность жилища. Эти права предусмотрены Конституцией Российской Федерации и могут быть ограничены в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий только на основании судебного решения при наличии информации, указанной в ст. 8 Закона об ОРД. Прокурор, осуществляя надзор за законностью проведения названных мероприятий, должен убедиться в том, что у органа, осуществляющего ОРД, имелась такая информация, что мероприятия проводились по соответствующей категории уголовных дел, а также в наличии судебного решения о проведении мероприятий.

Если мероприятия проводились в случаях, которые не терпят отлагательства, прокурору следует удостовериться в наличии оснований для проведения таких мероприятий в экстренном режиме, в своевременном уведомлении суда и своевременном получении судебного разрешения.

Следует также обращать внимание на сроки проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права человека. Время действия постановления судьи о разрешении на проведение такого мероприятия исчисляется непрерывно в сутках со дня его вынесения и не может превышать 6 месяцев, если иное не указано в самом постановлении. Продление срока допускается по новому судебному решению на основании вновь представленных материалов.

Как известно, согласно ст. 7 Закона об ОРД, к основаниям проведения оперативно-розыскных мероприятий относятся в том числе: поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве; запросы других органов, осуществляющих ОРД; запросы международных правоохранительных органов иностранных государств. Нарушения сроков исполнения таких запросов и поручений типичны практически для всех органов, осуществляющих ОРД. Указанные нарушения прокурор должен решительно пресекать.

Заслуживают внимания некоторые отдельные вопросы прокурорского надзора за законностью использования результатов ОРД в уголовных делах. Повторим, что полученные с нарушением закона результаты ОРД не удовлетворяют требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам в части допустимости, и поэтому, согласно п. 3 ч. 2 ст. 75 и ст. 89 УПК, не могут использоваться в уголовном судопроизводстве. Мнение о допустимости использования незаконных результатов ОРД в уголовном процессе, высказанное некоторыми авторами, было осуждено как учеными, так и практическими работниками. Однако нужно иметь в виду, что указанное ошибочное мнение было растиражировано в учебной литературе по ОРД, на которой выучились оперативники, искренне убежденные в возможности представления в уголовное дело незаконно полученных результатов. В связи с этим прокурор, осуществляя надзор, должен тщательно проверять, соблюдены ли установленные Законом об ОРД правила получения результатов оперативно-розыскной деятельности и не допущено ли фальсификации указанных результатов.

К названной проблеме тесно примыкают поднадзорные прокуратуре вопросы законного представления результатов ОРД в уголовный процесс. Так, копия постановления о представлении результатов ОРД в обязательном порядке должна храниться в соответствующем деле оперативного учета, а в случае его отсутствия – в материалах специального номенклатурного дела.

В ходе и по результатам проведения проверок, а также при восстановлении нарушенных прав и свобод граждан и устранении иных нарушений закона, допущенных должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, обязан в том числе:

- знакомиться с подлинными оперативно-

служебными документами, включая дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств,
- знакомиться с учетно-регистрационную документацией;
- знакомиться с ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок проведения получения компьютерной информации и других оперативно-розыскных мероприятий;
- получать объяснения от должностных лиц и сотрудников органов, осуществляющих ОРД, по поводу выявленных нарушений закона;
- решать вопрос об опротестовании противоречащих закону правовых актов руководителей органов, осуществляющих ОРД.

Уполномоченным прокурорам надлежит, используя предоставленные им полномочия, пресекать нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц при осуществлении ОРД, принимать своевременные меры к их восстановлению, возмещению причиненного вреда и (при наличии оснований) привлечению виновных должностных лиц и сотрудников к установленной законом ответственности.

В случаях незаконного отказа от выполнения требований уполномоченных прокуроров в зависимости от обстоятельств следует рассматривать это как невыполнение требований прокурора или воспрепятствование его законной деятельности. Прокурор в такой ситуации, при наличии оснований, должен принимать меры для привлечения виновных к предусмотренной законом ответственности.

С 1992 года накоплен определенный опыт прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем, хочется обратить внимание на то, что Приказы Генерального прокурора о надзоре за ОРД являются подзаконными нормативно-правовыми актами, нередко значительно отличаются друг от друга как в сторону ослабления, так и в сторону усиления надзора. Мы провели исследование и установили, что 287 человек из 300 опрошенных оперативников и прокуроров выступили за то, чтобы регламентация прокурорского надзора содержалась именно в законах об ОРД и прокуратуре или хотя бы в одном из таких законов, а не в ведомственных нормативно-правовых актах. Таким образом, в Закон об ОРД необходимо внести дополнительные статьи, четко регламентирующие статус прокурора по надзору за ОРД. Аналогичные изменения следует внести и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», поскольку положения законов должны корреспондироваться между собой. Подготовить указанный законопроект требуется не внутри какого-либо одного ведомства, а с помощью межведомственной комиссии.

Разработка методики выявления нарушений законов в ходе ОРД связана с анализом допускаемых при осуществлении этой деятельности противоправных деяний.

Получение компьютерной информации еще очень «молодое» оперативно-розыскное мероприятие, оно недавно появилось в Законе об ОРД. По нему еще не накоплен опыт нарушений законности. Однако накоплен опыт по другим мероприятиям, ограничивающим конституционные права человека.

Исходя из этого опыта основные нарушения закона в ходе проведения получения компьютерной информации можно условно разделить на две группы:

1) допускаемые в процессе осуществления получения компьютерной информации;
2) допускаемые при легализации результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

На основе имеющегося опыта можно предположить, что типичными нарушениями законности, относящимися к первой группе, будут:
- незаконное заведение дел оперативного учета;
- отсутствие ведомственного контроля за осуществлением ОРД;
- нарушение сроков проведения получения компьютерной информации как оперативно-розыскного мероприятия, связанного с ограничением конституционных прав человека;
- неуведомление в течение 24 часов судьи о проведении в случаях, которые не терпят отлагательства, получения компьютерной информации, ограничивающих конституционные права человека;
- невынесение постановлений о проведении получения компьютерной информации в случаях, когда для проведения этих мероприятий такое постановление необходимо;

- вынесение постановления о проведении получения компьютерной информации не уполномоченным на то должностным лицом;
- незаконное проведение получения компьютерной информации;
- незаконное прекращение дела оперучета;

Ко второй группе относятся следующие нарушения:

- передача результатов ОРД в уголовное судопроизводство без соответствующего постановления;
- вынесение постановления о представлении результатов получения компьютерной информации не уполномоченным на то лицом;
- невынесение постановления о рассекречивании результатов получения компьютерной информации;
- неправильная упаковка результатов получения компьютерной информации при представлении их в уголовное судопроизводство.

Для выявления названных и иных нарушений закона важна методика прокурорского надзора за ОРД. Такая методика разрабатывалась специалистами по прокурорскому надзору. Наиболее полными и точными из изученных нам показались методические рекомендации, разработанные В. Н. Осипкиным [14, стр. 37-65]. Базируясь на названных рекомендациях В. Н. Осипкина, мы выскажем несколько предложений, касающихся методики прокурорского надзора по отдельным направлениям оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Прокурорская проверка законности проведения ОРД состоит из трех этапов:

- подготовительного;
- основного;
- заключительного.

На подготовительном этапе уполномоченный прокурор должен принять следующие решения:

- определить вопросы, подлежащие проверке;
- определить проверяемый период (квартальный, годовой и т. д.);
- изучить (или «освежить в памяти») нормативную базу по осуществлению ОРД проверяемого ведомства;
- изучить имеющуюся в прокуратуре информацию по предмету проверки (дата предыдущей проверки, ее результаты, установленные нарушения, сведения об устранении выявленных нарушений и т. д.);
- определить состав участников проверки;
- заранее определить рабочее место (в прокуратуре или органе, осуществляющем ОРД; если в органе – то в каком именно кабинете и т. д.).

Дальнейшее развитие подготовительного этапа уже связано с конкретными темами проверки.

При проверке законности осуществления ОРД по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также по установлению лиц, совершивших преступление:

На подготовительном этапе необходимо:

- затребовать и исследовать сведения о количестве совершенных преступлений и количестве их раскрытий;
- исследовать отчеты оперативных подразделений по выявлению преступлений;
- из общего числа преступлений выделить те, которые были раскрыты в ходе ОРД (целесообразно иметь абсолютные и относительные цифры);
- установить динамику работы оперативных подразделений в сравнении с предыдущими показателями (целесообразно иметь абсолютные и относительные цифры);
- установить количество возбужденных дел и выяснить, сколько уголовных дел из их числа было возбуждено на основании материалов ОРД (целесообразно иметь абсолютные и относительные цифры);
- установить количество уголовных дел, возбужденных на основании результатов ОРД, однако прекращенных по реабилитирующим основаниям либо завершившихся оправдательным приговором.

На основном этапе:

При дальнейшей проверке следует изучить все другие дела оперучета, заведенные за проверяемый период. В этих делах надлежит установить:

- законность заведения дел оперативного учета (в первую очередь – имелись ли основания для его заведения);
- сроки ведения дел (не нарушены ли, своевременно ли продлевались, надлежащее ли должностное лицо продлевало сроки и т.д.);
- законность проведения получения компьютерной информации и других оперативно-розыскных мероприятий (имелись ли достаточные основания и условия для

проведения мероприятий, своевременно ли получено решение суда на их проведение (в необходимых случаях), вынесено ли постановление о его проведении (в необходимых случаях), задокументированы ли в соответствии с нормативными актами субъектов ОРД процесс и результаты мероприятий и др.);
- факт осуществления ведомственного контроля (как непосредственным, так и прямым начальником);
- законность представления результатов получения компьютерной информации и других результатов ОРД в уголовное судопроизводство;
- законность прекращения дел (особое внимание обращать на дела, прекращенные в связи с неподтверждением данных, послуживших основанием для их заведения: проводились ли по ним мероприятия, ограничивающие конституционные права человека, каковы их результаты, в отношении какой категории лиц (уголовников или предпринимателей) они проводились, какая информация при проведении оперативно-розыскных мероприятий собиралась, нет ли признаков проведения мероприятий в личных целях и др.).

Необходимо отдельно изучить дела, реализованные путем возбуждения уголовных дел, завершившихся оправдательным приговором либо прекращением дела. При их изучении следует обратить особое внимание на законность заведения дела оперучета, полноту проведенных мероприятий, законность реализации дела, а также на то, до какого этапа по делу осуществлялось оперативное сопровождение.

При проверке законности проведения получения компьютерной информации и других оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека:

На основном этапе в делах оперучета, по которым проводились указанные мероприятия, необходимо проверить:
- наличие оснований и условий проведения мероприятий;
- факт вынесения постановлений руководителем органа, осуществляющего ОРД, по всем названным мероприятиям;
- своевременность уведомления в течение 24 часов судьи о проведении указанных мероприятий в случаях, которые не терпят отлагательства;
- своевременность получения судебных решений о проведении мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства;
- факт и своевременность уведомления суда в случаях проведения мероприятий по заявлению лица либо с его согласия;
- цель проведения указанных мероприятий (особо тщательно проверять цель проведения мероприятий по делам оперучета, прекращенным за неподтверждением первоначальных данных);
- факт уничтожения результатов названных мероприятий в случаях, предусмотренных ст. 5 Закона об ОРД;
- законность представления результатов проведенных мероприятий в уголовное судопроизводство, в том числе правильность оформления и упаковки результатов.

На заключительном этапе проверки всех направлений ОРД прокурором составляются необходимые документы, указывающие на соблюдение требований закона в ходе ОРД либо на выявленные факты нарушения закона, которые отражаются в актах прокурорского реагирования.

В каждой конкретной проверке методика прокурорского надзора имеет свои особенности, которые едва ли возможно охватить полностью. Поэтому выше мы отразили только основные вопросы, обязательно требующие внимания прокурора.

В заключение хочется сказать, что прокурорский надзор и ведомственный контроль являются важными составляющими законности осуществления ОРД. К сожалению, ведомственный контроль в силу разных причин не везде и не всегда находится на должном уровне. Именно отсутствие контроля со стороны руководства нередко лежит в основе грубых нарушений как при осуществлении ОРД, так и при использовании их результатов. Более того, за отсутствием названного контроля иногда скрываются факты подталкивания начальниками своих подчиненных к нарушениям. В связи с этим задачей прокурорского надзора является не только выявление правонарушений со стороны оперативных сотрудников, но и воздействие на руководителей оперативных подразделений с целью усиления ведомственного контроля.

При этом прокурорский надзор за ОРД, по

нашему мнению, должен быть регламентирован не в ведомственных нормативно-правовых актах, а в Закон об ОРД и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» //Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 892.
3. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
4. Басков В. И. Курс прокурорского надзора. – М.: МГУ, 1998. - 468 с.
5. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – 128 с. - (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
6. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – 176 с. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
7. Вопросы расследования преступлений. Справочное пособие / Под ред. А.Я. Качанова. - М.: Спарк, 1996. - 589 с.
8. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
9. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. - М.: Граница, 2017. - 424 с.
10. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
12. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с. - Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
14. Осипкин В. Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, организация, методика). – СПб., 2003.
15. Прокурорский надзор / Под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт-М, 2001. - 352 с.
16. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А. Н. Савенкова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Дашков и К°, 2009. - 453, [1] с. - (Высшее образование).
17. Российский прокурорский надзор / Под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2001. - 384 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОВРЕМЕННАЯ ЭВТАНАЗИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ИЛИ ЗАПРЕТ

Аннотация. *Анализируется эвтаназия как важнейшая составляющая проблемы отношения медиков к умирающим. Приводятся основные научные исследования, характеризующие возрастание внимания к проблеме умирания и смерти. Отмечается, что в современном мире подспудно формируется морально-психологический климат, благоприятствующий эвтаназии. Рассматриваются позиции сторонников и противников эвтаназии, формулируется вывод о том, что в современных условиях разрешение эвтаназии было бы весьма рискованным и преждевременным.*

Ключевые слова: *эвтаназия; умирание; безнадежный больной; медицинская этика; права человека; эвтелия.*

BABADZANOV I. Kh.
SAL'NIKOV V.P.

MODERN EUTHANASIA: LEGISLATIVE RECOGNITION OR PROHIBITION

The summary. *Euthanasia is analyzed as the most important component of the problem of the attitude of physicians to the dying. The main scientific researches characterizing the increasing*

attention to the problem of dying and death are given. It is noted that in the modern world, a morally-psychological climate, favoring euthanasia, is implicitly being formed. The positions of supporters and opponents of euthanasia are considered, a conclusion is drawn that in modern conditions the resolution of euthanasia would be very risky and premature.

Key words: *euthanasia; dying; a hopeless patient; medical ethics; human rights; euthelium.*

В современном обществе тема эвтаназии, с одной стороны, пользуется стойким вниманием философов [47], а с другой – имеет важное практическое значение. В России и Таджикистане она запрещена законом, а в Голландии легально практикуется уже в течение 20 лет (в Бельгии – с 2003 году). Напомним, что Ф. Бэкон, который ввел почти четыреста лет назад термин «эвтаназия» (буквально – «хорошая смерть»), имел в виду, что медики должны стремиться помогать и умирающим, облегчать их страдания (контролировать симптомы), делая самое смерть легкой. Иными словами, Ф. Бэкон четко определил цель паллиативной медицины.

Однако прежде чем во второй половине XX века началось современное хосписное движение, проблема отношения медиков к умирающим на протяжении предшествующих двух третей столетия обсуждалась, в основном, как проблема эвтаназии. Еще в 70-е годы XIX века в США имела место дискуссия об эвтаназии (это понятие здесь уже трактовалось как милосердное убийство безнадежных больных), которая сразу же обнаружила непримиримость позиций ее сторонников и противников [12, стр. 156].

В 1935 году в Англии было создано первое в мире «общество добровольной эвтаназии», в 1938 году аналогичное «общество за право умереть» возникло в США. Основными целями сторонников движения за эвтаназию были: пропаганда идеи права взрослого дееспособного человека, страдающего неизлечимым заболеванием, испытывающего чрезмерные страдания и выражающего желание умереть, на безболезненную, милосердную смерть; подготовка соответствующих законопроектов и борьба за легализацию эвтаназии. С тех пор ни в Великобритании, ни в США легализации эвтаназии так и не произошло (хотя британский парламент имеет, вероятно, самый большой опыт обсуждения и в конце концов отклонения законопроектов об эвтаназии).

Определяющее влияние на судьбу идеи эвтаназии в 40-50-е годы XX века (а в некотором смысле – и по сей день) оказала соответствующая медицинская практика в нацистской Германии. В 1935 году здесь вышла книга немецкого врача Клингера «Милость или смерть», в которой обосновывалась концепция «жизни, не стоящей того, чтобы жить» [60]. В 1939-1941 годы в нацистской Германии осуществлялась практика эвтаназии – прежде всего в отношении душевнобольных, но также дряхлых стариков, детей с неизлечимыми уродствами.

Этот опыт проведения эвтаназии в нацистской Германии имеет следующие особенности. Во-первых, здесь следует подчеркнуть роль германской медицинской науки (прежде всего генетики и психиатрии), представители которой обосновали, а затем прямо санкционировали такую медицинскую практику. Во-вторых, сама эта практика проводилась в основном в отношении немцев, и даже подчеркивалось, что она – «только для немцев» (подтекст здесь таков: только они достойны такой «гуманности»). В-третьих, речь здесь идет не просто о недобровольной эвтаназии, но о насильственной (одно дело, когда это – некомпетентный в силу возраста или психического статуса пациент, и решение за него принимает его законный представитель, и другое дело, когда решение о проведении эвтаназии принимали исключительно административные органы). Отсутствие добровольного согласия в нацистской практике эвтаназии подчеркивается одним немаловажным обстоятельством морального порядка – пациентов прямо обманывали, говоря им, что они должны, например, принять душ, после чего их помещали в специальную камеру, где из «душевых рожков» потом поступал отравляющий газ. В-четвертых, врачебная экспертиза, лежавшая в основе отбора пациентов, уже почти целиком была лишена признаков индивидуального полхода к пациенту,

так как решение принималось в бюрократическом порядке – всего лишь на основании документов. В-пятых, по поводу использовавшихся в нацистской практике активной насильственной эвтаназии средств (отравляющие газы, яды и т. д.) возникает вопрос, насколько причиненная таким образом смерть пациента была безболезненной [13, стр. 191-200].

В рамках художественного творчества такая практика военных нацистских преступников – врачей-эсэсовцев – была описана советским писателем Федором Панферовым в его романе «В стране поверженных» [32].

В 1950 году Генеральная ассамблея здравоохранения рекомендует всем государствам «осудить практику эвтаназии при любых обстоятельствах» [12, стр. 356].

Вся вторая половина XX века характеризуется возрастанием внимания к проблеме умирания и смерти – как специалистов-медиков, так и ученых, работающих в гуманитарных науках. В 1954 году американский протестантский теолог Дж. Флетчер в своей книге «Мораль и медицина», в частности, заявил: «Контроль над смертью, как и контроль над рождаемостью – основы человеческого достоинства» [57]. Свои идеи этот американский основатель ситуационной этики обосновывает и в других публикациях, таких, например, как: «Ситуативная этика. Новая нравственность» [55] и «Этика генетического контроля: прекращение репродуктивной рулетки» [56]. Научное творчество специалиста по биоэтике Джозефа Флетчера не осталось незамеченным среди исследователей. Его подходы к проблеме активно обсуждались на различных форумах и отражались в публикациях других авторов. В качестве примера можно привести работу представителя Чикагского правового колледжа Брюса Водиги «Эвтаназия и право на смерть: моральные, этические и юридические перспективы» [52].

В 1958 году крупнейший английский специалист по уголовному праву и криминологии, профессор права из Кембриджского университета Г. Уильямс издает в Лондоне книгу «Священность человеческой жизни и уголовное законодательство» [67].

В 1959 году в Нью-Йорке выходит коллективная работа под редакцией Г. Фейфеля «Смысл смерти» [54]. Это сборник материалов конференции Американской психологической ассоциации по проблеме «Смерти и умирания», которая была организована американским психологом и психиатром Германом Фейфелем (1915-2003). Именно материалы этой конференции стали первым мощным толчком для начала мультидисциплинарных исследований по танатологии.

Исключительное внимание погребальным обычаям уделяется в вышедшей в 1963 году книге Дж. Митфорд «Американский образ смерти» [63]. Джессика Митфорд (1917-1996) – британская аристократка – написала книгу о работе похоронных бюро, которая сразу стала бестселлером. Первый ее тираж – 20 тысяч экземпляров – был распродан в день выхода из печати. Книга не только возглавила рейтинг бестселлеров по версии влиятельной ежедневной газеты New York Times, но и не выходила из него целый год. Спустя 20 лет после ухода из жизни автора книга продолжает учить читателя, как правильно относиться к смерти.

В 1967 году в монографии психиатра Хинтона «Умирание» рассматриваются психологические аспекты проблемы умирающего больного [59]. Книга была переиздана в Австралии в 1972 году.

В 1967 году в Нью-Йорке организован Фонд танатологии, который ставит целью оказание помощи терминальным больным через объединение усилий различных специалистов, т. е. делая акцент на междисциплинарной природе проблем умирающего человека.

В 1969 году выходит книга Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании» [61]. Известный американский психолог швейцарского происхождения (1926-2004) из Чикагского университета, создательница концепции психологической помощи умирающим больным и исследовательница околосмертных переживаний выделила в процессе наблюдения за реакцией больных на оглашение им смертельного диагноза пять стадий психологической реакции:

1) Отрицание: Больной не может поверить, что это действительно с ним случилось;
2) Гнев: возмущение работой врачей, ненависть к здоровым людям.
3) Торг: попытка заключить сделку с судьбой, часть обращаясь к Богу;
4) Депрессия: отчаяние и ужас, потеря интереса к жизни.
5) Принятие: «Я прожил интересную и насыщенную жизнь. Теперь я могу умереть».

Элизабет Кюблер-Росс первая подняла вопрос об ответственности врача не только за здоровье

умирающего, но и за то, чтобы последние дни жизни больного были прожиты с достоинством, без мучений и страха.

Великая будущая судьба этой книги в определенном смысле просматривалась в самом начале – в США и Англии она разошлась неслыханным тиражом в более чем миллион экземпляров. В 2001 году книга автора была издана и на русском языке [23].

В 1969 году под редакцией священника А. Даунинга вышла книга «Эвтаназия и право умереть: доводы в пользу добровольной эвтаназии» (книга была переиздана в 1970 и 1971 гг.) [53]. В коллективном труде под редакцией О. Брима, подготовленном четырьмя авторами (О. Брим, Х. Фриман, С. Ливайн и Н. Скотч) «Умирающий пациент» (1970 г.) в библиографии указано 340 работ на английском языке, вышедших после 1955 года, и посвященных проблемам умирания [51]. Орвилл Гилберт Брим (1923-2016) – известный американский социальный психолог из Университета, автор многих книг, проводил исследования раннего детства и среднего возраста, изучал честолюбие и желание славы В этом контексте интересна его публикация «Мотив славы от детства до смерти» [50], изданная в университете Мичиган в 2009 году.

Здесь уместно подчеркнуть, что в библиографии монографии Оксаны Сергеевны Капинус «Эвтаназия как социально-правовое явление» указано:

- 61 нормативно-правовой акт;
- 255 монографий и учебников;
- 93 научные статьи;
- 36 авторефератов и диссертаций;
- 40 источников на иностранных языках;
- 37 ее собственных работ [17].

В 1973 году в Нью-Йорке под редакцией Р. Уильямса вышла книга «Жить и умереть: когда, почему и как» [64]. В ней представлен очень широкий спектр проблем, прямо или косвенно относящихся к одному или нескольким компонентам, вынесенным в название книги:

- происхождение, развитие, завершение жизни;
- этика эвтаназии и ее альтернативы;
- трансплантация органов и ткачей человека;
- философские и религиозные аспекты медицинской этики;
- преступность и преступники;
- наркомания и ее социальная опасность;
- нетрадиционная сексуальная ориентация и трансвеститы;
- и т.д.

Авторы предлагают постоянно размышлять о том, почему и как мы живем, о преимуществах и недостатках нашей жизни как для нас самих, так и для других, о положительных и отрицательных сторонах научно-технических достижений, о наших детях, о необходимости контроля качества и количества жизни, о том, что жизнь не только возникает, но и прекращается.

В книге 27 глав, 7 из них написал редактор – Роберт Уильямс. Здесь мы встречаем уже упоминаемую нами ранее Элизабет Кюблер-Росс, написавшей главу 12 «Жизнь и смерть: уроки умирающего». Каждая глава обращает внимание читателя на роль и значимость человеческой жизни. По существу это коллекция эссе по этическим проблемам, связанным с контролем и образом жизни человека.

В 1974 году книга была переиздана [65].

В 1976 году один из крупнейших представителей американской биоэтики Роберт Витч предложил исследование «Смерть, умирание и биоэтическая революция», где, в частности, анализируется этическая тактика (при ведении терминальных больных) отказа от экстраординарного лечения [66]. Американский специалист по биоэтике исследовал роль ценностных суждений в выработке медицинских решений. Он разработал контрактную теорию медицинской этики, согласно которой пациент рассматривается не как больной, а как равноправный партнер врачей при принятии значимых решений, касающихся его здоровья. Роберту Витчу принадлежит теоретическое обоснование дефиниции смерти на основании факта гибели коры головного мозга. Это та проблема, которой посвятили свою работу российские ученые А.Я. Иванюшкин и О.В. Попова «Социальный и философский контекст проблемы смерти мозга» [14]. Роберт Витч является создателем либеральной антипатерналистской этической теории ухода за умирающими, которая обосновывает их право на отказ от продолжения лечения. Он же разработал эгалитарную теорию справедливости, настаивающую ан праве каждого человека иметь доступ к определенному минимум медицинских услуг [29]. В 1978 году книга Р. Витча в США была переиздана.

В этом же году под редакцией О. Залера

вышло исследованиеа «Ребенок и смерть». И в 1978 году специалист в области медицинской психологии Чарльз Гарфильд выпустил работу «Психосоциальная поддержка умирающего больного» [58]. Чарльз Гарфильд наряду со своими работами по медицинской психологии (а он выпустил также книгу «Иногда мое сердце потрясено: любовь и забота во время СПИДа») известен в Америке как психолог, специализирующийся на проблемах бизнеса. Здесь он издал работы «Максимальная производительность», «Как наши самые умные компании делают людей лидерами», «Контроль: как менеджеры процветают во время потрясений и кризисов», «Круги мудрости: руководство по самообладанию и построению сообществ в небольших группах» и др. Пример Ч. Гарфильда свидетельствует о том, что проблема эвтаназии привлекает не только специалистов, но и широкий круг интеллектуалов.

В медицинской и юридической литературе обсуждаются вопросы о том, как должен поступать врач, когда испытывающий невыносимые страдания больной просит его избавить от мучений, т.е. ускорить уход из жизни (летальный исход); будет ли гуманно превращение врача из «помощника жизни» в «помощника смерти» и согласуется ли это с правами человека, законом и моралью или же исполнитель такой просьбы, врач, совершает тем самым противоправный и противонравственный акт, т.е. преднамеренное убийство [26, стр. 209]. Как известно, эвтаназия – это самоубийство с помощью врача. Приводя данные о том, что 86% врачей США выступают за пассивную эвтаназию и только 18% – за активную, Брюссельский центр помощи умирающим называет другие цифры – соответственно 84% и 34%. В Англии эвтаназию готовы одобрить 72%, во Франции – 76% врачей. Опрос московских медиков показал, что 40% из них считают эвтаназию в каких-то ситуациях допустимой.

Но еще в клятве Гиппократа содержалось требование к врачу не исполнять просьбу больного о смерти. Законодательно вопрос об эвтаназии не урегулирован не только у нас, но и в других странах. Да и трудно его закрепить, ибо главным аргументом и у сторонников, и у противников эвтаназии выступает один и тот же принцип – принцип гуманизма.

«Убивать людей, даже по их желанию – негуманно, – заявляют противники эвтаназии. Негуманно продлевать мучительные страдания умирающих», – возражают ее сторонники. Возникает дилемма – выбор наименьшего зла [31, стр. 125].

Но какое зло в данном случае меньше? В этом вся сложность проблемы. Может ли человек распоряжаться своей жизнью? Надо ли заручаться согласием родственников, близких? Вопросов больше, чем ответов. Ясно одно: человек имеет право как на жизнь, так и «на достойную смерть, так они (жизнь и смерть) диалектически связаны [26, стр. 209].

Без сомнения, одинаково важны и приход в жизнь, и сама жизнь, и уход из нее, т.е. весь цикл – от колыбели до могилы. В последнее время тема добровольного ухода из жизни привлекает к себе внимание ученых всего мира. «В экзистенциональном плане смерть – это не просто исчезновение индивидуальной жизни человека. Следовательно, о том, как можно преодолеть страх перед смертью, как сделать смерть осмысленным и, может быть, даже творческим моментом жизни» [35, стр. 171].

«Смерть не есть гибель, которая все прекращает и разрушает, но лишь переход: странствие и начало другой жизни», – писал в свое время Цицерон.

Говоря об эвтаназии, нужно вспомнить некоторые исторические факты. По-видимому, эвтаназия сформировалась в период средневековых войн, когда на поле боя без всякой помощи оставались раненые и их убивали якобы из жалости рукояткой в виде креста «мизерикокардиа» (милосердия). Эти убийства нередко сопровождались мародерством и уже не могли называться милосердием. Появились тайные общества (например, «Утоли мои печали»), представители которых по договоренности с родственниками, с помощью различных медикаментозных средств ускоряли смерть «безнадежных» больных.

Медицинская этика за рубежом в своем развитии прошла ряд этапов. Так, 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, в которой статус важнейшего положения международного права приобрел один из принципов врачебной этики Гиппократа – о святости человеческой жизни.

Ст. 3 «Декларации» гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Гуманистическое значение древнейшего понятия профессиональной

медицинской этики – «врачебная тайна» – было подтверждено в статье 12: «Никто не может подвергаться произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию».

В 1947 г. возникла Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) -неправительственная международная организация медиков. Во все последующие годы она уделяла большое внимание проблемам врачебной этики. В 1948 г. ВМА сформулировала Женевскую декларацию, которая, по мнению ее составителей, должна стать современным вариантом «Клятвы Гиппократа». Годом позже был принят Международный кодекс медицинской этики (1949 г.).

Женевская декларация является присягой, которую врачи приносят в странах – членах ВМА. В целом для Женевской декларации характерна методология абстрактного гуманизма.

Тезис Женевской декларации «Я буду поддерживать высшее уважение к человеческой жизни с момента ее зачатия» – по сути дела, не расходится с соответствующими положениями «Клятвы Гиппократа», но в то же время не содержит однозначных установок, которые есть у Гиппократа в отношении, например, проблем эвтаназии и медицинского аборта.

В мире подспудно формируется морально-психологический климат, благоприятствующий эвтаназии. Практика умерщвления людей под влиянием «сочувствия» медленно, но уверенно прокладывает себе путь. Так, по данным печати, в крайние годы в Голландии ежегодно умирали 129 тыс. человек, из них 44 тысячам «помогли» умереть врачи.

В США было возбуждено уголовное дело против врача Джека Кеворкяна по прозвищу «Доктор Смерть». С его помощью из жизни ушло более ста неизлечимо больных пациентов. Кеворкян все свои силы направил на достижение главной цели – изменения господствующего медицинского законодательства и оспаривания отношения общества на смерть. Его обвинили в убийстве двух тяжело, но не смертельно больных женщин. Общественность дружно заклеймила Кеворкяна позором, однако суд оправдал врача, вняв объяснениям подсудимого, что он совершил данный поступок исходя из гуманных соображений. В 2010 году голливудский режиссер Барри Левинсон («Человек дождя», «Разоблачение», «Сфера» и др.) снял по этому сюжету телефильм «Вы не знаете Джека» со знаменитым актером Аль Пачино, получившим премию «Золотой глобус» за лучшую мужскую роль.

Морально-психологический климат, формируемый в западном обществе вокруг эвтаназии, порой толкает отдельных медицинских работников на игру со смертью. Так, в городах Ольденбург и Дельменхорст в Германии в период с 2000 по 2005 год медбрат Нильс Хегель совершил убийства более 80 пациентов в медицинских учреждениях. Он вводил им смертельную комбинацию лекарств, чтобы вызвать остановку сердца у больного, после чего пытался его спасти. Преступник чувствовал эйфорию, когда ему удавалось вернуть пациента к жизни, и был опустошен, по его словам, когда терпел неудачу [68]. Первоначально он был осужден в 2008 году на 7,5 лет за попытку убийства двух человек в клинике Дельменхорст в 2005 году, где был пойман с поличным, а пациента удалось спасти. В последующем полиция эксгумирована тела нескольких пациентов, умерших в больнице, и обнаружила в пяти из них следы лекарства. В 2015 году Нильс Хегель был осужден на пожизненное заключение за убийство двух человек и несколько покушений на убийство. В настоящее время его подозревают по меньшей мере в убийстве еще 84 человек.

В некоторых штатах США пассивная эвтаназия разрешена при соблюдении ряда строгих формально-юридических процедур. В Австралии эвтаназию сначала узаконили, потом отменили.

Аргументы возражающих таковы. Если врач по любым соображениям лишает жизни другого человека, он тем самым превращается в свою противоположность, в убийцу, и его надо немедленно лишить диплома. Нельзя также забывать, что врачи тоже люди, а человеку, как известно, свойственно поддаваться соблазну. Если врач способен убить человека в интересах больного, то где гарантия, что, получив законное право убивать, он не сделает это в своих собственных?

Врачу, наделенному таким правом, рано или поздно люди перестанут доверять свою жизнь, таким образом рушится социальная функция медицины. А злоупотребления, кстати, уже есть: заинтересованные лица платят врачам немалые деньги за ускорение смерти своих престарелых родителей. Исполнители подобных «заказов» неплохо на этом зарабатывают.

Безнадежность больного тоже не простой

вопрос. Строго говоря, к этой категории прежде всего следует отнести всех немощных стариков: все они через какое-то время неизбежно умрут. Но разве можно им отказывать в лечении? Кстати, немало есть случаев, когда и безнадежные больные выздоравливали. Кто может определить, выздоровеет человек или нет? Как исправить ошибку? Убийство гуманным не бывает, оно всегда есть убийство. Гуманизм же состоит в том, чтобы помочь человеку выжить, а не помочь умереть. Общество, если оно хочет быть гуманным, не должно навязывать врачу обязанность, противоречащую сути его профессии, под каким бы то ни было благовидным предлогом. К тому же здесь возникают не только этические, но и юридические проблемы. Ведь человек – субъект права, и с его смертью прекращаются одни и возникают другие правоотношения, в частности связанные с наследством.

Если решение остановить лечение, продлевающее жизнь, и разрешить «природе взять свое» морально и юридически оправдано, то встает вопрос о том, следует ли обществу разрешить докторам «помочь» природе, ускорить естественный ход событий. Если больной непременно умрет, то возможны вопросы: что хорошего для больного или его семьи в промежуточном периоде медленного перехода к смерти? Почему больные, их семьи и врачи должны обязательно ждать смерти пассивно? Не лучше ли в этом случае ускорить смерть путем эвтаназии?

Многие могут возразить, что для эвтаназии важно оставаться вне закона из-за самого основного из всех принципов – «никто не имеет права владеть и распоряжаться жизнью другого». Религиозные лидеры, философы и судьи повторяют этот принцип в разных формах уже много лет. Другие возражают, что принцип «невладения» не может быть оправдан, если, исходя из некоторых соображений, эвтаназия кажется желаемым способом решения проблемы при определенных обстоятельствах для каждого, кто является частью окружения больного либо для него самого. Эти и другие мнения высказывались в разное время, проблема эвтаназии обсуждалась снова и снова и вызвала жаркие дебаты в разных странах.

Экспертный комитет ВОЗ по обезболиванию и активному поддерживающему лечению при раке придерживается позиции, что с развитием современных методов паллиативной помощи нет необходимости в легализации добровольной эвтаназии. Теперь, когда существует реальная альтернатива смерти в мучениях, должны прилагаться целенаправленные усилия для внедрения программ по оказанию паллиативной помощи и не следует уступать давлению сторонников внедрения узаконенной эвтаназии [30, стр. 70-71].

Разделяя позицию сторонников легализации эвтаназии, в юридическую полемику включается В. Глушков. В своей статье «Уголовно-правовые вопросы эвтаназии» он ставит очень важный вопрос: «Является ли человек хозяином своей жизни или ее арендатором?» И, по сути, отвечает на этот вопрос так: «Каждый должен быть свободен настолько, чтобы достойно жить и достойно умереть по собственному выбору» [7].

Данному автору следует возразить: право на самоубийство никто не криминализирует; реализуя его, человек может проявлять свободу своей воли. Но эти ситуации не следует смешивать с теми, когда к воле больного примешивается свобода воли другого человека, т. е. того, на кого возлагаются обязательства по прекращению жизни в порядке эвтаназии [16, стр. 116-117].

Сторонники эвтаназии ссылаются прежде всего на право человека распоряжаться собственной судьбой, противники же – главным образом все религии – на священную неприкосновенность жизни. И единственно Господа Бога наделяют прерогативой определять, когда и как человек уйдет из жизни. Будет ли его уделом унизительная дряхлость, беспомощность, одиночество, долгие физические страдания или же милосердная, непостыдная и тихая кончина в кругу родных и близких – все в руке Божией [4, стр. 12].

И все же, думается, мы не погрешим против истины, если скажем, что эвтаназию нельзя оправдывать ссылкой на естественное право человека распорядиться своей жизнью. Это право юридически неоспоримо. Однако оно не может быть делегировано ни врачу, ни близким родственникам, ни иным лицам [38; 39; 40; 41; 42; 44; 45]. Как точно подчеркнули авторы курса уголовного права, «никто не вправе приводить в исполнение смертный приговор, вынесенный человеком самому себе» [22].

Весьма аргументированным нам представляется мнение Н.Н. Козловой, которая, раскрывая свое понимание проблемы эвтаназии, подчеркивает: «признавая эвтаназию, государство

расписывается в своей беспомощности, так как не будет необходимости выделять средства на разработку новых медицинских препаратов, новых методик лечения для борьбы с тяжелыми болезнями, не надо будет искать средства в госбюджете на здравоохранение и т.д.» [18, стр. 56].

Развивая эту мысль, важно обратить внимание на то, что социальное и юридическое признание эвтаназии не сможет освободить человечество от болезней и страданий. Но стать мощной и самостоятельной причиной роста убийств и самоубийств, и не только по мотиву физических страданий, может. Кроме того, это приведет [16, стр. 119]:

- к криминализации медицины;
- к умалению достоинства врача, потере доверия общества к институту здравоохранения;
- к снижению темпов развития медицинского знания;
- к распространению в обществе принципов цинизма, нигилизма и нравственной деградации в целом, что неизбежно при отказе от соблюдения заповеди «не убий».

Рассмотрим и попытаемся классифицировать разновидности эвтаназии. Во-первых, выделяют активную эвтаназию – намеренное причинение смерти («метод наполненного шприца») и пассивную эвтаназию – прекращение мероприятий по продлению жизни («метод отложенного шприца») [69]. Под активной эвтаназией (так называемый «метод наполненного шприца») понимается умышленное причинение неизлечимо больному по его просьбе быстрой и легкой смерти с целью избавления его от мучительных физических страданий [16, стр. 64]. Разновидностью активной является инструментарная эвтаназия, т. е. с помощью специальных приспособлений [15, стр. 21]. Пассивная (негативная) эвтаназия (так называемый «метод отложенного шприца») осуществляется посредством умышленного воздержания от выполнения действий, направленных на поддержание жизни неизлечимо больного с целью избавления его от мучительных физических страданий [16, стр. 70].

Во-вторых, признают наличие добровольной (обусловлена просьбой или согласием больного) и принудительной эвтаназии (в отсутствие согласия самого больного). Причем в рамках добровольной эвтаназии следует различать самоубийство при врачебном содействии – «CBC» (когда врач приготовляет смертельное лекарство, которое больной вводит себе сам) [28, стр. 18].

В-третьих, различают прямую и непрямую эвтаназию, отражающую мотивацию профессиональных решений врача. Прямая эвтаназия – когда врач имеет намерение сократить жизнь пациента; непрямая эвтаназия – когда смерть больного ускоряется как косвенное (побочное) следствие действий врача, направленных к другой цели [13, стр. 150-151]. Как правило, речь идет об увеличении доз обезболивающего (опиоидов), в результате чего жизнь больного сокращается [28].

Активная эвтаназия безнравственна и недопустима, по мнению А.Я. Иванюшкина. Этим автором были сформулированы основные доводы данной точки зрения, которые выглядят следующим образом.

1. Понятие «безнадежное состояние», «умирающий больной» не являются строго клиническими, это пока в большей степени оценочные, антропоморфные понятия.
2. Эта практика неизбежно чревата диагностическими ошибками.
3. Непрофессионализм отдельных врачей. Это, по-видимому, вечная проблема. Еще Ф. Бэкон, характеризуя состояние медицины, обращал внимание на леность и безграмотность медицинских работников.
4. Опасность злоупотреблений.
5. Эвтаназия как форма медицинской практики окажет деморализующее действие на огромное число больных.
6. Эвтаназия – это врачебная капитуляция, окажет деморализующее воздействие и на медицинский персонал [13, стр. 154-155].

Следует продумать вопрос о том, кто будет осуществлять эвтаназию. Заслуживают внимания предложения, что такие меры должны приниматься не самими врачами, а другими лицами. Автор не считает, что введение эвтаназии будет сопровождаться значительными злоупотреблениями, поскольку эвтаназия должна быть не просто провозглашена, но и обеспечена дополнительными обязанностями государства [24, стр. 75].

Применительно к пассивной эвтаназии М.Н. Малеина предлагает, чтобы пациент был вправе не только требовать оказания ему

квалифицированной медицинской помощи, но вправе и отказаться от нее (чувствует себя плохо, но в поликлинику не идет; лежит в больнице, но не дает согласия на операцию). Обязательность же лечебного учреждения по оказанию медицинской помощи не абстрактна, а возникает после того, как конкретный пациент предъявит свое право на получение помощи. Другой взгляд означал бы, что врачи могут ворваться в любую квартиру и навязать свою помощь со ссылкой на клятву Гиппократа [24, стр. 73].

Г.Б. Романовский выделяет материальные и процессуальные критерии, при наличии которых можно говорить об эвтаназии [36, стр. 106-107].

К материальным критериям он относит следующее:

- наличие заболевания;
- продолжительность применения методов и средств лечения;
- неотвратимость безусловно вероятного летального исхода;
- наличие нравственных и физических страданий, которые пациент оценивает как невыносимые, несмотря на избранные методы и средства лечения;
- отсутствие эффективных мер к облегчению страданий;
- если пациент в сознании, то обязательно наличие просьбы больного об эвтаназии;
- просьба должна быть сознательной, информированной и добровольной.

К процессуальным гарантиям защиты прав пациента относятся:

1) психологическая экспертиза больного, чтобы исключить вероятность согласия, данного из-за стечения обстоятельств, которые не позволяют объективно оценивать реальность;
2) обязательное консультирование с независимым экспертом, чтобы свести к минимуму возможность врачебной ошибки. Возможно принятие решения об эвтаназии только консилиумом врачей;
3) согласие должно фиксироваться письменно или при наличии свидетелей;
4) обязательное уведомление близких родственников;
5) санкционирование эвтаназии судом или органами прокуратуры.

И все же мы полагаем, что в современных условиях всеобщего кризиса, высокой смертности, разгула преступности, коррупции, расхлябанности и безответственности разрешение эвтаназии было бы весьма рискованным и преждевременным. А главное, эвтаназия, как бы ее ни трактовали, остается по своей сути антигуманной и нравственно неприемлемой мерой. Аргументы противников этого деликатного института пока явно перевешивают доводы его сторонников. Иными словами, меньшим злом является отсутствие эвтаназии, чем ее наличие, т.е. официальное признание [26, стр. 210].

Приведенные доводы показывают, что любая дискуссия об эвтаназии должна быть научно продуманной со стороны философов, юристов, медиков, психологов и представителей других наук. Многие явления, как показывает врачебная практика, ошибочно воспринимаются как эвтаназия. Поэтому самая острая дискуссия возникает вокруг активной эвтаназии, которая может быть четко описана и идентифицирована [36, стр. 112].

Интересно по этому поводу высказывание академика Ф.Н. Комарова. Он считает, что обстоятельства, связанные с эвтаназией, у нас невозможны, а сторонники этой «акции» всегда оказывались в ничтожном меньшинстве. По его мнению, рассуждения на эту тему при нынешней ситуации звучат кощунственно. Ведь известно немало случаев выздоровления неизлечимых больных. Как можно до конца не бороться за продление жизни человека! «Способствовать смерти – эта позиция противоречит элементарной морали. Когда в тяжелой психологической депрессии больной говорит, что он хочет умереть, то он невольно обманывает себя» [6]. Это позиция ученого – врача.

Как уже упомянули, термин «эвтаназия» впервые употреблен Френсисом Бэконом в XVI веке для определения «легкой смерти». До начала Второй мировой войны идея эвтаназия была широко распространена в ряде европейских стран. В то время эвтаназия и евгеника пользовались достаточно высокой популярностью в медицинских кругах европейских стран, однако конкретные действия нацистов надолго дискредитировали эти идеи. Среди известных людей отметим З. Фрейда, который из-за неизлечимой формы рака нёба с помощью доктора Шура совершил эвтаназию в своём лондонском доме 23 сентября 1939 г., прежде пережив 19 операций по удалению опухолей под местной анестезией (общий наркоз в таких операциях в то время не

применялся).

Термин эвтаназия происходит от двух греческих корней – “eu” (хорошо) и “thanatos” (смерть). Таким образом, эвтаназия – это “хорошая смерть”, на этом точность определений заканчивается и начинается неразбериха. Противоречие заложено в самом термине, соединившем несовместимые понятия.

Складывается впечатление, что в зарубежной юридической и медицинской литературе наблюдается крайне противоречивое употребление термина «эвтаназия». Подобная терминологическая и понятийная неразбериха доставляет специалистам массу неудобств и, кроме того, приводит общественное мнение к ложной дилемме. Поскольку взгляд на любое явление, феномен во многом зависит от того, какой смысл в него вкладывается, специалисты позволяют себе использовать различные термины: «эйтаназия» (А.П. Зильберг, И.А. Шамов, Л.А. Лещинский, А.П. Громов), «эутаназия» (Г.Д. Арнаудов), «эутоназия» (В.А. Неговский), «эвтаназия» (А.Н. Орлов, Р.Н. Лебедев, «евтаназия» (Э. Мельцер). И все же наиболее популярным и употребимым вариантом является «эвтаназия» [16, стр. 56].

Термин «эвтаназия» также используется и в художественной литературе, Ирина Шанина назвала свой роман «Эвтаназия» [48].

Краткий оксфордский словарь дает три значения слова «эвтаназия»: первое – «спокойная и легкая смерть», второе – «средства для этого», третье – «действия по ее осуществлению» [20, стр. 235].

В Большой медицинской энциклопедии «Эвтаназия – намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий» [5, стр. 555].

Российская юридическая энциклопедия определяет эвтаназию «лишение жизни с целью освободить больного от неизлечимой болезни или невыносимого страдания» [37, стр. 1088].

А.П. Зильбер эвтаназию определяет как легкую безмятежную смерть, наступающую естественным путем или с помощью специальных мер. Некоторые исследователи эвтаназию определяют как искусство облегчения смерти (Уолтер Кэн).

Так, Ю.А. Дмитриев и Е.В. Шленева понимают под эвтаназией «специальное медицинское вмешательство, направленное на прекращение жизни неизлечимо больного, тяжело страдающего человека, осуществляемое в соответствии с его собственной добровольно выраженной волей и имеющее единственной целью прекращение ненужных страданий» [9, стр. 68].

«Эвтаназия – *пишет А.Г. Мустафазаде,* – есть удовлетворение настоятельной просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекращение искусственных мер по поддержанию жизни в целях освобождения от невыносимых физических страданий» [27, стр. 28].

П.П. Таракина пишет: «Эвтаназией называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом» [46, стр. 23]. Ж. Левассера определяет: «Эвтаназия – это акт, положивший конец чужой жизни, осуществленный по просьбе заинтересованного лица с целью прекратить его страдания» [62, p. 68-69].

Н. Крылова, пишет: «Эвтаназия – это умышленные действия или бездействие медицинского работника, которые осуществляются в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного или его законного представителя с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящегося в угрожающем жизни состоянии, и в результате которых наступает его смерть» [21, стр. 20; 36, стр. 105].

Нетрудно увидеть, что это определение имеет ряд преимуществ по сравнению с остальными. Но и оно не может в полной мере нас удовлетворить.

В свою очередь Р. Вейлок предпринял попытку объединить термином «эвтаназия» четыре группы мероприятий [17, стр. 61]:

1) облегчение физических и психических страданий агонирующего больного применением болеутоляющих и успокаивающих средств;
2) прекращение мероприятий по поддержанию жизни, дающих лишь отсрочку неизбежного наступления смерти (например, у коматозных больных);
3) умышленное причинение смерти из сострадания по просьбе умирающего либо его близких;
4) рассматриваемые под видом эвтаназии «евгенические мероприятия» прямое

или косвенное уничтожение больных с уродствами, с тяжелой инвалидностью, умственно отсталых и т. д.

Этический кодекс российского врача определяет эвтаназию как «акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких», осуществляемый, в частности, путем «прекращения лечебных действий у постели умирающего больного» («пассивной эвтаназии») [16, стр. 60].

Между тем разница в них, как правило, может быть проведена по следующим категориям:

а) состояние здоровья (здоровый, больной или неизлечимо больной);
б) форма и вид просьбы (явная, недвусмысленная, настоятельная, повторяемая и т.п.);
в) разновидность страданий (физические, психические, душевные, моральные и т.п.);
г) степень страданий (невыносимые, тяжкие и т.п.);
д) возможность представительства интересов больного.

Ни одно из приведенных определений нельзя признать исчерпывающим, включающим все признаки и охватывающим все возможны ситуации эвтаназии. Первое определение не позволяет отграничить эвтаназию от самоубийства, совершаемого без участия другого лица. Второе не учитывает случаи, когда больной не в состоянии высказать свою просьбу (находится в коматозном состоянии). Третье определение содержит указание на действие, приводящее к смертельному исходу, и не охватывает случаи сознательного бездействия врача, имеющего целью не препятствовать естественному ходу событий и наступлению смерти пациента. Ни в одном из определений не говорится о субъекте, осуществляющим эвтаназию. Представляется, что таким субъектом может быть только медицинский работник (врач, фельдшер, медицинская сестра). Если же соответствующие действия (бездействия) совершают иные лица, например, родственники больного, то эти случаи следует рассматривать не с позиции эвтаназии, а с позиции более широкого понятия – согласия потерпевшего на причинение смерти путём ассистируемого суицида (самоубийство, осуществляемое с помощью другого лица).

Что такое эвтаназия в общепринятом понимании? – *пишет Ласло Бито,* – это остановка аппарата искусственного дыхания, передозировка болеутоляющих средств или роковой укол... Этот акт называют эвтаназией, то есть благой смертью, даже в том случае, если некому взять за руку умирающего, шепнуть ему доброе слово, смягчить страх перед неизбежным, помочь сохранить человеческое достоинство и почувствовать значительность события. И смертельный укол, и медленное, изо дня в день повторяющееся введение больших доз «обезболивающих» наркотиков порой вынуждены делать врач или сиделка, никогда не занимавшиеся танатологией, биологией и психологией последнего этапа жизни человека [4, стр. 14].

В силу этого для многих людей благородное греческое слово «эвтаназия» стало ассоциироваться с безжалостной действительностью, и смысл его сузился. Звучание этого слова, его смысловое значение уже не изменить, а вот толкование «благой смерти» как подготовки к ней, как исполнения прощальных обрядов, как изменения самих представлений о смерти не только заглушило бы страх смерти, избавило бы от ее тирании, но и сказалось бы на нашем общем восприятии жизни в целом.

При нынешнем предубеждении к слову «эвтаназия» невозможно облагородить и обогатить понятие легкой, благой кончины. Поэтому вместо этого термина я выбрал другой, тоже греческого происхождения – «эвтелия», понимая под ним благое завершение жизни и тем самым связывая воедино хорошую жизнь и хорошую смерть. Это понятие включает в себя биологические и психологические, философско-филологические и историко-культурные воззрения, оказывающие прямое воздействие и на жизненную практику. Эвтелия ни в ком не вызовет ассоциаций с нацистскими способами уничтожения или с деяниями новоявленных «черных ангелов». Равно как и с законами, лишающими человека права распоряжаться своей судьбой и вынуждающими отдавать ее на волю подчас некомпетентных врачей.

Ласло Бито различие между эвтелией и эвтаназией, видит следующим образом: если под эвтаназией подразумевается достижение физической смерти с врачебной помощью, то эвтелия учитывает физическо-духовную (сома и психе) двойственную природу человека и выдвигает на первый план подготовку души к неизбежному концу. В отдельных случаях эвтелия предполагает эвтаназию, но, по мере возможности,

рекомендует ее избегать. Легализация эвтаназии является неотъемлемым компонентом эвтелии лишь постольку, поскольку для примирения со смертью человеку необходимо сознавать, что он всегда может рассчитывать на безболезненный уход, если под конец жизни судьба пошлет ему невыносимо долгие мучения. Залогом спокойного, умиротворенного существования на склоне лет явится сознание, что ты на законном основании сможешь распорядиться своей судьбой, если болезни и старческая немощь лишат тебя последних крупиц человеческого достоинства задолго до того, как настанет биологический конец [4, стр. 15].

Следует отметить, что отношение к эвтаназии ученых, политиков и общественности никогда не было однозначным. Профессор Н.Н. Белякович отмечает, что в настоящее время можно выделить три основные позиции [3, стр. 77]. Первая, и пока господствующая – эвтаназия недопустима, она бесчеловечна и аморальна. Представители этой позиции исходят из того, что эвтаназия – это преднамеренное убийство человека. В Декларации об эвтаназии, принятой Всемирной медицинской ассамблеей (Мадрид, 1987), подчеркивается, что эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого больного или на основании обращения с подобной просьбой его близких, недопустима и не этична.

Вторая позиция (М. Бэттин, Дж. Кеворкян, А.Ф. Кони, Дж.Рейгелс, Д. Хамфри и др.) состоит в избирательном подходе к автоназии – в одних случаях допустима, в других – нет, одним можно, другим – нет.

А.П. Зильбер убежден, что на современном этапе можно обсуждать проблему лишения жизни лишь безнадежно больных, при их собственном непременном желании этого и при наличии для этого убедительных медицинских показаний. Эвтаназия, по его мнению, не может быть сегодня внедрена в повседневную практику как система общества и медицины.

Представители третьей позиции полагают, что право на безболезненную смерть должен иметь каждый человек, а не только неизлечимо больной. Человек как сознательное существо имеет право самостоятельно принимать решения относительно своей судьбы, в том числе собственной смерти. Особенно это гуманно и нравственно в отношении безнадежно больных людей.

Практика мирового общественного развития последнего столетия показала, что как бы политики и ученые ни относились к эвтаназии, на самом деле она применяется во всех странах мира, независимо от того, разрешена она законом или нет. Причем набирает силу тенденция, связанная с увеличением численности таких фактов. Достаточно сказать, что в мире 40 % всех смертей больных людей наступает в результате принятия врачами решений о прекращении жизни либо путем отказа от лечения, либо с помощью лекарств, ускоряющих ее наступление [1].

В Бельгии, Нидерландах, Германии, США, Австрии состоялись судебные процессы над медицинскими работниками, которые применяли эвтаназию по отношению к своим пациентам. Особый резонанс в мире вызвал судебный процесс в Вене над четырьмя медицинскими сестрами, которые сознались, что с 1983 по 1989 гг. они в клинической больнице в пригороде Вены умертвили 50 больных с помощью сильнодействующих снотворных средств. По их утверждениям, они хотели положить конец невыносимым мукам своих беззащитных и беспомощных пациентов.

Вопросы жизни и смерти – это, во-первых, вопросы из сферы личной жизни человека, в которую никому не позволено вторгаться, кроме случаев, предусмотренных законодательством. Во-вторых, право человека на добровольную и безболезненную смерть вытекает из теории и практики автономного существования индивида в обществе, предполагающего самостоятельное решение всех своих жизненных проблем. Не является исключением из этого правила и вопрос о смерти человека. Право на жизнь, данное человеку в силу его рождения, не может быть оторвано от его права на достойную смерть. Человек должен иметь право распоряжаться своей жизнью в полном объеме всех ее проявлений, в том числе и способом ее завершения. Каждый имеет право принимать собственные решения о действиях, которые влияют исключительно на него самого. Поэтому право на облегчение смерти человека возможно, на наш взгляд, включить в число основных прав, признанных всеми государствами в качестве неотъемлемых и священных.

Задача государства и общества состоит в том, чтобы не допускать безнадежных ситуаций в жизни человека, когда он вынужден принимать

решение о преждевременной смерти, а если такое случилось, то помочь человеку хотя бы достойно умереть. В этой связи весьма своевременным является один из выводов работы А.П. Зильбера «Трактат об эйтаназии», который звучит так: «Если человек позволяет себе лишать жизни преступника и стремится сделать это в максимально гуманной форме, он должен облегчить и мучительную неизбежную смерть добропорядочных членов общества» [12, стр. 257]. Хотя здесь важно иметь в виду и то обстоятельство, что смертная казнь как исключительная мера уголовного наказания применяется далеко не во всех странах.

Наше законодательство негативно относится к эвтаназии. Фактически она запрещена законом. Тем не менее, интерес к эвтаназии не ослабевает. В определенной мере этот интерес подогревается возрастающим объемом операций по пересадке органов и тканей человека и при этом дефицитом донорских органов. С другой стороны, дальнейшее совершенствование законодательства в связи с упрочением демократических основ общества и развитием прав человека, заставляет нас более внимательно относиться к проблеме, которая еще в XVI веке была озвучена Ф. Бэконом: «Долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучения болезнью» [2, стр. 268].

Тем не менее, реальный взгляд на сегодняшнюю ситуацию в стране, определяемую во многом ее экономическим состоянием, дает основание утверждать о существовании пассивной латентной эвтаназии. Сокращается объем медицинской помощи населению, затраты на здравоохранение не повышаются, а если и повышаются, то слишком медленно и не очень существенно. Отсюда повышенная смертность. Если анализировать этот вопрос более детально, то можно обнаружить, что мы занимаем нелицеприятную позицию по числу самоубийств среди взрослого населения и убийствам собственных детей родителями [42, стр. 76].

Врачебная этика традиционно выделяет активную и пассивную, позитивную и негативную, прямую и косвенную эвтаназию. При этом заметим, что противопоставление активной и пассивной эвтаназии на основе нравственной оценки, когда полагают, что в первом случае причиной смерти является врач, а во втором – сама болезнь, на наш взгляд является поверхностным. Пассивная эвтаназия может быть следствием бездействия врача, его сознательного невмешательства в течение болезни, а активная эвтаназия, в отдельных случаях бывает более нравственна, чем пассивное созерцание предсмертных страданий больного [43, стр. 186].

Эвтаназия должна быть проблемой не только медицинской этики, но и юридической науки, и прежде всего теории и философии права, поскольку она сопряжена с философией жизни и смерти человека, в том числе и в условиях государственного устройства общества.

Процесс легализации эвтаназии как права человека на достойное окончание жизни, – пишет профессор Н.Н. Белякович, – включает в себя решение ряда сложнейших задач – философских, социально-психологических, этических, религиозных, медицинских и правовых [3, стр. 84]. Первая из них – необходимо подготовить к эвтаназии сознание общества и его членов, воспитать у каждого человека уважительное и рациональное отношение к своей жизни и смерти. Во-вторых, сходятся в том, что каждый человек должен самостоятельно искать и получить ответ на вопросы: Что есть жизнь? Зачем я живу? Как относиться к смерти? В-третьих, исходят из факта противоречивого единства феноменов «жизнь-смысл существования – смерть». В-четвертых, полагают, что и жизнь, и смерть человека являются непременными атрибутами его космического существования и наполнены определенным смыслом.

Мыслители всех времен и народов о жизни высказывались по-разному, в том числе как позитивно, так и негативно. Большинство мыслителей сходятся в том, что каждый человек должен смотреть на свою жизнь как на бесценный и неповторимый «дар Божий». И прожить ее надо так, как писал известный российский писатель Н. Островский в романе «Как закалялась сталь», чтобы «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Человек, постоянно совершенствуя себя как творца своей судьбы и мира, в состоянии создать достойные условия своего существования, и таким образом сохранить и даже продлить свою жизнь.

Идея святости жизни, права на жизнь для человека уже в силу самого факта его рождения принадлежит к числу вечных идеалов человечества. Человек предстает как малая частица живой Вселенной, как микрокосмос, вобравший в себя

все богатство макрокосмоса [10; 11]. Чувство «благоговения перед жизнью» (Швейцер), ощущение своей причастности к удивительному миру живого в той или иной степени присуще любой мировоззренческой системе.

Христианство утверждает, что смерть, как и жизнь, «в воле Божьей» и неизбежно предстоит каждому человеку. «О неизбежном – не скорби!» – сказано в памятнике религиозно-философской мысли Древней Индии «Бхагавадгите» (I-е тыс. до н.э.). Лидер национально-освободительного движения Индии Мохандас Карамчад Ганди (1869-1948) отмечал, что мы не знаем, что лучше – жить или умереть. Поэтому нам не следует ни чрезмерно восхищаться жизнью, ни трепетать при мысли о смерти. Мы должны одинаково относиться к ним обоим. Это идеальный вариант.

Другая мировая религия – ислам – также исходит из того, что вера в загробную жизнь является необходимой, поскольку в этом случае человек будет оценивать свои действия и поступки не с точки зрения личного интереса, а в смысле вечной перспективы. Жизнь человека – от Аллаха и знание о смертном часе у Аллаха, о чем спрашивать его нельзя. В священном писании этой религии – Коране – даны яркие описания рая и ада, «дабы праведники могли полностью удовлетвориться, а грешники получить по заслугам». Рай – это прекрасные «сады вечности, где текут реки из воды, молока и вина». Сидящих на коврах и опирающихся на зеленые подушки обходят «мальчики вечно юные», предлагающие на блюдах из золота «мясо птиц». Ад для грешников – огонь и кипяток, гной и помои, плоды дерева «заккум», похожие на голову дъявола, а их удел – «вопли и рев».

Мусульманская религиозная мораль запрещает посягать как на собственную жизнь, так и на жизнь другого человека, даже если он тяжело или неизлечимо болен. Священность человеческой жизни – основная ценность, установленная Богом задолго до времен Моисея, Иисуса и Мухаммеда. В исламе нет понятия жить не стоит, и оправдание смерти во избежание страданий не допускается. Считается, что пророк Мухаммед учил: «Жил среди людей один человек, у которого была никак не заживающая и чрезвычайно болезненная рана. Он испытывал такие мучительные боли, что однажды, не в силах больше терпеть, он взял нож, сделал глубокий порез на руке и вскоре скончался от потери крови. Тогда Всевышний Аллах сказал: „Мой слуга сам опередил меня. Я запретил ему рай»».

Исламский кодекс медицинской этики, установленный на Первой международной конференции по исламской медицине, гласит: «Убийство из милосердия, так же как и суицид, найдет поддержку только в атеистическом образе мышления, полагающем, что после нашей земной жизни следует пустота. Требование убить, чтобы уменьшить страдание, отклоняется, так как в мире нет такой боли, которая бы не облегчалась лекарствами или соответствующей нейрохирургией» [8, стр. 51].

Представители иудейской религии выступают против эвтаназии и любое намеренное умерщвление расценивают как нравственное зло. «Мы не создали сами себя, – говорят иудеи, – и поэтому не являемся владельцами собственного тела. Нам вверили тело, чтобы мы о нем заботились, питали и берегли». Попытка совершить самоубийство считается в иудаизме и преступлением, и большим грехом. Показательно в этом смысле положение о том, что укол, сделанный с намерением прекратить жизнь пациента, относится к числу деяний, запрещенных законом. Медицинские работники в случае выполнения подобной инъекции подлежат уголовной ответственности.

По мнению С. Тасакова, право человека на жизнь и право на смерть связаны между собой и являются, можно сказать, двумя сторонами одной медали. Реализация права на жизнь осуществляется лицом индивидуально и предполагает распоряжение жизнью по своему усмотрению, включая и добровольное принятие решения о прекращении жизни. Возможность самостоятельного распоряжения своей жизнью, в том числе решение вопроса о ее прекращении, является составляющей права человека на жизнь. Очевидно, что именно по этой причине в УК РФ и законодательствах других стран уголовная ответственность за попытку самоубийства не предусмотрена. Никто не вправе препятствовать человеку, имеющему право на смерть, в осуществлении данного права, в том числе и государство, которое является гарантом реализации прав и свобод человека. Государство, отказывая человеку в праве на смерть, ограничивает его свободу, превращает право на жизнь в обязанность жить.

А. Малиновский считает эвтаназию частным случаем права человека на смерть, которое

неразрывно связано с правом на жизнь: «Допустимость эвтаназии (лишения жизни безнадежно больного человека в медицинском учреждении по его настойчивой и неоднократной просьбе) как частный случай решения вопроса о праве на смерть в настоящее время является дискуссионным вопросом. Решение вопроса о праве человека на свою смерть не терпит внутренних логических противоречий. Так, ситуация, при которой наличие у человека права на смерть в целом отрицается, но признается возможность возникновения такого права у безнадежно больного человека, представляется юридически несуразной…» [25, стр. 54-55].

Таким образом, признание права человека на смерть, безусловно, влечет за собой право на эвтаназию.

А.А. Смольков также связывает право на жизнь с правом на смерть и эвтаназию. Право на жизнь включает два основных элемента: право на неприкосновенность жизни и право на свободное распоряжение своей жизнью. Государство, провозглашая право человека на жизнь, не может вводить запреты на любой из вышеуказанных право-составляющих элементов, то есть не может ограничивать свободное распоряжение жизнью. Таким образом, все законодательные запреты и ограничения, наложенные на право распоряжения собственной жизнью, неконституционны.

Ю.А. Конюшкина, характеризуя отрицательные стороны эвтаназии, указывает на то, что ускорение смерти больного предполагает принудительное возложение на врача роли пособника самоубийства, что может противоречить его психологическим особенностям. Кроме того, фактор неизлечимости болезни, который и определяет такой радикальный выбор, как эвтаназия, является относительным в период происходящих в настоящее время открытий и достижений в области медицины. Нельзя недооценивать и религиозный аспект данной проблемы, согласно которому эвтаназия предстает абсолютно неприемлемым, аморальным и кощунственным явлением. Тревожным фактом представляется также то, что эвтаназия, требующая для своего осуществления только выраженное в определенной форме согласие пациента на уход из жизни, может способствовать совершению преступлений путем оказания физического или психологического давления на пациента, подкупа медицинского персонала, злоупотребления должностным положением, мошенничества и т.д. [19, стр. 59].

Сегодня абсолютное большинство исследователей сходятся в том, что эвтаназия, дающая людям уверенность в легкой, безболезненной и естественной смерти, должна быть легализована. В этом должны быть заинтересованы все больные, врачи, общество. Стихийное, нерегламентированное применение эвтаназии еще хуже, чем ее запрет. Это не приведет к росту смертности, а, наоборот, может снизить число самоубийств как среди больных, так и среди здоровых людей.

Легализация, равно как и запрет эвтаназии, требуют активного обсуждения в обществе и ее этических аспектов, всех доводов «за» и «против». А.П. Зильбер уверен, что эвтаназия этична, если применяется только у страдающих больных, умирающих от неизлечимой болезни, если введена в рамки закона, исключающего злоупотребления, и если выполняется врачами-професионалами, не потерявшими способность сопереживать [12, стр. 339].

В число необходимых условий, позволяющих человеку воспользоваться своим правом на безболезненную смерть, необходимо включить следующее:

а) решение об эвтаназии (пассивной или активной) должен принимать сам человек;
б) эвтаназия должна быть исключительно добровольной;
в) только врач может оказывать помощь в осуществлении или осуществлять эвтаназию;
г) состояние пациента с точки зрения его здоровья и социально психологической ситуации должно быть действительно невыносимым и безнадежным.

При наличии этих условий и их правовой регламентации человек может иметь возможность осуществить свое право, такое же неотъемлемое, как и право на жизнь, – право на достойную и безболезненную смерть. Вопрос о том, быть или не быть эвтаназии, становится риторическим.

До сих пор нет какого-то одного общепризнанного определения эвтаназии. Голландское законодательство (кстати, Нидерланды – единственное государство в Европе, узаконившее право на «легкую смерть») называет эвтаназией «всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и

совершенное незаинтересованным лицом». Католическая церковь в «Декларации об эвтаназии» определяет ее как «преднамеренное убийство, имеющее целью устранение боли и страдания» [34]. А в западной медицинской литературе термин «эвтаназия» все чаще заменяют словосочетанием «самоубийство при врачебном содействии».

Подводя итоги исследуемой проблематики, эвтаназию можно определить следующим образом: это умышленные действия или бездействие медицинского работника, которые осуществляются в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного или его законного представителя с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящего по медицинским показателям в угрожающем жизни состоянии, в результате которых наступает его смерть. Однако такое понимание эвтаназии приемлемо только в рамках уголовного права и то в целях смягчения наказания либо предусмотрение специального состава.

Жизнь является высшей ценностью, поэтому не допускается лишении человека жизни ни под каким либо предлогом, в том числе с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящего по медицинским показателям в угрожающем жизни состоянии.

Исходя из этого, считаем, что недопустима легализация и законодательная регламентация эвтаназии в позитивном плане. При любом раскладе эвтаназия это негативное явление и противоречит сущности права человека на жизнь.

Сама жизнь демонстрирует нам примеры выхода казалось бы из безвыходных ситуаций, в том числе и с безнадежно больными людьми. Примеров таких очень иного в Сша, в Европе и в России. Важно постоянно идти до конца, бороться за жизнь. В этом плане показателен пример в том числе и из американской практики, описанный в литературе, в частности, в книге американского психотерапевта Патрисии Норрис и ее девятилетнего пациента Гэррет Портер. «Я ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ (Целительная сила человеческого духа)» [33]. Вместе они рассказали историю борьбы и победы Гэррет Портер на злокачественной опухолью головного мозга и о психологических методах, которые ему помогли преодолеть смерть и добиться жизни, в частности о технике визуализации.

Эта книга, по мнению издателей, и с ними необходимо согласиться – лишь один из ярких примеров удачной победы жизни над смертью, отступления от эвтаназии онкологических больных, использования в этих целях психотерапевтических методик, возможности произвольной регуляции внутреннего состояния человека, жизненного значения сознательной саморегуляции. Медицинские работники и их пациенты должны постоянно помнить о единстве, неразрывной связи человеческой души и тела, о целительной мощи организма человека, которая может быть запущена силой мысли, о силе и любви к жизни, непоколебимой уверенности в том, что разум управляет телом, а не наоборот, и ничего невозможного нет.

Очень справедливую оценку книге и человеку, стремящемуся к жизни, дает Джеральд Ямпольски, написавший к ней предисловие: «Я ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ – удивительная история о том, как мысли человека могут изменить его восприятие мира и самого себя. Это книга о надежде и о позитивном мышлении, книга, которая способна изменить тех, кто берется ее читать» [49, стр. 8]. А мы бы добавили: книга, которая способна уберечь и врача, и пациента от эвтаназии.

Список литературы

1. Акопов В.И., Бова А.А. Сборник докладов первой международной конференции «Общество, медицина, закон». – Кисловодск, 1999.
2. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1.– М., АН СССР, 1971.
3. Белякович Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы. – Минск: Амалфея, 2009. - 412 с.
4. Бито Ласло. Эвтаназия? Эвтелия! Счастливая жизнь – благая смерть. – М.: Энигма, 2006. – 320 с.
5. Большая медицинская энциклопедия. т. 27. – М., 1986.
6. Гиппократ в безумном рынке // Советская Россия. – 1997. – 10 июля.
7. Глушков В. Уголовно-правовые вопросы эвтаназии // Российская юстиция. – 1998. – № 9-10.

8. Григонис Э.П., Леонтьев О.В. Ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками: Учебное пособие. – СПб.: СпецЛит, 2008. - 157 с.
9. Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в РФ на осуществление эвтаназии // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 52-59.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Тезисно о философских проблемах познания Вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 171-180.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. О гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте глобальных угроз человечеству // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 174-183.
12. Зильбер А. П. Трактат об эйтаназии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. - 464 с.
13. Иванюшкин А.Я. Профессиональная этика в медицине (философские очерки). – М.: АМН СССР, 1990. - 220, [2] с.
14. Иванюшкин А.Я., Попова О.В. Социальный и философский контекст проблемы смерти мозга / Институт философии РАН. – М., 2015. – 349 с.
15. Ивченко О. Ответственность за эвтаназию по уголовному законодательству зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 19-21.
16. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь: Монография. – М.: Камерон, 2006.
17. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. – М.: Буквовед, 2006. – 400 с.
18. Козлова Н.Н. Эвтаназия: уголовно-правовые проблемы. Проблемы применения нового уголовного законодательства // Сборник научных трудов. – Уфа, 1999.
19. Конюшкина Ю.А. Об эвтаназии // Юрист. – 2002. – № 9. – С. 59-60.
20. Краткий оксфордский словарь. – М., 1998.
21. Крылова Н. Эвтаназия: уголовно-правовой аспект // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право – 2002. – № 2. - С. 17-37.
22. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / Под ред. доктора юридических наук, профессора Г.Н. Борзенкова, доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова). – М.: Зерцало-М, 2002. – 468 с.
23. Кюблер-Росс Элизабет. О смерти и умирании. – Киев: София, 2001. – 320 с.
24. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве: Учебное и практическое пособие. – М.: БЕК. 1995. - 260 с.
25. Малиновский А. Имеет ли человек право на смерть? // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С 54-55.
26. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских международных стандартов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198-212.
27. Мустафазаде А.Г. Квалификация убийства по мотиву и цели: Автореф. дис… канд. юрид. наук. – М. 2004.
28. Никитин З. Эвтаназия и ассистируемый врачом суицид у мужчин-гомосексуалистов, больных СПИДом // Русский медицинский журнал. – 1996. – Т. 4. – № 10. - С. 18.
29. Новая философская энциклопедия / Электронный ресурс: http://philosophem.ru/publ/ehnciklopedii/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/vitch_robert/31-1-0-766
30. Обезболивание и паллиативная помощь при раке // Всемирная организация здравоохранения. – Женева. 1990.
31. Обухов В.Л., Сальников В.П. Лики морали / Под ред. В.Л. Обухова. – СПб.: Ривьера, 1996. – 189 с.
32. Панферов Ф. В стране поверженных // Ф. Панферов. Собр. соч. в шести томах. Том четвертый. – М.: Художественная литература, 1959. – 552 с.
33. Портер Гэррет, Норрес Патрисия. Я ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ (Целительная сила человеческого духа). – СПб.: Страта, 2015. – 96 с.
34. Преднамеренное убийство // Авиценна. – 1999. – 22 июля.
35. Розин В.М. Смерть как феномен философского осмысления // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С 170-180.
36. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - 500 с.
37. Российская юридическая энциклопедия / Под. ред. А.Я. Сухарева – М., 1999. – 1100 с.
38. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Эвтаназия: за и против // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С 42-48.
39. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
40. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
41. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр., Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр эколого-правовых исслед.; Центр адм.-правовых исслед.; Отв.ред.: О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 339-360.

42. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
43. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – Серия: «Право и медицина».
44. Старовойтова О.Э. Понятие танатологии // История государства и права. – 2000. – № 4. – С. 32-37.
45. Старовойтова О.Э. Правовые проблемы танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
46. Таракин П.П. Правовые и этические проблемы эвтаназии // Проблемы рациональности в современной науке: Тезисы докладов аспирантов.- М.: ГНЦ РФ ИМБП РАН, 2004.
47. Фут Ф. Эвтаназия // Философские науки. 1990. № 6. С. 62-80.
48. Шанина И. Эвтаназия. – СПб., 2007.
49. Ямпольски Д. Предисловие // Портер Гэррет, Норрес Патрисия. Я ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ (Целительная сила человеческого духа). – СПб.: Страта, 2015. – С. 7-8. – в кн. 96 с.
50. Brim O.G. Look At Me!: The Fame Motive from Childhood to Old Age. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009.
51. Brim O.G., Freeman H.E., Levine S., Scotch N.A. The Dying Patient. – New York: Russell Sage Foundation, 1970.
52. Bruce Vodiga. Euthanasia and the Right to Die – Moral, Ethical and Legal Perspectives. Chicago-Kent Law Review. Volume 51. Issue 1. Article 2. June 1974.
53. Euthanasia and the Right to Die, ed. A.B. Downing, London: Peter Owen, Ltd., 1969.
54. Feifei H. The Meaning of Death. New York, 1959.
55. Fletcher J.. Situation ethics. The new morality. – Philadelphia: Westminster Press, 1966.
56. Fletcher J.. The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette. – New York: Doubleday, 1974.
57. Fletcher. Morals and medicine J.. – Princeton: Princeton University Press, 1954.
58. Garfield Ch. A., ed. Psychosocial care of the dying patient // N.-Y. – e.a. – McGraw-Hill. – 1978.
59. Hinton. J. Dying. London: Penguin Books, 1967.
60. Klinger O. – Darfst oder Tod. – Stuttgart, 1935.
61. Kubler-Ross E. On Death and Dying. New York, Macmillan Publishing Co, 1969.
62. Levasseur G. Op. Cit.
63. Mitford J. The American Way of Death. New York City: Simon & Schuster, 1963.
64. To Live and To Die: When, Why, and How. Ed. Robert H. Williams. Springer-Verlag, New York Inc., 1973.
65. To Live and To Die: When, Why, and How. Ed. Robert H. Williams. Springer Science+Business Media, LLC 1974.
66. Veatch Robert. Death, Dying, and the Biological Revolution. New Haven, 1976.
67. Williams Glanville The sanctity of life and the criminal law. London: Faber and Faber, 1958.
68. doctorpiter.ru/articles/17680/
69. www. gazeta. ru. (09/ 07/2001).

КАЛИНИНА Евгения Валерьевна,
профессор кафедры европейского и международного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: mikhal.bern@rambler.ru

ПРИХОДЬКО Артём Викторович,
магистрант кафедры европейского и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: r-tempri@mail.ru

Специальность 12.00.10 – Международное публичное право

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются некоторые идеологические предпосылки и теоретические основы формирования принципа права народов на самоопределение в эпоху Просвещения. Право народов на самоопределение в международном публичном праве было закреплено лишь в середине XX века, однако авторы приходят к выводу, что идеологические предпосылки для его формирования появились уже в эпоху Просвещения. Таковыми можно считать концепцию народного суверенитета и идею права на сопротивление, которые оставляли за народом право свержения правительства и самостоятельного определения своей политической судьбы. Тем не менее, авторы полагают, что принцип права народов на самоопределение не мог быть полностью сформирован в эпоху Просвещения по объективным причинам.*

Ключевые слова: *право на самоопределение; народный суверенитет; право на сопротивление; Просвещения; международное право; история политических и правовых учений.*

KALININA E.V.
PRIKHODKO A.V.

THE IDEOLOGICAL BACKGROUNDS AND THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF FORMATION OF THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-DETERMINATION IN THE AGE OF THE ENLIGHTENMENT

The summary. *In the article the author considers some ideological backgrounds and the theoretical foundations of formation of the principle of the right of nations to self-determination in the age of the Enlightenment. The right of nations to self-determination was invented in public international law only in the middle of the 20th century, but the author concludes that some ideological backgrounds for its formation have already appeared in the age of the Enlightenment. The concept of the popular sovereignty and the idea of right of revolution were these ideological backgrounds that let people overthrow a government and choose their political condition on their own accord. At the*

same time, the authors concludes that there were no objective reasons in the age of the Enlightenment to form the principle of the right of nations to self-determination completely.

***Key words**: Right of nations to self-determination; national sovereignty; right of revolution; the Enlightenment; international law; history of political and legal thought.*

Право народов на самоопределение, заключающееся в том, чтобы «свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие…» [22, стр. 136] является одним из наиболее актуальных и одновременно неоднозначных прав в современном международном публичном праве. В последние годы его значение не только не уменьшается, но наоборот, всё более возрастает. Недавние события, связанные с Северным Кипром, Квебеком, Косово, Крымом, Шотландией, Каталонией, свидетельствуют об очевидной важности данных прав в современном мире. В то же время, в доктринах теории государства и права, а также международного публичного права не существует их однозначной оценки [25].

Как известно, принцип равноправия и самоопределения народов в международном публичном праве был впервые закреплен в 1945 г. (п. 2 ст. 1 Устава ООН). В дальнейшем, данный принцип был развит и конкретизирован Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларацией о принципах международного права 1970 г., Заключительным актом Совещания в Хельсинки 1975 г. и рядом других источников международного публичного права.

Со второй половины XX в. и международное научное сообщество приступило к исследованию данной проблематики. Всё это, однако, не исключает того, что идеологические предпосылки и теоретические основы принципа права народов на самоопределение могли сложиться намного раньше. На наш взгляд, предпосылки для развития идеи указанного принципа могли появиться уже в эпоху Просвещения. Временной период выбран не случайно, ведь именно восемнадцатый век, век Просвещения, американской войны за независимость и Французской революции, подарил политико-правовой мысли много нового, существенно обогатив её. Как отмечает И.И. Бочков, исследователь творческого наследия Жан-Жака Руссо, «привычные для современной теории государства и права институты – референдум, законодательная инициатива граждан, общественный контроль над государственными органами – вовсе не были нормой в XVIII веке, поэтому сама разработка Руссо и другими мыслителями их модели, даже с учётом того, что их не воплотили в жизнь, была революционной» [2, стр. 96]. Без сомнения, разработка просветителями идей и концепций, послуживших теоретической основой будущего принципа права народов на самоопределение также явилась важным завоеванием политико-правовой мысли того времени [7]. Целью данной работы является рассмотрение некоторых идей и концепций эпохи Просвещения, ставших идеологическими предпосылками и теоретическими основами последующего принципа права народов на самоопределение.

Итак, какие же идеи и концепции эпохи Просвещения могли послужить теоретической основой принципа права народов на самоопределение? В отечественной юридической науке проблема идеологических предпосылок и теоретических основ рассматриваемого принципа затрагивалась поверхностно. Так, например, профессор К.А. Бекяшев считает, что принцип равноправия и самоопределения народов «возник под влиянием национально-освободительных движений». По мнению учёного, данному принципу «предшествовал принцип национальности, который был провозглашен в XVIII в., в эпоху буржуазно-демократических революций» [22, стр. 136].

Несомненно, национально-освободительные движения Нового времени оказали существенное влияние на формирование идеи рассматриваемого принципа, однако допустимо предположить, что

исключительно ими, а также принципом национальности, не исчерпываются все её теоретические основы. Можно утверждать, что на её становление повлияли также и другие основополагающие идеи и концепции эпохи Просвещения, среди которых особое значение, на наш взгляд, имели концепция народного суверенитета и идея права на сопротивление [10; 23]. Более пристальный взгляд на указанные идеи позволяет не только выявить, но и обосновать утверждение об их влиянии на формирование принципа права наций на самоопределение.

Безусловно, концепция суверенитета не была плодом просветительской мысли – будучи сформулированной ещё в XVI в. Жаном Боденом [9; 11], она получила развитие в XVII в. в работах Томаса Гоббса, Гуго Гроция и других мыслителей и правоведов [16]. Однако стоит отметить, что концепция суверенитета в XVI-XVII вв. предполагала, как правило, отождествление суверенитета с властью одного человека – монарха, который объявлялся его исключительным носителем. К примеру, Боден, не допуская мысли о том, что в государстве может существовать власть выше, чем власть монарха, писал, что «Суверенитет есть постоянная и абсолютная власть монарха» [4, стр. 367]. Иначе говоря, концепция суверенитета в XVI-XVII вв. вовсе не наделялась демократическим содержанием, так как объявляла носителем суверенитета не народ, а верховных правителей – монархов [4, стр. 366-368]. В связи с этим, для того времени были характерны симпатии сильному, могущественному, не имевшему «оппозиции» государю. Многие мыслители той эпохи считали, что люди должны безропотно повиноваться своим властителям. Не случайно поэтому Жан-Жак Руссо, полемизируя в дальнейшем с апологетами подобных воззрений, отмечал в «Общественном договоре» (1762 г.), что «согласно Гроцию*, неясно, то ли человеческий род по праву принадлежит сотне людей, то ли сотня людей по праву принадлежит человеческому роду: и, кажется, в своей книге он склоняется к первому мнению. Таково же и суждение Гоббса» [28, стр. 118].

Только в эпоху Просвещения в рассматриваемой концепции произошли существенные изменения: её содержание стало более демократичным. Иначе говоря, в западноевропейской политико-правовой мысли была окончательно сформулирована концепция *народного* суверенитета – концепция, при которой уже народ, а не монарх стал считаться носителем суверенитета. «Суверенитет, как предмет права, принадлежит только нации, а не какому-нибудь отдельному лицу», – писал англо-американский просветитель Томас Пейн [5, стр. 73]. Такая трактовка суверенитета ставила во главу угла интересы и благополучие не отдельных правителей, а всего народа в целом. Очевидно, что из подобных воззрений легко могла вытекать мысль о том, что народы могут не только менять своих правителей и должностных лиц, но и самостоятельно определять свою судьбу, т.е. иметь право на самоопределение.

С концепцией народного суверенитета неразрывно связана другая идея эпохи Просвещения, явившаяся, на наш взгляд, не менее важной теоретической опорой последующего принципа самоопределения, – идея права на сопротивление угнетению. Как известно, право на сопротивление угнетению – это особое политическое право, заключающееся в праве народа любыми способами и средствами (включая вооружённую борьбу, свержение правительства и т.п.) отстаивать и защищать свои права и свободы от узурпаторов и политического произвола. Идея права на сопротивление возникла не в XVII-XVIII вв. – её корни уходят в Античность и Средние века [12; 24; 29], однако именно в эпоху Просвещения данная идея была окончательно сформирована, получив широкое распространение. В общем виде, суть её сводилась к следующему. Просветители считали, что люди имеют право восставать против тиранов, деспотов и режимов угнетения, заменять их такими правителями, которые бы обеспечивали общественное благополучие и счастье. В этом вопросе «философы», как правило, основывались на теориях естественного права и общественного договора: если правитель-монарх нарушает общественный договор (угнетает народ, попирает его права и свободы и т.п.), то подданные, в силу дарованных им природой естественных прав, имеют право выступить против него и сместить его с престола [6; 8].

Сторонниками права на сопротивление были практически все европейские и американские просветители. Так, к примеру, в его пользу высказывался известный английский литератор Даниэль Дефо, который писал, что «Когда короли превращаются в тиранов, подданные должны разорвать оковы и освободиться от тирании» [17, стр. 76].

Идея права на сопротивление получила широкое распространение и во французском Просвещении [27]. Луи шевалье де Жокур в статье «Тирания» (1765 г.) в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера отмечал, что «народы не обязаны ждать, пока их государи полностью выкуют цепи тирании и сделают невозможным всякое сопротивление себе. Для того чтобы народ имел право позаботиться о своём сохранении, достаточно, чтобы все поступки его руководителей были явно направлены к его угнетению; тогда он может выступать, так сказать, с развёрнутыми знаменами против преступлений тирании» [31, стр. 587].

Право на сопротивление обычно не рассматривалось просветителями в плоскости международных отношений: ни в контексте сопротивления одного народа другому, ни в контексте допустимости национально-освободительной войны. Однако иногда мыслители все же косвенно затрагивали эту тему. К примеру, французский просветитель Габриэль Бонно де Мабли в сочинении «О правах и обязанностях гражданина», написанном в 1758 г., но изданном по цензурным соображениям лишь в 1789 г., обосновывал законность права на сопротивление против внутреннего врага (тирана) посредством ссылки на всеми признаваемую законность ведения войны против врага внешнего. «Если народ не считает себя вправе защищаться от нападающих на него чужестранцев, он, несомненно, будет ими покорён. Нация, не желающая сопротивляться своим внутренним врагам, неизбежно, следовательно, должна быть угнетаема». По мнению Мабли, справедливость «разрешает прибегнуть к оружию для оказания сопротивления угнетателю, нарушающему законы или ловко злоупотребляющему ими для узурпирования неограниченной власти» [20, стр. 273-274].

Мабли был, пожалуй, единственным из французских просветителей, кто, говоря о выступлении народа против тирании, обозначал это как «ведение гражданской войны». Мабли различал два вида гражданских войн. Первый – это такая гражданская война, которая является злом и «вызывается анархией, т.е. когда граждане, лишённые нравственных устоев, не знающие своих прав и обязанностей, презирают и ненавидят, в равной мере, как законы, так и их исполнителей. … Это уже не та операция, которая может восстановить здоровье», так как «организм» уже смертельно болен. Примеры такой негативной гражданской войны – войны Цезаря, Помпея, Октавия и Антония, в результате которых место «несуществующих больше законов» занял «властелин». Такая гражданская война привела лишь к тирании. Но есть и второй вид гражданских войн – это такие, которые «зажигают любовь к родине, уважение к законам и вызывают справедливую защиту прав и свобод нации». Интересно, что пример такой благотворной гражданской войны Мабли находил в плоскости международных отношений, а именно в нидерландской борьбе за независимость, в результате которой голландцы завоевали себе свободу, освободившись от владычества Филиппа II [20, стр. 267-268]. Несмотря на радикальность данной меры, Мабли отмечает, что она была спасительна: «необходимо отрезать себе руку или ногу, чтобы спасти себе жизнь» [20, стр. 268]. Поэтому очевидно позитивное отношение Мабли к подобному виду гражданских войн, так как они не дают народу «уснуть» и одряхлеть под цепями тирании.

Мабли был не единственным европейским просветителем, позитивно оценивавшим нидерландскую войну за независимость. К примеру, немецкий поэт, философ и историк Фридрих Шиллер, посвятивший этой войне отдельное историческое сочинение («История отпадения соединённых Нидерландов от испанского владычества» (1788 г.)), считал её «одним из замечательнейших политических событий, которые сделали XVI столетие самым блестящим в мировой истории» [33, стр. 31].

В эпоху Просвещения идея права на сопротивление сыграла особенно важную роль в американских колониях. Именно там она больше всего приблизилась к тому, что в современном международном праве принято считать правом на сецессию – наиболее радикальной формой права народов на самоопределение. Для американских просветителей идея права на сопротивление, понимаемая как оправдание законности борьбы американских колоний за независимость (1775-1783 гг.) против метрополии-угнетателя, оказалась наиболее ценной из всего просветительского арсенала идей [35]. В Декларации независимости США (1776 г.) отмечается, что «жизнь, свобода и стремление к счастью являются неотчуждаемыми правами», так как они дарованы людям их Творцом. Люди «учреждают правительства для

обеспечения этих прав», однако за людьми остаётся право «изменить или упразднить» правительство, если последнее становится угнетательским. Народ также имеет право «учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

Важнейшей частью документа является обоснование акта законности сопротивления угнетению и смены правительства. В Декларации отмечается, что, когда «длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа. Эти колонии длительное время проявляли терпение, и только необходимость вынуждает их изменить прежнюю систему своего правительства» [30, стр. 25]. Авторы Декларации считали угнетателем царствовавшего тогда короля Великобритании Георга III, история правления которого, по их мнению, – «это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма» [30, стр. 26]. Перечень этих многочисленных «несправедливостей» приводился далее в документе.

Таким образом, легитимность отделения (самоопределения) американских колоний в Декларации независимости обосновывалась посредством права на сопротивление угнетению. Именно оно, с точки зрения её авторов, позволяло народу сменять правительство и самостоятельно определять свою политическую судьбу.

Все это дает основание утверждать, что идея права на сопротивление, наравне с концепцией народного суверенитета, оказала существенное влияние на становление принципа права на самоопределение. В некотором роде, право на самоопределение и его наиболее радикальная форма – право на сецессию – можно считать производными от идеи права на сопротивление, так как все они фактически направлены на один результат – благополучие и интересы определённого народа или нации. Как отмечает американский профессор Аллен Буханан, специалист в области права на сецессию и права народов на самоопределение, «право на выход из государства, аналогично праву на революцию**, в том смысле, в котором оно понимается в качестве стержня либеральной политической теории: как средство последнего спасения от постоянной и серьезной несправедливости. Революции имеют целью свержение правительства; сецессия – лишь вывод части государственной территории из-под его контроля» [34, стр. 351]. Можно возразить, что самоопределение не всегда реализуется посредством сопротивления – XX век показал примеры того, что иногда оно происходит мирным путем, без конфликтов и столкновений. Более того, вопрос о правомерности, например, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России вызвал, сто лет спустя, очень острую дискуссию [1; 3; 13; 14; 15; 18; 19; 21; 26; 32]. Однако стоит признать, что в XVIII веке данное право могло реализовываться лишь первым путём. Именно поэтому так существенно значение идеи права на сопротивление для формирования принципа самоопределения.

Итак, представляется что, концепция народного суверенитета и идея права на сопротивление, наряду с отмеченным профессором К.А. Бекяшевым принципом национальности, оказались важными теоретическими основами последующего принципа права народов на самоопределение. Тем самым, это позволяет говорить о том, что идеологические предпосылки и теоретические основы рассматриваемого принципа стоит искать именно в XVIII веке.

В то же время, стоит отметить, что теоретическая мысль просветителей не пошла дальше моральных оценок (пусть и позитивных) национально-освободительных войн и отдельных актов сопротивления угнетателям и тиранам. Их представления о международном праве были ещё слишком ограниченными и поэтому они не могли подойти к формулировке принципа права народов на самоопределение. Только у американских просветителей (по понятным причинам) мы может встретить некоторые рассуждения на данную тему.

В чём же причины того, что рассматриваемый принцип не мог быть сформулирован в то время? Представляется возможным выделить несколько причин недостаточной научной разработанности заявленной проблематики в работах просветителей. Первая из них заключается в том, что на тот момент, в мировой истории не было ярких примеров самоопределения наций и провозглашения независимости. Исключение составляла

лишь Нидерландская борьба за независимость и последовавшее за ней отделение Голландии от Испании. Тем самым, международно-правовая мысль попросту не имела достаточного количества прецедентов в истории, на которые она могла бы опереться при разработке рассматриваемого принципа. Во-вторых, очевидно, что даже если бы принцип права народов на самоопределение был бы сформулирован в ту эпоху, то он не смог бы получить поддержки в общественном мнении того времени. Дело в том, что просветители были, пожалуй, одними из немногих, кто призывал правителей отказаться от колониальных завоеваний, считая их губительными для государства. Кроме того, признавая, в силу естественного права, равенство всех людей, «философы» считали, что все народы имеют право отстаивать свою независимость любым путём. Однако эти гуманистические идеи вряд ли смогли бы найти поддержку в широких кругах общества и, тем более, в правящих кругах, ведь ведущие европейские державы цепко держались за свои колониальные владения, извлекая из них большую прибыль. Поэтому не удивительно, что право народов на самоопределение могло получить развитие и широкое распространение лишь с началом распада колониальной системы, т.е. только после окончания Второй мировой войны.

В заключение стоит отметить, что не только рассмотренная концепция народного суверенитета и идея права на сопротивление могли оказать влияние на становление принципа права народов на самоопределение. Список теоретических основ последнего, несомненно, может быть расширен. На его формирование, судя по всему, могли оказать влияние также такие идеи, как идея равноправия народов в силу естественного права, идея отказа от колоний и предоставления им независимости и др. Изучение того, как эти и другие идеи могли повлиять на формирование принципа права народов на самоопределение может стать темой отдельного дальнейшего исследования.

Примечания

* Стоит отметить, что позиция Гроция не была столь однозначна: он допускал, что в некоторых случаях народ может оказывать сопротивление правителям.

** В западноевропейской и американской науке право на сопротивление принято обозначать как «право на революцию».

Список литературы

1. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
2. Бочков И.И. Основания политического организма в учении Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И. А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – С. 96-115.
3. Булатов Р.Б. О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 37-42.
4. Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2013. – № 1(14). – С. 366-374.
5. Гольдберг Н.М. Томас Пейн. – М.: Мысль, 1969. -198 с.
6. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
9. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена

до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 53-57.
10. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
11. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
12. Комиссаров И.В. Право народа на сопротивление в западной правовой мысли с древнейших времён до XIX в.: историко-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 5. – С. 18-25.
13. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
14. Крусс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 30-37.
15. Крусс В.И., Крусс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
16. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
17. Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. – СПб.: Алетейя, 2012. – 304 с.
18. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
19. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
20. Мабли Г. Избранные произведения. Пер. с франц. и коммент. Ф. Б. Шуваевой. Вступит. Статья В. П. Волгина. – М. – Л.: Академия Наук СССР, 1950. – 340 с.
21. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
22. Международное публичное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекяшев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 1008 с.
23. Мирзоев А.К. Концепция суверенитета: историческая эволюция и переосмысление в условиях международной политико-правовой интеграции // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 50-54.
24. Мутагиров Д.З. Право человека на сопротивление: его понимание в прошлом и в настоящем // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2013. – Вып. 1. – С. 67-78.
25. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
26. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 11-24.
27. Приходько А.В., Шляхов М.Ю. Формирование идеи права на сопротивление угнетению и тирании во французском Просвещении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-6. С. 989-993.
28. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И. А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
29. Скиперских А.В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. – 2015. – № 5 (55). – С. 67-72.
30. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: Пер. с англ. / Сост. В.И. Лафитский; Под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 768 с.
31. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / Ин-т философии. – М.: Наука, 1994. – 720 с.
32. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
33. Шиллер Ф. История отпадения соединённых Нидерландов от испанского владычества // Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4. – М., 1956. – С. 31-319.
34. Buchanan A. Justice, Legitimacy and Self-determination. Moral Foundations for International Law. Oxford, 2007.
35. Maier P. From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Declaration of American Opposition to the Great Britain. 1763-1776. N.Y., 1972.

КЛЮКАНОВА Татьяна Михайловна,
доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президетнте Российской Федерации, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: tatianam1211@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *Рассматриваются основные источники уголовного права стран, входящих в Романо-германскую правовую семью и семью общего права.*

Ключевые слова: *источник права; правовая семья; уголовное законодательство; уголовный кодекс; судебный прецедент.*

KLYUKANOVA T.M.

SOURCES OF CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

The summary. *The article deals with the main sources of Criminal Law of foreign countries, included in the circle of participants of the Roman-Germanic legal family and the family of Common Law.*

Key words: *source of law, legal family, criminal legislation, criminal Code, judicial precedent.*

Изучение уголовного права любого государства необходимо начинать путем ознакомления с его источниками. Именно с этих позиций удобнее всего наблюдать за эволюцией уголовной политики соответствующего государства [1; 2; 8; 9; 14; 16; 18], видя ее место в конституционном строительстве [3; 4; 5; 6; 11].

Источники права – это форма выражения правовых норм. Теория права выделяет следующие источники/

Jсновными формальными (юридическими) источниками уголовного права являются:

а) правовой обычай,
б) судебный прецедент,
в) правовая доктрина,
г) священные книги,
д) нормативные правовые договоры,
е) нормативный правовой акт.

Исторически сложившееся деление права на право статутное и право прецедентное прослеживается и применительно к источникам уголовного права.

Система и структура источников уголовного права зависит от того, в чем выражаются положения уголовного права – в нормах общего права, в решениях судов по конкретным делам или в нормативных актах.

В государствах континентальной правовой системы (романо-германская семья) ведущее место среди источников право занимает закон. В семье общего права главное место отведено судебному прецеденту.

Наиболее распространенный вид нормативно-правовых актов как источник уголовного права в большинстве европейских государств – уголовный кодекс, в котором, как правило,

выделяются Общая и Особенная части. В Общей части закрепляются цели и принципы уголовного права, содержится описание ряда институтов, объяснение терминов, как, например, в УК ФРГ.

В Особенной части содержится описание конкретных составов преступлений и установлены санкции за их совершение.

В Англии отсутствует кодифицированное уголовное законодательство. Это объясняется специфической правовой системой и традицией.

Особое место среди источников уголовного права в зарубежных государствах занимает конституционное законодательство.

Конституции США, Германии, Франции, Швейцарии прямо содержат уголовно-правовые нормы, что свидетельствует о том, что Конституции ряда стран являются источником уголовного права.

К источникам уголовного права следует также отнести доктринальные труды по уголовному праву, своды законов и кодифицированные издания.

Для таких стран как ФРГ, Франция, Италия, Испания роль подобных источников не столь важна, поскольку уголовные законы в них максимально кодифицированы. В Англии, Шотландии, США при принятии уголовно- правовых решений зачастую можно встретить ссылки на научные труды.

Правовая система ФРГ – одной из ведущих стран Центральной Европы, входящих в романо-германскую правовую семью, включает в себя кодифицированное отраслевое законодательство, в том числе и уголовное.

Однако, в отличие о Российской Федерации, уголовный кодекс ФРГ не является единственным источником уголовного права.

Источниками уголовного права ФРГ наряду с уголовным кодексом принятым 15 мая 1871 г. являются: Конституция ФРГ 1949 г., специальные федеральные уголовные законы, уголовное законодательство земель. Особенностью уголовного права ФРГ является то, что оно не полностью кодифицировано. Наряду с УК в Германии существуют многочисленные не кодифицированные нормы, содержащиеся в различных законах, например, Закон об отправлении правосудия по делам молодежи от 4 августа 1953 г. с последующими дополнениями, Закон об атомной энергии 1976 г. и др.

Конституция ФРГ 1949 г. занимает особое место среди источников уголовного права, поскольку она закрепила ряд уголовно – правовых принципов нормотворческой деятельности. К ним относятся ст. 102 – об отмене смертной казни, ст. 103 (3) – “ никто не может быть подвергнут многократному наказанию за одно и тоже деяние на основании общего уголовного закона” и др.

Уголовное законодательство ФРГ постоянно реформируется. Являясь членом ЕС, ФРГ включает в свое уголовное законодательство те изменения, рекомендации, направленные на борьбе с преступлениями международного характера.

Международные конвенции, соглашения, рекомендации ООН так же являются в ФРГ источниками уголовного права, так

Федеральный закон ФРГ от 15 июля 1992 г. «О борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими формами проявления организованной преступности», предусматривающий уголовную ответственность за особо тяжелый случай кражи, совершенной бандой (пар.244), укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершенное бандой в виде промысла (пар.260 а), отмывание денег (пар.261), усилил в 2010 г. уголовную ответственность за совершение корыстных преступлений, совершенных бандой, в связи с рекомендациями Европейского Союза и дополнил УК ФРГ, включив в систему наказаний новый вид – имущественный штраф (пар.43 а).

Основными источниками **уголовного права Франции** являются Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Конституция Франции 1958 г. УК Франции 1992 г., специальные уголовные законы, подзаконные акты, принимаемые исполнительными органами государственной власти.

Действующая Конституция Франции 1958 г. считается источником уголовного права, поскольку в своей преамбуле делает ссылку на декларацию прав и свобод человека и гражданина, как составную часть Конституции и содержит ряд уголовно – правовых норм, закрепляющих общепринятые в Европе принципы уголовного права.

Уголовный кодекс Франции, принятый в июле 1992 г., считается сегодня образцом современного уголовного законодательства развитой капиталистической страны. Он состоит из 7 книг, содержащих нормы об уголовном законе, об объекте деяния, обстоятельствах, исключающих преступность деяния; предусматривает уголовную ответственность юридических лиц.

Особенная часть УК Франции отражает новую иерархию правоохраняемых благ, в которой лидирующее место занимает личность и ее основные права.

Кроме УК Франции 1992 г., уголовно-правовые нормы и институты содержатся в уголовно-процессуальном кодексе 1958 г. и в ряде других специальных уголовных законах.

Источниками **уголовного права Швейцарии** являются Конституция 1874 г., УК Швейцарии 1937 г., федеральные уголовные законы (федеральный закон об уголовном правосудии, Военный уголовный кодекс 1927 г., военный уголовно-процессуальный кодекс 1979 г., федеральный закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних и др.), кантональное уголовное законодательство, иностранное уголовное законодательство.

Однако основным источником уголовного права Швейцарии является уголовный кодекс, который был принят федеральным собранием швейцарского союза 21 декабря 1937 г. и вступил в силу с первого января 1942 г. после того, как в каждом кантоне были изданы законы о введении его в действие. Впоследствии в УК Швейцарии вносились изменения.

Последние новации в УК Швейцарии были внесены в 2012 году.

В Англии не существует уголовного кодекса. По мнению известного английского юриста Кенни, уголовное право Англии представляет собой «конгломеративную массу правил, основанных на древнем праве Англии» (Kenny, Outlines of Criminal Law, Cambridge, 1952, p.6).

Английское уголовное право, в отличие от уголовного права стран входящих в романо-германскую правовую семью, развивалось не в университетах, не учеными – юристами, не доктринально, а юристами – практиками.

Источники английского уголовного права, это: «право судебной практики», когда в решениях судов применяются и создаются нормы права. Правила прецедента или прецедентов права означают обязанность судов придерживаться ранее принятых судебных решений.

В уголовном праве Англии сохраняют значение источники права, так называемые старинные обычаи, многие из которых подтверждены судебными решениями. Для уголовного права Англии характерно своеобразие нормативных понятий, неадекватных континентальному уголовному праву, например, является традиционно английским общее понятие «вина», которое не имеет значения при оценке конкретных видов неправомерного поведения и др.

Основными источниками уголовного права современной Англии являются судебные прецеденты и статуты (парламентское законодательство).

Кроме того, к источникам уголовного права Англии относят подзаконные акты, издаваемые различными правительственными органами, а также доктринальные труды. Большим авторитетом, особенно в Шотландии, пользуются научные труды известных юристов разных поколений, среди них Ходкинс, Фостер, Кока и др.

Говоря об источниках уголовного права Англии, необходимо подчеркнуть значение современных уголовных законов, среди них:

- Закон об уголовном праве 1967 г.,
- Закон о компетенции уголовных судов 1973 г.,
- Закон об уголовном праве 1977 г. и др.

Для **американской правовой системы** характерно сочетание норм общего и статутного права. Особенностью американской правовой системы является то, что она формировалась и развивалась в условиях федерализма. В США существуют 53 самостоятельные правовые системы (50 штатов, федеральный округ Колумбия, Пуэрто-Рико и федеральная юрисдикция США).

Федеральная правовая система действует на всей территории страны, а правовая система штатов – на территории соответствующих штатов.

Конституция США (1787 г.) – одна из старейших конституций в мире и содержит ряд положений, сыгравших значительную роль в формировании и развитии уголовного права США.

Ряд норм Конституции США либо непосредственно уголовно-правового характера, либо имеют отношение к уголовному праву. Среди них такие, например, как запреты на издание законов, имеющих обратную силу; на принятие жестких или необычных наказаний, на лишение жизни и свободы без законного судебного разбирательства и др.

Однако Конституция США не содержит положения, позволяющего определить круг уголовно-правовых вопросов, относящихся к компетенции федерального законодателя. В разделе 8 ст.1

Конституции, после перечисления вопросов, по которым Конгресс имеет право принимать решения, отмечается, что Конгресс может «издавать законы, необходимые для осуществления всех прав, которыми Конституция наделяет правительство США, его департаменты или должностных лиц».

Это конституционное предписание послужило основанием для принятия многих федеральных законов, регулирующих в том числе, и вопросы федерального уголовного права. Большинство этих законов включено в часть 1 раздела 18 Свода законов США, который в 1948 г., актом Конгресса был объявлен единым законом.

Помимо норм федерального статутного права, источниками уголовного права США являются подзаконные акты, издаваемые Президентом, департаментами и ведомствами федерального правительства.

К источникам уголовного права США следует относить также конституции штатов, уголовное законодательство, включая уголовные кодексы, а также подзаконные акты, издаваемые властями штатов.

Каждый из 50 штатов США имеет свою конституцию и свой уголовный кодекс. Наиболее известные из них: УК штата Нью-Йорк 1967 г., УК штата Пенсильвания 1976 г.

Рассматривая источники уголовного права зарубежных стран, обратимся и к вопросу о действии уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Действие уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц в уголовном праве зарубежных странах подчинено общим правилам и принципам и содержится в уголовных кодексах, либо в конституциях, либо в специальных законах.

В странах романо-германской правовой семьи в уголовные кодексы включены нормы, регулирующие время действия уголовных законов, принцип обратной силы уголовного закона и круг лиц, на которых он распространяется.

Так, УК Франции (ст.112-1), определяя время действия уголовного закона, провозглашает: » Наказуемы лишь действия, образующие преступное деяние на момент их совершения. Могут быть назначены только наказания, законно применяемые на тот же момент».

УК Швейцарии (ст.2) предусматривает время действия уголовного закона: «По этому закону осуждается тот, кто совершает преступление или проступок после его вступления в силу».

Параграф 3 постановления о введении в действие УК Финляндии формулирует принцип обратной силы уголовного закона: « к преступлениям, которые совершены во время действия прежнего закона, но по которым до введения УК не состоялось приговора, вошедшего или долженствующего войти в законную силу, применяется из тех законов тот, который менее строг».

Ст.8 УК Швейцарии предусматривает действие закона по кругу лиц: « Этот закон не применяется к лицам, которые должны быть судимы по военному уголовному праву».

В США действие закона во времени и по круг лиц закреплено в Конституции США, Билле о правах и конституциях штатов.

Действие уголовного закона в пространстве в США обусловлено федеративным государственным устройством. В титуле 18 Свода законов США дается определение территории (пар.5), специальной морской юрисдикции (пар.7).

УК Швейцарии наряду с нормой, регулирующей действие уголовного закона в пространстве (ст.3), содержит ряд норм регулирующих применение уголовного закона в отношении преступлений, совершенных за границей (ст.4,5,6). В основе данных норм общепринятые принцип гражданства и территориальный принцип.

На основании принципа гражданства и территориального принципа сформулированы параграфы 1-3, 6 УК Финляндии: «Финляндский гражданин судится по финляндскому закону как за деяние, совершенное на территории Финляндии, так и вне ее пределов, если он впоследствии застигнут в Финляндии или направлен туда для суда над ним».

В ряде стран наряду с принципом гражданства и территориальным в уголовном праве широко применяется принцип флага, как например в УК ФРГ (пар.4) « Уголовное законодательство ФРГ действует независимо от законов места совершения деяния в отношении деяний, совершенных на корабле или самолете, которые правомерно следуют под флагом или опознавательным знаком ФРГ».

Многообразие правовых систем стран мира несомненно едино в особом выделении внутри национальных систем права источников одной из ведущих отраслей права – уголовному праву.

Одной из тенденций влияния на формирование источников уголовного права современных правовых систем являются нормы международного уголовного права, Декларации и рекомендации ООН, решения военных трибуналов, международные договоры.

Список литературы

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
2. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
3. Боброва Н. Конституция в зеркале учёных и политиков. Настольная книга политиков и конституционалистов. – СПб.: Алетейя, 2016. – 256 с.
4. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003. - 264 с.
5. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. - 592 с.
6. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 320 с.
7. Клюканова Т.М. Уголовное право зарубежных стран. – СПб.: СПбГУ, 1998. - 95 с.
8. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
9. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
10. Краус Д., Клюканова Т. Основы уголовного права Германии и России. – СПб., 2000.
11. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. - 240 с.
12. Панов В.П. Международное уголовное право. – М.: Инфра-М, 1997. - 320 с.
13. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. – М.: Юридическая литература, 1993. - 256 с.
14. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
15. Сборник законов США. – М., 1989.
16. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
17. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Голованова Н.А., Еремин В.Н., Игнатова М.А., Козочкин И.Д., и др.; Под ред. и с предисл.: Козочкин И.Д. - М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. - 576 с.
18. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
19. Уголовный кодекс Финляндии. – М., 2000.
20. Уголовный кодекс Франции. – М., 2002.
21. Уголовный кодекс ФРГ. – М., 2000.
22. Уголовный кодекс Швейцарии. – М., 2000.
23. Уголовный кодекс Швеции. – М., 2001.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АЛТЫНКОВИЧ Елена Евгеньевна,
доцент кафедры философии Чувашского государственного университета, кандидат философских наук (г. Чебоксары, Россия)
E-mail: bezdnaneba@mail.ru

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. *Рассматривается информационно-коммуникативная компетентность как одно из важнейших направлений совершенствования роста личности. Анализируются происходящие в наше время трансформации в информационно-коммуникативной сфере культуры, отмечается необходимость творческого подхода в применении информационных технологий для решения проблем нестандартных ситуаций.*

Ключевые слова: *информационно-коммуникативная компетентность личности; информационные технологии; мультимедиа; экранная культура; компетентностный подход.*

ALTYNKOVICH E.E.

INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE OF THE INDIVIDUAL AS A SOCIAL VALUE AND INFORMATION CULTURE

The summary. *Information-communicative competence is considered as one of the most important directions for improving the growth of the individual. The current transformations in the information and communication sphere of culture are analyzed, the need for a creative approach in the use of information technologies for solving the problems of non-standard situations is noted.*

Key words: *information-communicative competence of the individual; Information Technology; multimedia; screen culture; competence approach.*

Рассмотрение понятий «компетентность» и «культурная компетентность» приводит нас к раскрытию важных особенностей информационно-коммуникативной компетентности [2].

Понятие «коммуникация» анализируется в самых разных аспектах (А.П. Садохин, Н.Б. Кириллова, Ю.М. Орлов, Л.М. Землянова). В них коммуникация истолковывается как взаимоотношение между людьми, взаимосогласие, комплексный процесс передачи информации и другое.

Отталкиваясь из наличествующих подходов и позиций, А.П. Садохин отмечает: «коммуникация – это социально обусловленный процесс обмена информациями разного уровня и содержания, передаваемые целенаправленно с помощью

разных методов и имеющие своей целью достижения взаимосогласия между участниками и осуществляемые в рамках определенных правил и норм» [30].

Излагая информационно-коммуникативную компетентность личности, необходимо учитывать определенные аспекты семиотического подхода в лингвокультурологических изучениях, позволяющие конкретизировать данное понятие [14].

В пределах данного подхода информационно-коммуникативная компетентность содержит лингвистическую компетентность. Согласно Э.А. Орловой, «лингвистическая компетентность – коммуникативные характеристики, определяющие грань обладания языком в процессе обмена информацией, в соответствии со следующими параметрами:

- правильность – отвечает высказываниям, признанным в культуре грамматическим условиям;
- реализуемость – умение осуществлять контроль над размером и смысловой глубиной грамматически точных высказываний;
- приемлемость – соответствует высказываниям определенной социокультурной ситуации;
- встречаемость – частота, возможность использования языковой единицы» [26, стр. 464].

Равным образом, информационно-коммуникативная компетентность намеревается освоить не только традиции, образцы и стили поведения, мир символов, идеи и ценности, но и формировать у человека знания, дающие видение предметов в конкретном виде и смысловой связи, позволяющие в момент становления опыта упорядочить, разбивать информацию по типам, видам, уровням в соответствии целостности мира [42]. Подобное концептуальное познание является конструктивно-организующей основой, основывающее информационно-коммуникативную компетентность личности, что способствует ее становлению в конкретном обществе.

В результате зарождающихся «кооперативных эффектов в сложных антропо-социо-культурных системах от личности требуется, как понимание специфики современных социальных моделей, так и умение проявлять находчивость в многоплановых дискурсах осмыслений (Интернет-среда, медиа-пространство и тому подобное), появляющихся в период совершенствования ИКТ, роста уровня их влияния на человека» [12]. Итак, следует подметить, что информационно-коммуникативная компетентность полагает как синхронное творческое постижение личностью социокультурной практики и традиций, так и открытость личности нововведениям. При этом надо иметь в виду, что и одно направление совершенствования роста личности (постижение социальной практики и традиций [32; 33; 34]), и другое (открытость нововведениям) одинаково значимы.

Структура информационно-коммуникативной компетентности личности строится с позиции имманентного урегулированного совмещения общих, особенных и единичных показателей человека, формирующих комплекс свойств, допускающих людям реализовывать коллективную деятельность, меняться информацией, при этом выражать личностную инициативность.

«Информационно-коммуникативная компетентность» состоит из следующих элементов:

- креативный – отображает общие интеллектуальные способности и творческие качества, стремление вырабатывать новые идеи и принятие решений мотивационного характера на применение ИКТ и самоорганизацию, применение новых подходов при реализации деятельности;
- когнитивный – отображает процессы перерабатывания информации на базе микрокогнитивных действий, то есть, рассмотрение входящей информации, формализация, сопоставление, подведение итогов, объединение с существующими базами сведений, разработка версий применения информации и предсказывание результатов исполнения решения проблемного обстоятельства, генерирование и предсказывание применения свежей информации и взаимодействие её с существующими базами сведений, создание сохранения и возобновления информации в долговременной памяти;
- ценностно-мотивационный – создает условия, способствующие вступлению личности в мир ценностей, оказывая помощь в выборе значимых ценностных направлений; характеризует уровень

мотивации личности, влияющие на его взгляды как к профессиональной деятельности в частности, так и к жизни в целом;
- коммуникативный – отображает знание, постижение, использование языков и другие виды знаковой системы, технические средства коммуникации в ходе трансляции информации от одной личности к другой при помощи многообразных форм и методов коммуникаций (вербальных, невербальных);
- рефлексивный – охватывает осмысление своей степени саморегуляции, где злободневные функции самосознания заключаются в независимости своим поведением, и ростом самосознания, самореализации;
- технологический – отображает осмысление взглядов работы, потенциал и ограничения технических устройств, предназначенные для автоматизированного поиска и переработки информации; освоение разницы автоматизированного и автоматического исполнения информационных процессов; знание систематизировать задачи по типам с предстоящим решением и предпочтением определённых технических средств в зависимости от их важнейших показателей; содержит в себе осмысление сути технологического подхода к осуществлению деятельности; багаж знаний об особенностях системы информационных технологий по анализу, обработке и сохранению информации; выявлению, формированию и прогнозированию потенциальных технологических стадий по обработке информационных потоков; технологическая практика и умение трудиться с потоками информации.

Исходя из рассмотренного можно отметить, что личность, владеющая информационно–коммуникативной компетентностью, – это «цельная, способная к инициативному формированию концептов как единиц ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающей сведение и опытность индивида, концептов как интерпретаторов смыслов, сформировывающихся в иерархические, ассоциативные семантические сети» [24, стр. 90-100]. Эта личность, как раскрывающая ценностно-смысловое измерение действительности, так и приспособленная принимать участие в формировании новейших общественно-важных значений культуры.

Происходящие трансформации в информационно-коммуникативной сфере нынешней культуры говорят о закреплении разнообразных форм новых образов культуры. Одной из форм является экранная культура – современный вид культуры постиндустриальной цивилизации, связанная с формированием коммуникационных технологий и применением электронно-технических средств организации, трансляции, восприятия и генерирования информации, обуславливающая изменения структуры мышления, воздействующая на ментальные уровни сознания, методы существования человека в культуре. Ввиду этого, возникновение и распространение экранной культуры может привести к трансформированию картины мира современной личности. Характерными чертами экранной культуры являются потенциал дистанционной передачи информации, видоизменяющееся диалоговое свойство взаимных отношений и связей экранного текста с получателем информации. Экранная культура содействует диверсификации и мультипликации основ образования. Бесспорно то, что образование в обстановке господства экранной культуры не является методом приобретения готовых знаний, производит информационный обмен личности с окружающими людьми. Результативность воспринимания информации зависит от способности личности постижения данной информации, его социальных и культурных установок.

Как отмечают О.Н. Астафьева, О.В. Шлыкова, развитые информационные технологии совершают процесс объединения информации в целостную систему, включая в свой состав вербальную, визуальную и звуковую компоненты – мультимедиа. С помощью мультимедийных программ, находясь рядом с компьютером, можно получить консультации у специалистов разной области, оплатить счета, приобретать билеты, товар, следить за объемными изображениями объектов, моделирование конкретных обстоятельств. Мультимедийные системы городской информации помогают осваиваться в инфраструктуре различной социальной области, не исключение и профессиональная деятельность, образование, наука и культура. Мультимедиа помогают в получении всесторонних ответов на возникшие проблемы [6; 40].

Мультимедийные презентации на сегодняшний день – это как современный вид рекламы, утверждает О.Н. Шлыкова, где применяются различные средства представления информации в виде текстов, изображений, звуков, видео, анимации, так и вид деловой предприимчивости, направленные на результат всевозможных управленческих задач. Презентации в состоянии содержать в себе: анимированные ролики, фото и видеоматериалы, двухмерную и трехмерную графику, дикторское озвучивание, музыкальное оформление, в том числе и масштабные информационные материалы с текстами и схемами. В наши дни мультимедиа презентации – современный и действенный метод представления информации для потребителей, компаньонов и инвесторов, где преимущества таких презентаций проявляются в эмоциональной притягательности и очевидности информации; вескости; информационноемкости; сжатости и практичности хранения [40, стр. 415].

Данные презентации успешно применяются в области науки и образования. Примером может служить статья-презентация, опубликованная профессором В.В. Лазаревым «Право и революция» в журнале «Юридическая наука: история и современность» [21] и вызвавшая активную дискуссию [1; 3; 7; 17; 19; 20; 22; 23; 38; 41], а также арт-инсталляция В.В. Крусса «Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи»» [19], как участника данной дискуссии. Здесь же можно упомянуть презентации новых книг и экспозиции. Систематичнески проводимые в Президентской библиотеке и транслируемые во многие города России с помощью медиасредств и использования телемостов. Скажем, большое оживление вызвала экспозиция «Утвердить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех..», развернутая в выставочных залах Президентской библиотеки с 20 ноября 2014 г. по 26 января 2015 г., приуроченная к 150-летию Судебной реформы, заложившей основы современной системы правосудия [36].

Судебная реформа 1864 года – одна из самых значимых и фундаментальных реформ второй половины XIX века в России [4; 5; 16; 18; 25; 27; 28; 35; 39].

Основные этапы работы над судебными уставами можно проследить по одному из важнейших источников того времени – «Делу о преобразовании судебной части в России», составленному в 1866 году С.И. Зарудным. 74 тома законопроектных материалов, документов, законодательных актов были представлены в электронном фонде Президентской библиотеки. Благодаря современному мультимедийному оборудованию посетители выставки могли полистать электронные страницы этих томов.

В основу выставки легли архивные документы и книжные издания из собраний ведущих библиотек, архивов и музеев Российской Федерации, в том числе Санкт-Петербурга, а также фондов Президентской библиотеки. Нам кажется, это яркий пример использования мультимедийных возможностей для повышения правовой культуры населения.

Результативным средством жизнедеятельности экранной культуры становится Интернет, который как социокультурный феномен непростой и разноречивый. Интернет виртуализирует зону культуры, вовлекая в него колоссальные массы людей.

Появление современного электронного типа коммуникации продвигают вопросы по его изучению и регулированию организационных, правовых, нравственно-этических, социокультурных взаимодействий в Интернет-пространстве, также производит хранение и перенесение культурного наследия в электронные носители.

Все это, по утверждению О.Б. Скородумовой приводит к необходимости разработки современных в образовательных систем. По ее мнению, развитие дистанционного образования предполагает совершенно новые возможности получения знаний, обучаясь параллельно в ряде вузов в пределах одной страны, так и за ее пределами. На сегодняшний день есть возможность модульного образования, возможны транслирования лекционных занятий через сайты и скайпы, по всему миру. Таким же образом возможно проверить остаточные знания студентов и практические занятия с последующей аттестацией (при помощи электронной почты, чатов, аналитических систем тестирования и т.д.).

Исходя из этого, О.А. Захарова делает свои заключения, что «… изменения, связанные с информатизацией, технологизацией, виртуализацией и медиатизацией культурного пространства,

усиливая средства передачи социокультурного опыта, в то же время опускают некоторые традиционные для формирования личности социокультурные технологии, что устремляет поиск в новое направление и ведет не только к решению проблем адаптации человека к современным злободневным обстоятельствам, но, преимущественно, – к новому постижению мира и выстраиванию личных перспектив творческой самореализации в контексте проистекающих модификаций, в том числе информационно-коммуникативной компетентности» [10, стр. 87].

Следовательно, информационная культура, как открытое образование, имеет намерение на инициативное самосовершенствование личности в глобализационной обстановке информационного пространства, что в действительности можно достигнуть включая человека в непрерывное образование, которое охватывает:

- профессиональное повышение квалификации и переподготовку в системе высшего и послевузовского образования, сформированную на обучение современным информационным технологиям;
- типологические курсы повышения квалификации по информационной культуре;
- самообразование (самообучение), как направление роста восприимчивости к инновациям и формирование способностей стремительного постижения современных информационных форм.

В современных ситуациях при стремительном развитии информационных технологий нередко встречается несоответствие между высоким уровнем последних технологий и слабым уровнем умения их применяющих, когда необходим творческий подход в применении информационных технологий для решения проблем нестандартных ситуаций. При данных обстоятельствах, по мнению А.И. Попова, личность должен соответствовать «чертам личности инновационного типа, в числе которых исследователь отмечает следующие:

- интерес к переменам, способность отойти от господства традиций, устанавливая перспективы развития и соответствующие им общественные механизмы;
- умение творчески и креативно мыслить;
- способности отыскивать идеи и возможности их оптимальной реализации;
- системно и прогнозируя подойти к отбору и организации нововведений;
- ориентация в условиях неопределенности и способность подсчитать вероятный уровень риска;
- созданные знания к рефлексии и самоанализу» [29].

Инновационный тип личности – личность открытого типа, готовый воспринимать современную модель культуры и соответствующие ей технологии; инновационный информационно-коммуникативный обмен внутри профессиональной управленческой сферы; исключение неоднородности смыслов коммуникационного обмена в результате безграмотной трактовке кодов и символов информационной культуры.

Главным принципом информационно-коммуникативной компетенции выступает постижение инструментальных средств информационной техносферы. На данный момент к ним причисляют: программно-технические средства информационных технологий и коммуникаций в комплексе. Они включают не только подготовку, хранение, обработку, переработку, но и копирование информации (знаний) с помощью различной техники. Не менее значимое место, по утверждению К.К. Колина занимают «средства, методы и социальные структуры, оказывающие содействие на воспроизводство и созревание инфосферы, на информационную культуру общества и ее интеллектуальный потенциал» [15, стр. 12].

Из этого следует, информационно-коммуникативная компетентность профессионала в современных социокультурных трансформациях подразумевает, умение культивировать новые виды знания, развитие культуры, работы с современными первоисточниками информации, включая Интернет, вероятность «коммуникации» с экраном в режиме онлайн, как с целью реализовать свои идеи, применив совершенства виртуального мира, так и с тем, чтобы пополнить свой багаж знаний.

Следовательно, методами постижения информационно-коммуникативной компетентности, как умение личности осуществлять требования в информации – в знаниях, практике, сравнительно обусловленной форме деятельности выступают:

- введение, постижение и применение в трудовой деятельности современные формы и методы воздействия в

информационно-коммуникативной зоне, сформированные как открытые, креативные, инновационные, системные, рефлексивные и сетевые взаимодействия;
- увеличение границ деловой культуры профессионала в ситуации информационного общества и внесение корректировок в работу с информационно-коммуникативными системами, куда можно отнести отчетливость, стремительность, верность, избирательность.

Итак, на современном этапе стремительно создающихся ИКТ требуется своевременная подготовка людей к новейшим направлениям профессиональной деятельности в высокоавтоматизированной сфере, подготовить их самостоятельно функционировать в ней, результативно применяя ее потенциал.

Происходящие перемены в обществе, связанные с научно-техническим прогрессом до такой степени велики, что личность пройдет адаптацию в информационном обществе только тогда, когда обучение в нём будет проистекать в процессе всей жизнедеятельности. В связи с чем, доступное образование и обучение, повышение квалификационного уровня личности необходимы в течение всей трудовой деятельности при непрерывном формировании мировоззрения информационного общества путём развития и роста информационной культуры.

В то же время, информационная культура – та духовная сила, способная сплотить людей, которые разделены по экономическим, политическим, социальным, межнациональным противоречиям. Постижение информационной культурой укрепит независимость к медиасредствам и сберечь духовно-нравственную иммунность, а также творческую индивидуальность.

В этой связи, Н.И. Гендина пишет, «культурологизация – это соотнесение образовательного процесса, регламентированного стандартами и конкретными задачами профессиональной подготовки, с широким потенциалом культуроведческого – конкретнонаучного знания, позволяющего формировать фактологический фундамент и порой на деятельностный и технологический подходы» [9, стр. 77]. В контексте изучаемой проблемы Л.А. Василенко выделяет следующий ряд позиций: «инновационность, опережение, целостность модифицированной системы знания в системе образования в динамике, сохраняя фундаментальность и научность, непрерывность и преемственность процесса образования. По ее мнению, комплекс этих принципов с одной стороны, создадут условия построить собственную образовательную траекторию каждому обучающемуся, а с другой – организуют условия для непрерывной деятельности системы применения новых профессиональных особенностей подготовленных работников» [8, стр. 375].

Соответственно, это приведет к тому, что в системе информационного образования возрастет значение компьютерных технологий обучения, используемые в пределах последующих методов:
- информационный метод, предполагает исполнение познавательной деятельности занимающегося с помощью применения базы данных и багажа знаний, гипертекстов;
- метод компьютерного моделирования, предполагает развитие познавательной деятельности, основанной на применении математической и логико-лингвистической модели;
- метод автоматизированного обучения и проверки знаний, предполагает развитие познавательной деятельности на базе применения автоматизированных обучающих систем, порядок тестирования и мультимедиа;
- игровые методы предполагают познавательную деятельность, где будут использоваться компьютерные деловые игры, экспертные системы.

По А.П. Садохину, «моделирование – способ обучения, с помощью которого приобретаются необходимые знания, в основе изучения лежат искусственные модели (условные образы, схемы и процессы) соответствующие ситуации межкультурного общения» [30, стр. 266].

Основываясь на стандарты высшего образования, Л.А. Василенко выделяет «следующие модули:
- фундаментальные – для обеспечения освоения теоретико-методологической основы современного миропонимания, являются контекстной основой содержания любой программы, сохраняет отечественные научные, социокультурные и гуманитарные традиции;

- устремленные на стратегическое управленческое мышление;
- сосредоточенные на практическое овладение профессиональной деятельности инновационного характера и на приобретение навыков внедрения новшеств в практику;
- обращенные на организации современной инновационной управленческой сферы;
- направленные на современные методы разработки, принятие, исполнение и контроль управленческих решений;
- сконцентрированные на современные методы коммуникации и сетевых отношений;
- наведенные на приобретение опыта независимого самообновления системы знаний» [8, стр. 371-372].

Телеконференции, web-форумы, разного характера встречи, обсуждение проблем разного направления на различном уровне, связи, используя электронную почту, коммуникации в ICQ – это современные интерактивные формы коммуникации в культуре на рубеже столетий, в ходе которого возникает неисчерпаемый потенциал для роста творческой инициативы профессионалов.

Профессионалы должны, как осмыслить дефиницию «информационно-коммуникативная компетентность личности», так и выработать точку зрения об уровне зрелости своей информационно-коммуникативной компетентности, обусловить линию ее последующего формирования.

На современном этапе, сложность коммуникаций идет рука об руку раскручиванием особых средств подготовки профессионалов к стабильно обновляющимся условиям общения. Известным средством является тренинг. Термин «тренинг» всегда сопровождается с совокупностью упражнений, как результат научной разработки по особой методике, выполняемый с квалифицированным специалистом. Тренинг это мероприятие плановое, где формируются и совершенствуются способности и профессиональные навыки в той или иной сфере человеческой деятельности с помощью всевозможных упражнений. На сегодняшний день встречаются множество мнений на значение тренинга в формировании и усовершенствовании информационно-коммуникативной компетентности личности: приверженцы одной позиции полагают, что тренинг вызван компенсировать нехватку квалификации и практического опыта, которые не предоставляются системой образования и социализации, сторонники другой позиции считают, что тренинг необходим, чтобы соответствовать историческим вызовам времени, обусловленным динамикой современных процессов.

Необходимо отметить, что на рубеже столетий аудиовизуальная медиакультура основательно задвинула книгопечатное слово, а экранная форма творчества незаметно подменила традиционные искусства, или служит новейшим средствам их тиражирования. Находясь во взаимодействии с непростыми и разноречивыми общественными процессами, экран предопределил предназначающую роль в демократизации культуры и появлению ее новых видов. В итоге, как отмечает Н.Б. Кириллова, поменялась «социально-культурная ситуация в мире в целом, связанная с трансформацией видов коммуникации и принципов взаимодействия, формированием глобальной медиасреды» [13].

Наряду с положительным значением, данная ситуация порой влечет за собой и отрицательное воздействие на человека [11; 31; 37], что также нельзя игнорировать.

В то же время исследование показывает, что предлагаемая аксиологическая модель личности наполняется новым содержанием, необходимыми информационно-коммуникативными, культурными компетенциями (как составляющие общекультурных компетенций) и профессиональными, в структуре их ценностей лежит понятие о гуманистическом образе личности, которая является проводником ценностей и убеждений, усвоенные ею в современном образовании. Вместе с тем, образование для личности выступает стратегическим ресурсом «общества знания», ориентированным на осуществления культурных потребностей и успешную реализацию профессиональных задач.

Исходя из проведенного исследования, необходимо сделать следующее заключение.

Итак, компетентностный подход при разработке государственного образовательного стандарта высшего образования своевременный и необходимый процесс, поскольку суммарный оценочный балл по качеству подготовки студента-бакалавра возможно получить лишь при установлении его компетентности в

выбранном направлении.

Компетентностный подход предполагает новую модель образования, содержание которой нацелено на умение выпускников вузов решать проблемы, возникающие в процессе познания действительности, во взаимоотношениях с людьми и при выполнении ими различных социальных ролей.

Общекультурные компетенции нами понимаются как личностное развитие студента: самопознание, самореализация и самоопределение; ориентируется в пространстве культуры и может вести диалог с другими культурами; способный применять приобретенный багаж профессиональных знаний и умений в практической деятельности. Элементами общекультурных компетенций являются национальная и общечеловеческая культура; духовно-нравственные устои: взаимоотношений; социальных явлений; традиций; мировоззренческие взгляды, убеждения, ценности, идеалы; в итоге то, что предопределяет морально-нравственные характеристики личности (студента).

По мнению автора, общекультурная компетентность – совокупность запаса сведений, способностей и практики, накопленный опыт творческих занятий и определенные духовные ценности, позволяющие быть полноценной личностью культуры соответствующего общества.

Формирование общекультурных компетенций студента – профессионально-значимые интегративные качества личности, включающие в свой состав когнитивные, ценностно-ориентационные, коммуникативно-деятельностные компоненты, составляющие единство его общей и профессиональной культуры. В состав общекультурных компетенций включаются все базовые функции культуры.

Для эффективного достижения общекультурных компетенций студентов необходимо определить комплекс технических средств, формы и методы обучения, технологии организации учебно-воспитательной деятельности в учебном заведении.

Каждому этапу формирования информационного общества соответствует определенная степень развития компетенций личности.

В начале XX века – это были способности («мастерство», «квалификация»), неизменные качества, актуальные для личности в плане выполнения конкретных задач.

В настоящее время «компетенция» выступает стратегическим ресурсом «общества знания», ориентированным на удовлетворение возрастающих культурных потребностей и творческую реализацию личности в различных видах деятельности (научной, образовательной, производственной, профессиональной, досуговой и пр.).

Список литературы

1. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
2. Алтынкович Е.Е. Компетенции личности как ценность и стратегический ресурс «общества знания» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 173-181.
3. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
4. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
5. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
6. Астафьева О.Н., Колин К.К., Суконкин В.А. Формирование культурных ценностей общества в условиях развития информационных технологий // Культурное наследие в условиях информационного общества. Коллективная монография. – Челябинск: ЧГАКИ, 2011. – С. 76-90.
7. Булатов Р.Б. О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 37-42.

8. Василенко Л.А. Инновационная подготовка государственных служащих // Инноватика государственного управления: прорыв в будущее: Материалы международной научно–практической конференции. – М.: Проспект, 2006.
9. Гендина Н.И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации // Открытое образование. – 2005. – № 6.
10. Захарова О.А. Информационно–коммуникативная компетентность государственных служащих в условиях современных социокультурных изменений: Дис. … канд. филос. наук. – М., 2007.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
12. Каган М.С. Общее представление о культуре // Введение в культурологию: Курс лекций / Под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 6-14.
13. Кириллова, Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика: Учебное пособие. – М.: Академический проект, Культура, 2008. – 496 с.
14. Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 60-67.
15. Колин К.К. Современное общество на пути к информационной цивилизации // Теория и практика применения информационных технологий в структурах государственной службы: Сборник научных статей. – М.: РАГС, 2003.
16. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. - 384 с.
17. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
18. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989. – 240 с.
19. Крусс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 30-37.
20. Крусс В.И., Крусс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
21. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
22. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
23. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
24. Микешина Л.А. Философия науки. – М.: Изд-во Флинта, 2005. – 464 с.
25. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 1999. - 403 с.
26. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический проект, 2004. – 480 с.
27. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
28. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
29. Попов А.И. Психолого-педагогические особенности подготовки специалиста к инновационной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 7. – С. 88-90.
30. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.
31. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
32. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
33. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
34. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
35. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.

36. «Утвердить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех…». К 150-летию Судебной реформы 1864 года. – СПб.: Президентская библиотека, 2014. – 6 с.
37. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
38. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
39. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
40. Шлыкова О. В. Культура Мультимедиа. – М.: Фаир–Пресс, 2004. - 415 с.
41. Юрковский А.В. Отображение революции в конституционно-правовом регулировании Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 42-52.
42. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Leipzig: Elibron Classics, 2007. – 620 S.

ГЕР Олег Евгеньевич,
доцент кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: oeger60@gmail.com

ИВАНОВСКАЯ Анна Евгеньевна,
доцент кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ С.А. КОТЛЯРЕВСКОГО

Аннотация. *Анализируются политико-правовые концепции С.А. Котляревского. Рассматривается отношение ученого к советской власти, его участие в деятельности нелегальных политических объединений. Отмечается, что С.А. Котляревский правильно представлял экономические и социальные процессы в стране, но в двадцатые годы его многочисленные правовые наработки оставались невостребованными.*

Ключевые слова: *С.А. Котляревский; либерализм; патриотизм; гражданственность; гражданин; политические течения; государственное строительство.*

GER O.E.
IVANOVSKAYA A.E.
SAL'NIKOV S.P.

FORMATION OF POLITICAL AND LEGAL CONCEPTS OF S.A. KOTLYAREVSKY

The summary. *The political and legal concepts of S.A. Kotlyarevsky. The attitude of the scientist to the Soviet power, his participation in the activity of illegal political associations is considered. It is noted that despite the fact that S.A. Kotlyarevsky correctly represented the economic and social processes in the country, in the twenties his numerous legal developments remained unclaimed.*

Key words: *liberalism; patriotism; citizenship; citizen; political currents; state construction; state development; state building; nation building; S.A. Kotlyarevsky.*

Либерализм требует не только людей и идей, но и определенную среду, в которой эти идеи будут развиваться.

Об этом свидетельствует в том числе и опыт

развития либерализма в России, взять то период XVIII – начала XX века и проанализировать документы, отражающие этапы развития русской либеральной конституционной мысли [5; 9] или этапы развития русской конституционной мысли в период Первой русской революции (1905-1907 годов) [4; 20].

Появившиеся политические партии в России преобразовали либеральную доктрину. Их теоретики полагали, что будущее за широкой социальной реформой: национализацией земель, необходимостью существенного ограничения верховной власти, принятия конституции, предполагающей гарантию прав личности вне зависимости от национальной, конфессиональной и сословной принадлежности. Новый либерализм основывался на синтезе социалистической и либеральной доктрины. Политические партии в России, конечно же, имели разные программы переустройства государственной и общественной жизни в стране, но либерализм – это не только идеи, это еще необходимая социальная среда для их восприятия, которой России явно недоставало. Это и явилось той причиной, в результате которой либеральные идеи так и остались идеями.

С.А. Котляревский в своих работах неоднократно указывал, что Октябрьская революция не была для него неожиданной. Всячески осуждая бойкот, которого придерживалась значительная часть русской интеллигенции по отношению к новой власти, С.А. Котляревский и сам считал, что эта власть долго не продержится, более того, первоначально он ее не принял. В 1918 году в сборнике «Из глубины» он написал: «На наших глазах произошло величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа» [11, стр. 212]. После октябрьских событий стал активно участвовать в многочисленных нелегальных антисоветский организациях: «Правый центр», «Национальный центр» и.т.д. [7, стр. 8].

В тоже время он занимает более активную и практическую позицию по отношению к новому государству: после революции он активно выступает в печати, в соединенном заседании университетских обществ, а также в других организациях. Когда же при «Союзе земельных собственников» образовалась экономическая комиссия, занимавшаяся вопросами Брестского мира и его последствиями для аграрного хозяйства, то С.А. Котляревский активно участвует в ее работе. Однако вскоре он признал, что большевики были правы, заключив мирный договор с Германией.

Исследование журналов заседаний Временного правительства за июль-август 1917 г. свидетельствует, что, оставаясь ординарным профессором Московского университета и внештатным профессором Московского коммерческого института, С.А. Котляревский первоначально становится комиссаром Временного правительства с правами товарища министра внутренних дел по делам инославных и иноверных исповеданий, товарищем Оберпрокурора Святейшего Синода, товарищем министра исповеданий, а с августа 1917 г. – товарищем министра исповеданий [6].

Некоторое время С.А. Котляревский работал в Военно-промышленном комитете, что позволило ему ознакомиться со статистическими и иными материалами экономического развития России. Кроме этого ему приходилось наблюдать столкновения германофильского и союзнического течений, расколовших окончательно сословие предпринимателей разного уровня, что было пагубно для России.

После революции С.А. Котляревский продолжает заниматься политической деятельностью, в частности, участвует в деятельности «Совета общественных деятелей», который был выделен Московским совещанием в августе 1917 г. и начал регулярно собираться лишь в феврале – марте 1918 г.

С.А. Котляревский также в этот период посещал заседание Московской группы Национального центра, однако после образования последнего, деятельность Совета ограничивалась составлением различных записок и меморандумов по вопросам законодательства. Практической работы он никогда не вел. По утверждению С.А. Котляревского и других членов Совета, разработка законодательных материалов, с одной стороны, способствовала более точному «выявлению взглядов членов Совета по различным вопросам государственного строительства, с другой – подготовка проектов по важнейшим областям управления для пересылки их по возможности на юг или же для того, чтобы иметь под рукой на тот случай, если бы в Москве пала Советская власть» [6].

Анализ документов, которые разрабатывал С.А. Котляревский, свидетельствует, что это были, в основном, предложения и проекты об избирательном праве, об автономии и федерации, о местном управлении и самоуправлении,

о восстановлении деятельности министерств, о полиции и др.

Более радикальной политической организацией являлся Национальный центр, созданный в мае-июне 1918 г. Новая организация включила в свой состав представителей практически всех несоциалистических партий, течений и групп (кроме крайне правых). С.А. Котляревским, совместно с М.Федоровым, была подготовлена «Декларация национального центра». Он же принимал участие в создании программы деятельности центра, которая впоследствии попала в руки ВЧК. Программа предусматривала создание в России, в качестве органов государственной власти, учреждений с чрезвычайными полномочиями для наведения порядка в стране. Примечательно, что такого рода стремления не базировались на анализе реальной обстановки в стране, участники Национального центра никого не представляли, их активность лишь поощряла красный террор, развернутый большевиками в середине 1918 года [17].

Одновременно с программой центра в этот период С.А. Котляревский разрабатывает законопроекты и тезисы по различным вопросам государственного строительства и для этой цели привлекает профессоров права Л.Б. Кафенгауза и П.А.Плетнева. Имя С.А. Котляревского упоминается и в материалах по расследованию деятельности Тактического центра, который был организован на основе Национального центра, Союза возрождения и Совета общественных деятелей в конце 1918 г. [6].

Но справедливо отметить, что отношение к советской власти у С.А. Котляревского неизменно оставалось двусмысленным. Он не хотел и не имел возможности с ней бороться и всячески стремился избежать с ней соприкосновения. Но в это же время С.А. Котляревский заявляет, что А.И. Деникин и А.В. Колчак для России тяжкий грех. Он излагает свои взгляды в публичном сообщении в марте 1919 г. в Кооперативном клубе в Москве, где говорит, что с Советской властью ведут борьбу много достойных людей, но, по его мнению, только эта власть может ввести в России порядок и дисциплину. Ведь единство и неделимость России только форма, главное, чем будет жить неделимая Россия… «Как историк, я чувствовал, что возврата к старому нет в гораздо более глубоком смысле, чем это понимают. Ни одна антибольшевистская группа не внесла своего положительного содержания в смысле этого нового… Огромные же недостатки большевизма связаны с огромностью самого влияния русской революции и открывающихся из нее мировых перспектив» [22].

В конце 1919 – начале 1920 гг. С.А. Котляревский обращается в ряд советских учреждений с предложением применения своих знаний. Известен его вклад в организацию работы Красного Креста. И хотя эта работа не удалась, все же были установлены контакты с подобными организациями зарубежных стран, что спасло многие человеческие жизни. Ученый также активно начинает заниматься транспортными проблемами, работая в качестве служащего в Трамоте ВСНХ. По этому поводу он отмечал, что эта работа дала большое удовлетворение и есть все возможности для расширения транспортного сообщения на территории России. Чуть позже С.А. Котляревскому пришлось работать в Комиссариате юстиции [13, стр. 308].

По приглашению Л.Б.Каменева С.А. Котляревский начинает работать секретарем комиссии по национальным и федеративным вопросам – т.е. в той области, в которой он занимался всегда. Отсутствие преследований со стороны советской власти, вплоть до начала 1920 г., позволило С.А. Котляревскому не только заниматься общественной деятельностью и находится на службе советской власти, но и получить уверенность в прочности своего положения. Он заявляет в этот период, что «…в условиях наличного строя для русской интеллигенции возможно весьма широкое и интересное применение своих сил. Все это налагает обязательства, которые должны быть выполнены и могут быть выполнены лишь лояльным отношением к Советской власти и действительно полезной работой. То и другое я, оставаясь беспартийным и, конечно, не выдавая себя за обратившегося коммуниста, хотел бы выполнить полностью» [13, стр. 308].

Вероятнее всего, уверенность в прочности и лояльности отношения власти к нему была ошибочной.

В начале 1920 г. ВЧК арестовала некоторых лиц, которых подозревали в контрреволюционной деятельности, среди которых оказался и С.А. Котляревский. Аресты осуществлялись в рамках реализации дела так называемого «Тактического центра». По мнению некоторых современников, дело спровоцировали

сами подозреваемые. Например, известная русская художница и писательница Мария Владимировна Волошина-Сабашникова (1882-1973) в своих мемуарах писала: «Дело возникло только из-за показаний некоторых членов группы, арестованных по другим причинам и из нервозности и позывам к литературному творчеству, давших во время допросов такие характеристики своим товарищам, как политическим величинам, что возникло подозрение о политической акции» [3, стр. 292]. В своих показаниях подозреваемые очень подробно вели речь о деятельности различных нелегальных политических объединений, таких как «Совет общественных деятелей», «Торгово-промышленный комитет», «Союз земельных собственников», «Правовой центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России». И это в условиях политической ситуации февраля 1920 года. По мнению Л.В. Завьяловой, дело «Тактического центра» – противоречивая страница в жизни С.А. Котляревского. Скажем, С.П. Мельгунов, также проходивший по этому делу, подозревал его в предательстве и считал, что он, работая на предварительное следствие, дал показания, которые «обосновали точку зрения, желательную для следствия» [18, стр. 156]. Кроме того, в 1924 г. С.П. Мельгунов опубликовал интересную записку С.А. Котляревского о «Национальном центре» [16, стр. 123- 142].

Вместе с тем сам С.П. Мельгунов подчеркивал, что все подозреваемые по этому делу «во время предварительного следствия не держались тактики молчания» [18, стр. 141].

После окончания следствия по делу «Тактического центра» в августе 1920 года перед судом Верховного революционного трибунала оказалось 28 человек, среди них: Д.М. Щепкин, С.М. Леонтьев, С.Е. Трубецкой и С.П. Мельгунов; члены «Совета общественных деятелей» и «Национального центра», профессоры В.М. Устинов, Г.В. Сергиевский, В.С. Муралевич, в том числе и С.А. Котляревский; П.Н. Коптерев и М.С. Фельдштейн и др. Судебное заседание продолжалось с 16 по 20 августа 1920 года. Интересно то, что обвинителем по делу выступил Н.В. Крыленко, и он подчеркивал в обвинительной речи отрицательную роль русской интеллигенции в деле октябрьской революции. В частности, он говорил: «в этом процессе мы будем иметь дело с судом истории над деятельностью русской интеллигенции... начиная от малозначительной фигуры Малеиной, типичной интеллигентки, окончившей Высшие педагогические курсы, от молодого представителя интеллигенции Пучкова – до убеленных сединами профессоров, авторов научных фолиантов, как Котляревский, до бывших помещиков, собственников и фабрикантов, представители которых также сидят перед нами, – все подсудимые принадлежат к этому социальному слою, к интеллигенции» [14, стр. 62]. Обвинитель требовал для основных фигурантов жестокого наказания, для С.А. Котляревского, В.М. Устинова, Н.Н. Виноградского и Г.В. Сергиевского – десять лет изоляции от общества, с поражением в правах – запрещением в последующем заниматься советской работой. Он требовал и «обезопасить Советскую власть от этих перевертней и хамелеонов» [14, стр. 79].

Суд признал подсудимых виновными, участниками контрреволюционных организаций, имеющих целью ниспровержение революционной власти, уничтожение завоеваний Октября и возвращение диктатуры буржуазии с помощью вооруженного восстания и обеспечения всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте. Подсудимых приговорили к расстрелу, а потом заменили его на десять лет лишения свободы для Д.М. Щепкина, С.М. Леонтьева, С.Е. Трубецкого и С.П. Мельгунова. Четверых обвиняемых освободили по амнистии, С.Д. Урусова оправдали. С.А. Котляревского и некоторых других обвиняемых приговорили к пятилетнему условному заключению [7, стр. 9-10].

В двадцатые годы С.А. Котляревский проявлял серьезную научную и педагогическую активность. Он работал в Москве консультантом в Наркомате юстиции, трудился в институте советского права и представительстве Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, преподавал финансовое право на факультете советского права Московского университета, читал лекции по бюджету и бюджетной системе на финансовом факультете Московского промышленно-экономического института имени Рыкова, сотрудничал с журналом «Советское право». Ученый исследовал проблемы финансов, местного хозяйства, международных отношений и др. [7, стр. 10].

Однако в рассматриваемое время правовые наработки С.А. Котляревского оставались

невостребованными. Отметим, что в период развития НЭПа продолжается развитие концепции «отмирания права». Один из теоретиков советского права П.И. Стучка заявил, что «…большинство коммунистов и к законам советской власти относились скептически…» [21, стр. 433, 461]. Страна в условиях перехода к НЭПу руководствовалась революционной законностью. По этому поводу интересную книгу написал известный историк права, профессор В.М. Курицын [15].

На позициях отрицания права стояли советские теоретики и практики права А.Г. Гойхбарб, М. Рейснер, Н.М. Янсон, А.А. Сольц и др. Хотя здесь необходимо отметить, что на смену первоначальным нигилистическим представлениям советских политиков, теоретиков и практиков о праве, которое в силу его «буржуазного характера» должно быть отвергнуто при социализме, пришла идея «социалистического права» (автором этого термина стал юрист Михаил Рейснер [19; 23]). Достаточно подробно по этому поводу пишет профессор С.М. Шахрай в работе «Юристы и революция – pro i contra» [24].

И.П. Искеров в 1927 г. вообще утверждал, что «…наше государство не склонно выдвигать на первый план личность, наоборот, оно рассматривает отдельных лиц лишь как винтик огромной машины, поэтому и обеспечение ее прав ставится на второй план» [8, стр. 29-30].

В стране также обострялась политическая обстановка. Накануне перехода к НЭПу, в августе 1920 г., как мы уже указывали, состоялся судебный процесс над так называемым «Тактическим центром», по которому проходил и С.А. Котляревский. Н.А. Бердяев назвал это дело «театральной инсценировкой» и эталоном судебной расправы над учеными по политическим мотивам. В исторической литературе есть мнение, что лишь поручительство известных деятелей Советской власти в этот период спасло С.А. Котляревскому жизнь [2, стр. 212].

На протяжении 1926-1927 гг. в России отчетливо прослеживается нарастание централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики, а также отмечается ухудшение общего положения в стране. Начался переход к планово-распределительной системе управления в связи с принятием директив пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу этого плана были положены высокие темпы индустриализации, наступление на «частнокапиталистические» элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни.

С.А. Котляревский в качестве служащего различных государственных учреждений, в частности, занимаясь в двадцатые годы разработкой хозяйственных проблем транспортных отраслей, видел, что существует противоречие между реальностью хозяйственной жизни и ее отражением в партийных директивах. Он обращается в различные советские организации с предостережением не отказываться от разумной хозяйственной политики периода НЭПа, указывает на необходимость сохранения равновесия, правильных пропорций между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством. В материалах Совета по изучению производительных сил Российской академии наук сохранилась записка ученого и предложения по сохранению и экономному использованию трудовых и природных ресурсов страны. [1, стр. 12-22].

Записки и предложения ученого о нецелесообразности свертывания в стране новой экономической политики не нашли применения, но его прогнозы в отношении появления кризисных явлений в экономике страны нашли полное подтверждение в кризисе НЭПа 1926 – 1927 гг. Властям пришлось срочно корректировать внутренний и внешний курс страны. Так в августе 1927 г. ВСНХ отверг «умеренные» контрольные цифры на следующий хозяйственный год, потребовав более высоких капиталовложений в тяжелую промышленность.

Детально изучая перевозки в стране, С.А. Котляревский видел, что, несмотря на достаточно благоприятные условия в ведения сельского хозяйства, в стране начали сокращаться запасы хлеба. Так как, главную роль в торговле продолжал играть частник, была создана государственная программа его вытеснения за счет государственной и кооперативной торговли, воздействия на рынок путем регулирования цен.

Цены на сельскохозяйственные продукты были снижены, тогда как на промышленные товары оставались достаточно высокими. В то же самое время, отмечал С.А. Котляревский, промышленность, направившая свои усилия на нужды индустриализации, не могла обеспечить

расширение спроса. Крестьяне задерживали продажу излишков продуктов государственным органам. Государственные же торгующие организации были забиты товарами не пользующиеся спросом. Стали проявляться признаки социальной напряженности и недовольства. Всего лишь четверть населения можно было во второй половине двадцатых годов включить в число самодеятельного населения [1, стр. 22].

В заключение отметим, что теоретические обобщения и публикации С.А. Котляревского, основанные на результатах его практической деятельности в различных советских учреждениях позволяют сделать вывод, что ученый правильно представлял экономические и социальные процессы в стране. Социальная структура советского общества в его построениях выглядела, как бы перевернутой по сравнению с дореволюционной и в определенной мере отражала характер произошедших после революции изменений.

На верхнюю ступень социальной лестницы ставился пролетариат, к которому по официальной терминологии того времени относились рабочие, и, с оговорками, служащие государственного аппарата. С.А. Котляревский не вписывался в эту структуру. Дело в том, что государственный аппарат к тому времени вобрал в себя сильно поредевшую старую интеллигенцию, по отношению к которой, политика государства становилась все более враждебной. Это возможно и открывает некоторые аспекты в изучении отношений С.А. Котляревского с новой властью.

Что же касается пролетариата, то положение этого класса, по сравнению с дореволюционным, несомненно, улучшилось, однако эти изменения С.А.Котляревский не признавал радикальными. Подтверждение своей позиции, в частности, он находил в массовых выступлениях рабочих против новой власти даже в разгар НЭПа.

В течение 1926 – 1927 г.г. С.А. Котляревский вынужден часто менять свои места работы. В штатный состав государственных служащих он не входил никогда, выполняя поручения отдельных государственных учреждений на договорной основе. До сих пор остаются неопубликованными хранящиеся в ряде ведомственных архивах правовые заключения С.А. Котляревского по отдельным проектам в области транспорта, торговли, местных налогов и некоторые другие.

Кроме многих записок и предложений С.А. Котляревского по улучшению хозяйственного положения в стране периода конца двадцатых годов, никаких следов его «контрреволюционной деятельности» найти не удается. Но он не скрывал, что его все-таки интересовали сведения с «того берега», как бы ни были они отрывочны и скудны. Ему хотелось уяснить, что представляет собой политически зарубежный лагерь, активно борющийся с советской властью. Тем более что он относился с симпатией ко многим людям из этого лагеря, хотя и не верил в успех их дела. Вероятно, все эти обстоятельства вызвали новые подозрения у органов ВЧК, что и привело к повторному аресту С.А. Котляревского и последующей расправе с ним без всякого расследования и суда.

Сергей Андреевич Котляревский подготовил более 20 монографий, невероятное количество научных статей, которые опубликованы в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Юридический вестник», «Вопросы философии и психологии», газетах «Русские ведомости», «Московский еженедельник» и других. Он принимал участие в разнообразных сборниках, готовил предисловия многим изданиям, откликался рецензиями. В советское время работы С.А. Котляревского не переиздавали. Пожалуй, первым переизданием его монографий может служить книга, увидевшая свет в 1993 году «Правовое государство и внешняя политика». Л.В. Завьялова обращает внимание на досадную ошибку, допущенную при переиздании указанного труда: Сергея Андреевича назвали в книге Сергеем Александровичем Котляревским [12, стр. 4].

В 2001 году исследователи из Санкт-Петербургского университета МВД России подготовили к изданию и издали одну из лучших работ С.А. Котляревского «Власть и право. Проблема правового государства». Книга вышла среди многих других изданий в серии «Классики истории и философии права» с указанием рубрики: Мир культуры, искусства и философии; ответственными редакторами выступили известный философ права В.П. Сальников и философ Ю.А. Сандулов, а краткий биографический очерк о С.А. Котляревском подготовила Л.В. Завьялова [10].

Так было заложено начало внимания к творчеству выдающегося русского ученого Сергея Андреевича Котляревского.

Список литературы

1. Архив РАН. – Ф.174. – Оп.9. – Д.16.
2. Берлявский Л.Г. Власть и отечественная наука (1917-1941). – Ростов-на-Дону, 2003.
3. Волошина-Сабашникова В.М. Зеленая змея: Мемуары художницы. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
4. Гоголевский А.В. Русский конституционализм на путях к парламентской монархии // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии // Конституционалист: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, (вступительная статья, комментарии), Б.Н. Ковалев (комментарии, библиография). – М.: Гардарики, 2001. – С. 7-31. – 489 с.
5. Гоголевский А.В. Русский либеральный конституционализм // Конституционалист: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, (вступительная статья, комментарии), Б.Н. Ковалев (комментарии, библиография). – М.: Гардарики, 2000. – С. 7-30. – в кн. 624 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1779. – Оп. 2. – Д.1. Ч.III. – Л. 202 об.
7. Завьялова Л.В. Сергей Андреевич Котляревский (1873-1940): Краткий исторический очерк // Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Фонд «Университет»; Лань, 2001. – 368 с. – (Мир культуры, истории и философии). – С. 5-11.
8. Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права // Сборник трудов Иркутского Государственного Университета. Факультет права и местного хозяйства. Т. 13. - Иркутск: Иркут. ун-т, 1927. - С. 255-291.
9. Конституционалист: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, (вступительная статья, комментарии), Б.Н. Ковалев (комментарии, библиография). – М.: Гардарики, 2000. – 624 с.
10. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Фонд «Университет»; Лань, 2001. – 368 с. – (Мир культуры, истории и философии).
11. Котляревский С.А. Оздоровление // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Новости, 1991.
12. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1993. – 363 с.
13. Красная книга ВЧК. 2 е изд. В 2-х т. - М.: Политиздат; 1989. - Т. 1. - 416 с.; Т. 2. - 541 с.
14. Крыленко Н.В. Судебные речи. Избранное. – М.: Юридическая литература, 1964. - 328 с., 1 л. портр.
15. Курицын В.М. Переход к НЭПу и революционная законность / Отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Наука, 1972. - 216 с.
16. Мельгунов С.П. «Национальный центр» в Москве в 1918 году (Из показаний С.А. Котляревского по делу «Тактического центра») // На чужой стороне. Кн. 8. 1924.
17. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923. – М.: СП «RuiCO», «PS», 1990. – 208 с.
18. Мельгунов С.П. Суд истории над интеллигенцией (К делу «Тактического центра») // На чужой стороне. Кн. 3. – 1923.
19. Рейснер М.А. Право: Наше право; Чужое право; Общее право. – Л.; М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
20. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии // Конституционалист: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, (вступительная статья, комментарии), Б.Н. Ковалев (комментарии, библиография). – М.: Гардарики, 2001. – 489 с.
21. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига. 1964.
22. Утро России. – 1918. – 3 мая.
23. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
24. Юристы и революция – pro i contra / Авт.-сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

ЮБИН Игорь Геннадиевич,
аспирант Юридического института (Санкт-Петербург) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РАБОТЕ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ «КОНСТИТУЦИЯ ГЕРМАНИИ»

Аннотация. *Политико-правовая концепция Г.В.Ф. Гегеля формировалась в противостоянии теоретико-методологическим постулатам эмпиризма и рационализма на основе философско-правовой парадигмы свободы, разработанной немецким классическим идеализмом. Первый развернутый вариант этой концепции, в которой систематически исследованы вопросы отношения личности, общества и государства, представлен в рукописи «Конституция Германии».*

Ключевые слова: *право; гражданское общество; государство; конституция; свобода; методология; Гегель; Кант.*

ISMAGILOV I.R.
UBIN I.G.

QUESTIONS OF THE ATTITUDE OF SOCIETY AND THE STATE IN THE WORK OF G.V.F. HEGEL'S "CONSTITUTION OF GERMANY"

The summary. *Political and legal concept of GVF. Hegel was formed in opposition to the theoretical and methodological postulates of empiricism and rationalism on the basis of the philosophical and legal paradigm of freedom, developed by German classical idealism. The first detailed version of this concept, in which the issues of the attitude of the individual, society and the state are systematically examined, is presented in the manuscript "The Constitution of Germany".*

Key words: *law; civil society; the state; personality; freedom; methodology; Hegel; Kant.*

Г.В.Ф. Гегеля всегда интересовали проблемы государства и права [13; 16; 19; 20, стр. 237-259; 21]. В своих ранних произведениях, в большинстве своем переведенных на русский язык, он формировал предпосылки будущих идей «Философии права», закладывал основы синтетической политико-правовой теоретической модели.

Политико-правовая концепция раннего Гегеля складывалась под непосредственным влиянием творчества его предшественников в немецкой классической философии: И. Канта и И.Г. Фихте, идей французского и немецкого Просвещения XVIII в., особенно Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [17; 32], в несколько меньшей степени – И.Г. Гердера, а также под прямым влиянием античного наследия, прежде всего, конечно, Платона и Аристотеля [4; 31]. Труды Т. Гоббса и Дж. Локка [18], продолжавшие

оставаться востребованными и во времена Гегеля, были объектом постоянной критики немецкого классика, порвавшего с традициями эмпиризма Нового времени.

Учение о неотчуждаемых правах личности, о монархическом правлении, основанном на власти закона, о нравственных основаниях права, складывалось уже в эпоху античности и достигло уровня систематического истолкования в классических трудах XVII века, ставших теоретической основной Просвещения, акцентировавших в них прежде всего гуманистическую направленность и установку на гармоничное взаимодействие гражданского общества и просвещенного государства.

Немецкая классика не отрицала этой традиции гуманизма и просвещения в праве, однако развивала свое учение о праве и государстве на основе совершенно новой методологической парадигмы [25, стр. 44]. Эта парадигма опиралась на идею единства познаваемого и познающего, субъекта и объекта, основания и результата познания. Теория познания, как в ее рационалистическом варианте (Декарт, Спиноза, Лейбниц), так и в эмпирическом (Гоббс, Локк), исходила из постулата принципиального различия субъекта и объекта познания. Немецкая классика, напротив, имела в качестве базовой идеи идею единства мышления и бытия, субъекта и объекта. Эту идею Кант и Фихте обосновывали, исходя из приоритета субъекта в познании, Шеллинг – объекта, Гегель исходил из самого единства субъекта и объекта, акцентируя абсолютное начало этого единства.

Кант и Фихте обосновывали принцип активности субъекта как в сфере познания, так и в социально-политических отношениях, указывая на идею свободы, абсолютной автономии человеческой личности [25, стр. 44-46]. Гегель предельно расширил рамки этой свободы, увидев ее корень в духовной целостности исторического развития человечества. В рамках такого подхода и развивалась новая парадигма познания сущности политико-правовых явлений, в качестве конечного основания которой понимался принцип свободы. Немецкие классики вполне четко осознавали исчерпанность прежних парадигм науки об обществе и государстве, как осознавали они и более общий кризис методологии научного познания.

Рационалистическая методология XVII – XVIII вв. была направлена на анализ общих понятий, которые при этом воспринимались некритически, когда с определениями мышления, по выражению Фихте, обращались как с определениями вещей самих по себе. В итоге науки, ориентированные на рационалистические парадигмы (как науки о природе, так и науки об обществе), все более углублялись в утонченные дифференциации понятий и их классификацию и все более отрывались от реальных проблем опыта. Примером может служить главный труд Христиана Вольфа «Естественное право», заключавший в себе тщательно выверенные дедуктивные определения, которые, зачастую, имели весьма отдаленное отношение к реальной юридической практике.

Исходным пунктом такой дедукции рационалисты полагали метафизически неизменную, «вечную», природу человека. Как писал об этом сам Вольф: «Я нашел источник всех законов в человеческой природе… Таким образом, мне стал известен… объем естественных прав, который охватывает все человеческие поступки, какими бы они не были; и я, наконец, понял, каким образом позитивные права должны возникнуть из естественного права, чтобы они, свободные от любого порицания перед судом разума, не должны были опасаться за то, что их захотел бы кто-то отрицать» [14, стр. 330]. Но эти определения в итоге не шли дальше абстракции действительных правовых отношений.

В свою очередь ученые-эмпирики, вслед за Гоббсом и Локком, все более отказывались от каких-либо масштабных обобщений и все более углублялись в чисто внешнее описание и классификацию явлений природы и общественной жизни. Правовая действительность в таком случае оставалась без надлежащего теоретического обоснования, а потому выводы правоведов-эмпириков производили впечатление произвольных суждений. Гегель стремился преодолеть ограниченность методологии эмпиризма и рационализма, развивая понятие свободы как всеобщей духовной сущности. Основы такого подхода закладывались уже в ранний период творчества Гегеля, завершающийся к моменту публикации «Феноменологии духа».

Крупной политико-правовой работой этого периода является незаконченная рукопись «Конституция Германии», последняя редакция которой относится к 1802 г. В этой работе на фактическом материале отрабатывается

последующее решение важных для всей концепции Гегеля теоретических вопросов: сущности государства, возникновения и развития государства, классификации типов государств, принципов их взаимодействия и т.д. Большой интерес представляет и историко-правовой комплекс данной рукописи, в частности развернутый анализ воззрений Никколо Макиавелли [27; 34]. Гегель на эмпирическом материале отрабатывает те идеи, из которых позднее будет составлена «Философия права»: идея постижения конкретного понятия в комплексе политико-правовых реалий, идея органической целостности государства, идея принципа субъектности в государственном устройстве и ее воплощение в фигуре монарха.

С позиций методологии юридической науки важно, что в «Конституции Германии» также содержится критика и упрощенного правового эмпиризма, занятого лишь описанием и классификацией политико-правовых феноменов без соответствующей научной рефлексии, и столь же отвлеченного и абстрактного рационализма, дедуцирующего свои определения из общих понятий вне отношения к политико-правовой реальности [3; 7; 24; 28; 33].

В результате получался лишь комплекс суждений, не имевший никакого практического результата: рационалисты не смогли дедуцировать общего понятия государства, к которому они стремились, а эмпирики не оказались способными определить сущность немецкого государства, прикрывая отсутствие понятия ничего не значащими формулировками: «Когда прежние ученые в области государственного права занимались немецким государственным правом, они исходили из идеи науки и стремились поэтому прежде всего установить понятие немецкого государственного строя; однако им не удалось выработать единое определение этого понятия; что же касается специалистов нового времени, то они вообще отказываются от попыток такого рода и рассматривают государственное право уже не как науку, а как описание того, что дано эмпирически, без какого-либо соответствия разумной идее, полагая, что немецком у государству может быть дано только одно наименование – империи или государственного организма» [11, стр. 65].

Предложенная критика эмпиризма и рационализма в дальнейшем в науке станет непременным элементом всех без исключения крупных работ великого немецкого философа. В отличие от адептов уходящей науки прошлого века, он считал, что подлинное научное знание должно быть действительным синтезом эмпирии и рациональности. Этот синтез воплощается в понятии предмета, выражающем его внутреннюю суть, его истину. Именно данное содержание он и называл понятием.

Значимость юридической науки Гегель видел прежде всего в том, чтобы выявить и эксплицировать само понятие права и государства. «То, что уже не может быть выражено в понятиях, больше не существует» [11, стр. 65], примером чему является германское государство начала XIX в. По его мнению, теория права, оторванная от социальной действительности, не способна объяснить своего предмета. В этом Гегель видит отличие теории права и государства от других видов научных теорий, которые могут иметь содержание безотносительно к степени осуществленности своего объекта: «Планы и теории могут претендовать на реальность в той мере, в какой они осуществимы, значимость их не меняется от того, обрели они свое воплощение в реальности или нет; что же касается теории государства, то она может отражать состояние государства и конституции лишь постольку, поскольку она реальна» [11, стр. 76].

Согласно позиции Гегеля раннего периода, истинное государство, т.е. государство, соответствующее своему понятию в том смысле, какой вкладывал в это выражение будущий автор «Науки логики», должно обладать достаточными возможностями для защиты объединенных им масс людей и своей собственности, прежде всего земель или, как бы мы сейчас сказали – иметь материальные средства обеспечения государственной власти. Государство должно отвечать требованиям целостности и внутренней устойчивости. Он вряд ли может быть представлено таковым без своей собственной территории [2] и суверенитета [1; 5; 23; 26]. Эти идеи автор «Конституции Германии» развивает в первом параграфе своей работы, который так и называет: «Понятие государства».

Доказывая, что Германию больше нельзя назвать государством, философ демонстрирует те обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что она не отвечает ни одному из критериев государства, не отвечает самому понятию государства. Германия не подходит ни под одно из

определений государства, данных Аристотелем. Ее даже нельзя назвать анархией, поскольку для анархии также нужна некоторая политическая целостность: «Будь Германия государством, это состояние распада можно было бы с полным основанием вслед за одним иностранным ученым в области государственного права назвать анархией; однако этому препятствует то обстоятельство, что отдельные части империи конституировались в государства, сохраняющие некоторую видимость единства» [11, стр. 76]. Современная Гегелю Германия – это просто совокупность отдельных суверенных государств («Германия – больше не государство», – этой яркой фразой Гегель начинает Введение к своей «Конституции Германии»).

Если мы данную позицию выдающегося немецкого ученого попытаемся перенести на современную почву Западной Европы, или, скажем, Прибалтики и Украины, то увидим, насколько был прозорлив, конкретен и реален великий Гегель – так сегодня актуальной звучат его слова.

Анализ исторической ситуации – состояния окончательно деградировавшего государства – позволяет ученому определить сущность государства, следуя методу «от противного». Кризис реальной государственности, по Гегелю, проявляется прежде всего в отсутствии единой центральной государственной власти, воплощенной в лице монарха: «Государству необходим общий центр – монарх и сословия, – обладающий всеми разновидностями власти» [11, стр. 72]. Здесь ученый по сути предвосхищает одно из основных положении своей будущей «Философии права» о единстве объективного и субъективного начал в государстве и о необходимости реального воплощения этой субъективности в образе конституционного монарха.

Вместе с этим Гегель предвидит и будущее возрождение германской империи. Для этого потребуется субъективная воля государственного деятеля, способного воплотить в жизнь дух мировой истории. Здесь Гегель ссылается на авторитет Макиавелли, одновременно давая ему свою оценку: «Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал пред своим временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением» [11, стр. 154]. Таким образом, создатель учения о «мировом духе» исключительно высоко ставил роль личности в конституировании государства и в процессе его выхода из кризиса. Что, кстати, подтвердилось в дальнейшем и немецкой, и российской историей.

Из числа практических шагов Гегель считает нужным указать на создание единой немецкой армии и формирование институтов центральной государственной власти. С учетом исторических особенностей германских земель и устоявшихся традиций самостоятельного существования, наилучшим ему представляется децентрализованный тип государства, при котором за последним остаются в качестве неотъемлемых функции обеспечения внутренней и внешней безопасности государства, но все остальные функции передаются, насколько это представляется возможным, самими подданным и для этого разрабатываются соответствующие правовые механизмы.

Обеспечить гармонию отношения центральной государственной власти и подданных должна, по мысли Гегеля, система представительства. Именно модернизированная сословно-представительная монархия представлялась ему идеалом для будущего политического и правового устройства германской нации. Высказанная уже в этом, раннем произведении, мысль о том, что общий центр государственности должны составлять в единстве монарх и сословия, станет потом одной из краеугольных идей «Философии права», где понятие сословия, его места в гражданском обществе и государстве, анализируется уже предельно конкретно.

Идея сословного представительства в системе отношения гражданского общества и государства вовсе не является результатом только политических предпочтений Гегеля. Она вытекает из самой сути понимания им природы государства, которое Гегель трактует как продукт деятельности «массы людей» (это словосочетание мы постоянно встречаем в «Конституции Германии»). Эта масса людей образует государство и «совместную власть» [11, стр. 77]. Если «масса людей» проявила свою «всеобщую волю» (термин Руссо, очень значимый для Гегеля), в результате которой она образовала государство и совместную власть, то тогда можно модифицировать это государство, сообразуясь с тем, «что лучше в той или иной степени»: монархия или

республика, гражданское равноправие лиц или неравноправие и т.п. В противном случае отсутствует сам объект модификации. Первичным, таким образом, является то единственное основание, которое «превращает массу людей в государство» [11, стр. 77]. Результатом воли этой «массы людей», устанавливающих государство, должно быть установление единого «военного и финансового дела», все остальное представляется вторичным [11, стр. 104].

Завершающим штрихом реконструкции германской государственности должно стать принятие конституции, закрепляющей политические права сторон в условиях сословно-представительная монархии и общее правовое устройство нового государства. Конституция должна установить основу такого государственного устройства, при котором «государственно-правовое положение сословий и их обязанности» определялось бы «подлинными, общими законами», но отношение каждого сословия к целому рассматривалось бы «в качестве особенного, в форме собственности» [11, стр. 106]. Однако само это устройство должно стать результатом постепенного вызревания в процессе исторического развития нации. Оно не может быть просто заимствовано у других народов, каким бы совершенным их политико-правовое устройство не представлялось. Здесь Гегель вполне определенно дает отсылку к работе Ш. Монтескье «О духе законов», которая со студенческих лет была одним из важных источников его политико-правовых воззрений.

Основная задача государства, которую Гегель формулирует не без оглядки на Гоббса, состоит в противодействии анархии (обращение к самому термину «анархия», в отличие от гоббсовской «войны всех против всех», связано, скорее всего, с замечанием Вольтера об анархии в Германии, на которое Гегель ссылается в своей работе). Содействие анархии является не просто преступлением против государства, но, своем роде, «базовым» преступлением: «Содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства, ибо оно включает в себя все остальные государственные преступления... И нет у государства более высокого долга, чем сохранить себя и самым верным способом уничтожить силу этих преступников» [11, стр. 153]. К сожалению, это верное высказывание ученого, впрочем, не вполне оригинальное, не всегда бывало услышано руководителями государств, о чем свидетельствует печальный опыт советского государства.

Сегодня особую значимость работе «Конституция Германии» придает то, что здесь Гегель рассматривает процесс трансформации реальных государств и соответствующее развитие самого понятия государства в результате тех фундаментальных изменений, которые внес в политико-правовую жизнь Вестфальский мир. Это важно, поскольку в современных условиях, учитывая процессы глобализации [30], все чаще ставят вопрос о кризисе самой модели «вестфальского государства» (например, Ю. Хабермас [22; 35; 36]).

По мысли Гегеля, именно Вестфальский мир покончил с прежней Германской империей, которая стала выглядеть архаизмом в кругу суверенных «вестфальских» государств и постепенно стала своего рода фантомным государственным образованием [11, стр. 100, 146]. Будущий автор «Философии права» детально и обстоятельно рассматривает этот процесс, а также закреплявшие его дипломатические и правовые документы [11, стр. 100-104]. В параграфе «Процесс образования государств в других европейских странах» Гегель исследует процедуру формирования модели «вестфальского государства» в целом, подходя к этому с позиций методов и используя историко-правовой и теоретико-правовой анализ.

Вслед за работой «Конституция Германии» очередным шагом на пути создания системной политико-правовой теории было исследование 1802 – 1803 гг. «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве». В этой работе Гегель совершенствует свою критику эмпирического и рационалистического в духе Нового времени «формальных» способов истолкования права, начало которой, как мы указывали, было положено в «Конституции Германии».

«Формальным способам» истолкования права Гегель противопоставляет идею нового метода, который получает название «абсолютного»: «истинным отличием принципа науки можно считать только следующее: находится ли она в абсолютном единстве или вне абсолютного единства, в противоположности» [11, стр. 188]. В это время он, пока еще совместно с Шеллингом,

стремился к преодолению односторонности субъективизма и объективизма в философии и к научному постижению идеи Абсолюта, снимающего в себе эти противоположности, поэтому идея «абсолютного» метода становится для него особо актуальной. В интерпретации Гегеля и Шеллинга абсолютность метода означает не универсальность и не наличие каких-то гарантий автоматического достижения истины, а только лишь способ диалектического восхождения от особенного к всеобщему, абсолютному.

В соответствии с гегелевской критикой эмпирический метод не может рассматриваться в строгом смысле слова научным, так как он ориентирует лишь на внешнее описание правовых явлений. Здесь, правда, автор выдвигает очередные основания для обобщения, но они выглядят в некоторой степени случайными, недоказанными, и следовательно, проблематичными. Формальная же наука, напротив, разделяет абсолютное основание и особенное содержание, тем самым делая знание бессодержательным: «ту форму науки, где противоречие положено абсолютно, а чистое единство или бесконечность есть негативно абсолютное, полностью обособленное от содержания и положенное для себя, мы назовем чисто формальной наукой» [11, стр. 189].

Абсолютный метод познания, развивающийся из трансцендентального метода Канта, познает в диалектическом равновесии, с одной стороны, единство правовой материи, а с другой стороны, множественность форм ее существования [11, стр. 205]. Этот метод дает возможность понять диалектическую природу главного основания права – свободы, которую эмпирический и формальный метод, абсолютизируя, соответственно всеобщее или индивидуальное, превращают в абстракцию: «Прежде всего встречается ничтожная абстракция понятия всеобщей свободы, существующей якобы отдельно от свободы индивидуумов; на другой стороне находится столь же изолированная свобода индивидуумов» [11, стр. 224]. Столетием позже аналогичную критику кантианства мы находим в работах Г. Радбруха, обращающегося к понятию целевой установки, синтезирующей начало всеобщей свободы и свободы индивидуума [12; 15, стр. 19-26]. Целевая установка в области явлений культуры выступает как стремление к ценности. При этом, чем о более масштабных и значительных явлениях культуры мы ведем речь, тем более высокого ранга является формирующая их система ценностей [29, стр. 12-14].

По мнению Гегеля, у Канта мы находим совершенно односторонний взгляд на сущность правовой свободы. Свободу нельзя свести только к свободе социума, ибо в ней растворится индивидуальное. Но и чисто индивидуальная свобода невозможна, так как тогда индивид будет детерминирован чем-то внешним: «свобода, для которой нечто поистине внешнее было бы чуждым, не есть свобода; ее сущность и формальная дефиниция есть именно то, что нет ничего абсолютно внешнего» [11, стр. 224]. Позже Гегель разовьет эту мысль в «Философии права» и особенно четко выразит в своих «Лекциях по истории философии», исследуя Платона и воспроизводя его идею о том, что быть свободным и справедливым человеком, живя в несправедливом обществе, нельзя.

Нужно сказать, что в дальнейшем Гегель мало использует термин «абсолютный метод», предпочитая в «Философии права» говорить о «спекулятивном» или «диалектическом» методе познания правовых явлений. Этот метод должна дать науке о праве философия. Содержание естественного права, включающее в себя отношение к абсолютному, должно полностью войти в систему философского знания [11, стр. 256-259]. Поэтому Гегель постепенно отходит от термина «естественное право», а в дальнейшем даже критикует его, связывая с догматизмом старой вольфианской метафизики. В «Энциклопедии философских наук» он даже выносит за скобки и термин «философия права», трактуя ее понятия как определения «объективного духа».

Пожалуй, переходным этапом к зрелой теории абсолютного идеализма Гегеля выступает рукопись, озаглавленная «Система нравственности», относящаяся к 1805 – 1806 гг. Подход к пониманию нравственности в ней выглядит довольно широко. В отличие от морали, которую немецкий философ связывал преимущественно с субъективным миром человека, нравственность охватывает всю систему объективных, материальных и духовных форм жизни гражданского общества, обуславливающих ориентацию личности на ценности абсолютного блага. Именно предлагаемая трактовка понятия нравственности как формы гармонизации отношения гражданского общества и государства позже войдет и в «Философию права».

В «Системе нравственности» предвосхищается и архитектоника «Философии права». Гегель говорит о субъективном духе, связывая его в первую очередь с проблемой воли человека. Кроме того, идет речь о действительном духе, аналоге позднейшего понятия объективного духа, охватывающем в единстве сферу морали и нравственности и посвященном проблематике договора, преступления и наказания, закона и моральных норм. Вероятнее всего, это то, что в современной теоретико-правовой науке принято называть синкретизмом правовой культуры [6; 8; 9; 10].

В третьем разделе исследуется понятие государственного устройства. В его основу положен принцип свободы, который применительно к государственному устройству трансформируется в методологический «органический принцип», посредством которого принцип свободы получает свое «механическое строение». Его воплощение осуществляется через гармонию, живое бытие единого», управляемого и управляющего, народа и правительства [11, стр. 364-365].

Таковы основные методологические предпосылки анализа отношения личности, общества и государства, сформулированные Гегелем в рукописи «Конституция Германии». В них очень ярко проявляется ранний немецкий классик.

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
2. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2010. – 829 с.
3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
4. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
5. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
6. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
7. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
8. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
9. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
10. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Мысль, 1978. - 439 с.
12. Грибов И.Н., Петросян Л.К. Г. Радбрух о ценностной сущности конституционных прав личности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 195-197.
13. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181-185.
14. Зенн М. История права: культурно-исторический очерк. – СПб, Юридический институт (Санкт-Петербург), 2016. – 530 с.
15. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
16. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского,

В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 138-144. – в сб. 344 с.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
20. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
21. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
22. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). - С. 172-178.
23. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
24. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
25. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 5. – С. 52-58.
26. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
27. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
28. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
29. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
30. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
31. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
32. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
33. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
34. Тарасова Т.А. Становление форм государства и оптимальные способы управления обществом (через призму учения Н. Макиавелли) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 45-50.
35. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. - 252 с.
36. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. - М.: Наука, 2005. – 74 с.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
Рецензия на том II монографии А.Ю. Шумилова «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: философия оперативно-розыскной науки»

Аннотация. *Рецензируется книга А.Ю. Шумилова, посвященная философии науки оперативно-розыскной деятельности. Положительно отмечается интерес ордэшников к философско-науковедческим проблемам ОРД. Анализируются некоторые из поднятых в монографии вопросов. Критикуется ряд положений книги, в том числе связанных с подачей материала.*

Ключевые слова: *философия; философия науки; философия права; оперативно-розыскная наука.*

ZAKHARTSEV S.I.

PHILOSOPHICAL BASIS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY.
Review of volume II of the monograph A.Y. Shumilov «Science of operational-search activity in the Russian Federation: philosophy of operational-search science»

The summary. *Reviews the book of A.Y. Shumilov, devoted to philosophy of science of operational-search activity. Positively notes the interest of employees of operational-search activity to philosophical-scientific problems of operational-search activity. Analyzes some issues raised up in the monograph. Criticizes a number of provisions of the book, including those, which are associated with presentation.*

Key words: *philosophy; philosophy of science; philosophy of law; science of operational-search activity.*

На протяжении последних лет мы, авторы этих строк, в основном пишем о философии и философии права, все меньше и меньше уделяя внимания науке ОРД [3; 4; 5; 8; 10; 12; 14; 15; 16; 17; 18: 19; 20]. Однако получив от уважаемого А.Ю. Шумилова в подарок книгу, объединяющую философию и ОРД, мы не могли на нее не откликнуться. Тем более, что на развороте книги имелась красивая надпись автора: «Уважаемому Сергею Ивановичу Захарцеву – моему единомышленнику в стратегии познания сыскной реальности и оппоненту по отдельным тактическим вопросам ее изучения с наилучшими пожеланиями! А.Ю. Шумилов».

Мы внимательно ознакомились с содержанием книги. Не скроем, она оставила очень противоречивые чувства. И отметив для себя все ее «плюсы» и «минусы» долго думали о том, с чего

начать. Еще в 2015 году написали рецензию, но решили ее не публиковать. Теперь все-таки публикуем.

Начнем с положительного.

В своих монографиях мы отмечали, что когда ордэшники отрываются от сугубо прикладных проблем, начинают спорить о философских основах ОРД, методологии нашей науки – это здорово.

И попытка А.Ю. Шумилова разобраться в философских основаниях ОРД является, конечно, позитивным моментом. Мы уже писали о том, что наука ОРД очень нуждается в науковедческих работах, разработке философско-методологических оснований, а также разрешении глобальных (философских) проблем оперативно-розыскного бытия.

Книга у А.Ю. Шумилова получилась достаточно объемная. Ее содержание охватывает значительное количество научных проблем. Причем автор при их рассмотрении затрагивает и философско-правовые вопросы и даже предлагает свое видение их разрешения. Такие фрагменты обогащают книгу.

К «плюсам», традиционным для А.Ю. Шумилова, является генерация новых идей, предложение новых подходов, выдумывание и обоснование новых терминов. Они, конечно, далеко не все безупречны. Однако постоянный настрой автора на поиск нового знания, свежей идеи, оригинального подхода заслуживает всяческого уважения. Например, следует обратить внимание на предложенный словарь новых терминов науки ОРД, попытку обоснования новых научных направлений, интересен взгляд на будущее оперативно-розыскной науки. Указанное, несомненно, характеризует А.Ю. Шумилова как ученого.

Однако в работе имеется много серьезных недостатков, которые просим уважаемого А.Ю. Шумилова воспринимать объективно, без обид и без встречных выпадов. Наши мысли постараемся изложить максимально «простым» языком.

Бросается в глаза, что А.Ю. Шумилов стал заниматься философией недавно. Только этим мы можем объяснить такое большое количество элементарных ошибок в философском изложении материала. Так, научная работа всегда начинается с определения методологии, применяемых методов научного исследования. А.Ю. Шумилов в работе указывает, что он стоит на позиции диалектики, диалектического метода познания и даже делает ссылки на Гегеля как основателя диалектики [28, стр. 268-269]. И с применением диалектики А.Ю. Шумилов пытается изучать ОРД. Такой подход обоснован и вполне приемлем [13, стр. 62-69].

Однако далее среди критериев научности ОРД А.Ю. Шумилов рядом с диалектическими критериями называет… фальсификацию [28, стр. 187].

Поскольку не все специалисты по ОРД помнят эту теорию, кратко справочно расскажем о ней.

Критерий фальсификации научных теорий в противовес принципу верифицируемости предложил философ-постпозитивист К. Поппер. Поппер считал, что ни одна теория не может быть подтверждена окончательно, поэтому каждая теория по определению носит гипотетический характер. Иными словами, теорию образуют и подтверждают не законы, а правдоподобные утверждения. Истину, по Попперу, наука не постигает и не может постичь. Поппер принципиально отрицал историцизм Гегеля, Маркса и историю как науку. По мнению Поппера, единой истории человечества нет, а есть лишь бессистемное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, – и среди них история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории, но… это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества [25, стр. 562]. Сразу скажем, что суждения Поппера жестко и объективно критиковались многими философами и учеными. Например, сведение Поппером роста научных знаний к конкуренции теорий, наблюдений не справедливо, так как игнорируется представление об истине, в том числе истинности элементарных вещей (истинности факта жизни, человеческого дыхания, бытия в целом и пр.). Кроме того, выявление фактов, не описанных теорией, не означает необходимости полностью отказываться от теории. Механика Ньютона, несмотря на наличие большого числа противоречащих ей фактов, по-прежнему активно и успешно используется учеными. Рассуждения Поппера вызвали возмущение даже у чистых историков философии, которые занимались исключительно анализом интеллектуальных систем прошлого. В конечном счете, была опубликована коллективная статья, в которой раскрывается дилетантский характер

представления Поппера об обсуждаемых вещах. В частности, философия Гегеля излагалась Поппером по старому популярному учебнику без обращения к оригинальным текстам [25, стр. 563].

Как видим, критерий фальсификации идет полностью в разрез с диалектикой и другими выделенными автором критериями научного знания: объективностью, достоверностью, верификацией и т.д. Смешивать и ставить в один ряд совершенно разные подходы к знаниям является ошибочным.

Кроме того, допустимо ли в принципе без критического анализа указывать подобные спорные теории познания как критерии научного знания?

Более того, мы даже не представляем защиты диссертации по ОРД, построенной на теории фальсификации знаний или применяющей эту теорию.

Продолжая философскую тему. Как известно, основными вопросами философии являются проблема бытия и познания. Применительно к ОРД исходя из этого резонно поставить вопросы: что есть оперативно-розыскное бытие и можно ли его познать? Рассуждения на эти вопросы в книге, увы, размыты.

Более того, опять же вернемся к вопросу о том, на чем базировался исследователь при написании монографии? Если на диалектике, то она предусматривает возможность познания мира и требует от науки получения истинных знаний [19, стр. 146-152]. Однако в книге А.Ю. Шумилов много пишет о том, что он признает теорию научных революций другого постпозитивиста Т. Куна и считает, что наука ОРД развивалась революционным путем [28, стр. 294-305]. Но опять же: Кун исповедует невозможность получения наукой истинных знаний. Кроме того, теория Куна тоже очень спорная и далеко не всеми учеными применяемая.

Среди критиков, буквально разгромивших теорию Куна, был выдающийся российский физик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург. Он четко и ясно доказал мировому сообществу, что Кун при размышлениях о «современной науке» пользовался старым материалом, не учитывал современных достижений науки, допускал антиисторические высказывания, на которых строил свою теорию [18, стр. 36].

Но даже если базироваться на теории Куна, то следует честно ответить на вопрос: какие революционные изменения были в науке ОРД? Революция подразумевает коренную ломку (знаний, строя и т.д.), а не просто серьезные изменения, не просто отказ от предыдущих знаний, а признанье их ошибкой, мифом. Кун связывает концепцию научных революций с формированием не просто новых, а радикальных новых концепций, формированием новых представлений об окружаемой реальности, новых методов исследовательской деятельности.

Наиболее понятным примером революционного изменения знаний считается открытие того, что Земля – это шар, а не плоский блин, держащийся на опорах, трех слонах и т.п. Такие знания перевернули представление людей о мире и показали ошибочность и мифологичность предыдущих концепций.

Но при этом даже открытие периодической системы химических элементов и открытие атома к революциям в науке обычно не относят. Здесь имело место поступательное диалектическое развитие науки. Данные открытия, значительно обогатившие науку, базировались на трудах множества предшественников и исследователей. А далее количество диалектично преобразовалось в получение качественно новых знаний.

Могут ли быть революционные изменения в гуманитарных дисциплинах? Да, могут. Например, сейчас рядом историков проводятся исследования, направленные на проверку гипотезы о том, что монголо-татарского ига в России вообще никогда не было. Если это докажут, то наши знания о мировой истории фундаментально и принципиально изменятся, перевернутся.

Но были ли в сыске научные революции, перевернувшие всю оперативно-розыскную реальность и заставившие признать накопленные ранее фундаментальные знания ошибкой? Их не было. Было поступательное диалектическое накопление и развитие научных знаний. Иногда развитие шло динамичнее, иногда медленнее. Но при этом некоторые работы по сыску столетней и более давности не потеряли актуальности до сих пор. За это время кардинально изменились методы научного познания сыска? Нет. Кардинально изменились методы самого осуществления сыска? Тоже нет. Методы оперативной работы совершенствовались и совершенствуются, изобретаются и улучшаются технические средства, но никто не скажет, что раньше все было

совершенно ошибочно, а после каких-то «революций» стало правильно и хорошо.

Долгое время оперативная работа осуществлялась негласно. Потом у общества объективно возникла необходимость ее правового регулирования. Это дало импульс и для постепенного развития ОРД как открытой юридической науки. Этот процесс мы приветствуем. Но где здесь революция? Просто наука идет в ногу со временем и с потребностями государства и общества. Скорее даже, в первую очередь, с потребностями государства. Но предыдущие концепции о том, что ОРД не надо регулировать правом, никуда не делись и признать их ошибочными именно в научном смысле нельзя. В ряде зарубежных государств, например, закона об ОРД нет, а сам сыск очень незначительно регулируется правом.

Одним словом, позицию А.Ю. Шумилова о научных революциях не продумана до конца.

Надо сказать, что в публицистике нам приходилось видеть высказывания о том, что, например, раньше люди не знали о прослушивании телефонных переговоров, а теперь это действие есть в законе и это революция! В нашей научной деятельности мы достаточно подробно исследовали прослушивание телефонных переговоров как оперативно-розыскное мероприятие и следственное действие [2; 7; 9; 11]. Можем с уверенностью сказать, что подобные высказывания о революции патетичны, не несут нового смысла и, конечно, новых знаний. А сам термин «революция» в данном случае и вообще нередко употребляется ради красного словца.

Можно добавить, что XX век прославился философскими работами. Назовем, кроме уже упомянутых К. Поппера и Т. Куна, лишь некоторые наиболее известные философские направления XX века и философов: феноменология (Э. Гуссерль), экзистенционализм (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр), герменевтика (Г.-А. Гадамер, П. Рикер), аналитическая философия (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап), анархистская эпистемология (П. Фейерабенд), структурализм (К. Леви-Стросс), неопрагматизм (Р. Рорти) и др. Однако названные теории вовсе не бесспорны, часто подвергались объективной критике, некоторые в том числе – за внутреннюю противоречивость. Один из главных минусов этих теорий в том, что они, по крайней мере на сегодняшний день, не могут конкурировать с диалектикой ни по масштабности и глубине разработки, ни по своей всеобщности и универсальности в применении. Поэтому использовать такие теории надо очень аккуратно.

На этом и других примерах очевидно, что А.Ю. Шумилову при написании книги явно не хватало консультанта (консультантов) по философии.

О том, что А.Ю. Шумилов при изложении философских проблем несколько запутался в жизненной позиции, свидетельствуют и содержащиеся в монографии некоторые критические замечания. К таким, например, относится следующая цитата: «… «пожурим» уважаемого С.И. Захарцева, наивно полагающего, что наука может находиться вообще вне идеологии и политики. «К сожалению, в правовой науке на суждения иногда оказывают влияние иделогизированность и политизированность. Мы относимся к ученым, стремящимся к так называемой «чистой» науке, не подверженной чьему-либо влиянию», – пишет С.И. Захарцев.» [28, стр. 291].

Что ж, история накопила немало фактов, когда идеологизированность и политизированность отдельных лиц имели влияние на науку. Достаточно вспомнить недавнее отрицание Солнечной системы, генетики, признание лженаукой кибернетики и т.д. О том, насколько большой ущерб это нанесло науке, ученым, государству, людям, можно не писать. Однако были и другие факты, что люди смело, не боясь последствий, отстаивали свои убеждения, за правду шли на смерть и в лагеря. Нам ближе вторые.

Если ученые не будут бороться за правоту, а станут заниматься конъюнктурой, угодничеством властям вопреки истине – о науке можно забыть. Мы забывать о науке не будем. И здесь не надо быть, как пишет А.Ю. Шумилов, «наивным». Достаточно просто быть честным, беречь свое лицо и помнить русскую пословицу: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

Процитированная А.Ю. Шумиловым наша фраза о политизированности и идеологизированности науки ОРД относилась к оэрдэшникам, которые в зависимости от политической обстановки в стране то восхваляли диалектический метод, то безжалостно клеймили [6, стр. 44]. Подобные ученые встречаются и в других юридических науках. Эти процессы хорошо подметил Д.А. Керимов. «Нельзя умолчать об одном грустном обстоятельстве, – *пишет*

ученый. – В последнее время некоторые представители науки сочли за моду переписывать нашу историю, в том числе и историю права, зачастую извращая ее. И в этом неблаговидном деле, к сожалению, активное участие принимают и отдельные юристы. Например, один из них в 1963 г. писал: «Социалистическому строю органически чужды произвол и беззаконие»; в 1972 г.: «Социалистическое право всем своим содержанием, принципами, «нутром»… является фактором морали и культуры»; в 1981 г.: «Социалистическое право – это первое в истории юридических систем Право трудящихся – Право с большой буквы, отвечающее многовековым чаяниям человечества…» Но самое поразительное состоит в том, что цитированный автор буквально через небольшой промежуток времени утверждает прямо противоположное. В 1995 г. он отмечает, что: «…общество в его глубинных устоях, подавленных беззаконием и бесправием, отреагировало на ужасающую действительность, подало сигнал о том, что путь, по которому нужно идти, чтобы вырваться из пучины тоталитаризма и двинуться к правовому гражданскому обществу, – это путь права и законности»; что юридической науке нужны покаяние и очищение, понимание и недвусмысленное признание того, что советская правовая наука служила тоталитарной системе…»; в 1997 г. «советское право представлено как реалия уродливо-страшная по своему существу и своим последствиям». И подобного рода высказывания сопровождаются аналогичной апологетикой теперь уже по отношению к современному российскому режиму… Не следует упускать из виду, что наука – не должность; она безразлична к рангам, титулам и званиям, не терпит высокомерия, лжи и угодничества» [23, стр. XXIX-XXX].

А.Ю. Шумилов за подобных ученых заступился. Мы, тем не менее, советуем уважаемому автору отличать влияние политики (и, кстати, экономики) на науку в целом от убеждений конкретных ученых, которые не должны быть подвластны конъюнктуре, лицемерию и т.д. А политику и идеологию как явления отличать от идеологизированности и политизированности конкретных лиц.

Завершим эту тему короткой цитатой из современного украинского учебника по философии права. В нем указано, что «украинский правовой менталитет формировался в процессе постоянной борьбы нашего (украинского – С.З.) народа за свою государственность, культуру, язык, религию, а российский – под влиянием сильного абсолютистского государства» [26, стр. 157]. Комментарии этой глупости, как говорится, излишни.

Далее. Приведенный А.Ю. Шумиловым в книге список литературы по ОРД, где якобы содержатся вопросы философии, на наш взгляд сильно преувеличен. Мы читали большую часть из приведенного списка. Понятно, что все монографии и диссертации базировались на научных методах познания, где-то имелся спор о научных понятиях и пр. Но смеем утверждать, что большая часть приведенных в книге работ по ОРД к философии никакого отношения не имеет. В качестве примера можно привести докторскую диссертацию по агентурной работе А.В. Шахматова и монографии к ней [27]. Мы выступали по данной диссертации оппонентом. Работа у уважаемого А.В. Шахматова получилась содержательная, интересная, мы с удовольствием дали положительное заключение. Но философии в указанной диссертации не было. По нашему мнению, по философским вопросам в ОРД писало очень мало ученых.

При этом, формируя указанный список, А.Ю. Шумилов упустил из виду подлинно философскую науку – этику. По этике доказывания, этичности ограничения естественных прав человека в последнее двадцатилетие в России было написано достаточно литературы. И она в список не попала.

Вопрос о том, относится ли к философии права правосознание дискуссионен. Часть философов относит правосознание к философии права, а часть нет. Мы придерживаемся точки зрения член-корреспондента РАН Д.А. Керимова, который рассматривал правосознание в философских работах [22]. А.Ю. Шумилов данный вопрос, видимо, упустил. Если он не согласен с нами, то нужно было об этом сказать. Если согласен – обратить на правосознание должное внимание. С нашей точки зрения: для философии ОРД рассмотреть вопросы правосознания и деформации правосознания в ОРД было необходимо и важно.

Количество замечаний, имеющих отношение непосредственно к философии, можно значительно расширить.

В следующий раздел рецензии мы отнесли

вопросы, относящиеся скорее к подаче материала.

Так, в книге по философии ОРД полезно указывать список использованной автором литературы, в первую очередь по философии. Этот список показывает глубину проработки автором философского материала и позиции, которую он занимает.

При этом А.Ю. Шумилов как всегда приводит немало статистической информации, основанной в том числе на количестве публикаций и количестве цитирований [28, стр. 145-150]. К подобной информации мы относимся сдержанно и критично. Эта информация успевает устаревать еще до выхода книги. А главное, количество опубликованных работ и количество цитирований, по нашему убеждению, не являются главными показателями вклада автора в науку. Нам кажется, у нас есть моральное право так написать, поскольку мы имеем достаточно высокий индекс цитирований среди юридических наук (по индексу Хирша уверенно входим в первую сотню наиболее цитируемых авторов). Кроме того, являемся одними из немногих юристов, имеющих высокий индекс цитирований работ, отнесенных к философии. И все же систему цитирований и индексирований ученых мы критикуем!

К сожалению, уважаемый А.Ю. Шумилов достаточно болезненно воспринял наши замечания о фантомах в науке ОРД и отразил это в рецензируемой книге. Но какое отношение к философии имеют понятия: «оперативно-розыскная характеристика», «состав оперативно-розыскного мероприятия», «оперативно-розыскной кодекс»? Наверное, трудно спорить с тем, что они относятся к теории ОРД и может быть частично к теории права. Мы действительно многократно и жестко критиковали А.Ю. Шумилова за разработку этих понятий, считали и считаем, что они представляют собой фантомы, ложные направления развития науки ОРД и т.д. [6; 7]. Так, собственно, считаем не только мы [1, стр. 763-765; 24 стр. 153]. Но причем здесь философия? Однако А.Ю. Шумилов попытался нам возражать. Не комментируя его аргументы здесь, ответим, что для спора о данных понятиях есть другие книги и журналы, не посвященные философии ОРД.

Не так давно мы с В.П. Сальниковым опубликовали в журнале «Оперативник (сыщик)» положительную рецензию на первый том рецензируемого трехтомника, посвященного науке ОРД [21, стр. 67-69]. Он действительно удался и заслуживает всяческих положительных оценок. Но цель рецензии заключалась в том числе и в том, чтобы в последующих томах подтолкнуть уважаемого А.Ю. Шумилова к более критичной оценке некоторых высказанных им ранее идей и предложений. Это не вполне получилось.

Вообще рецензируемая книга содержит много оппонирования непосредственно к нам и нашим работам. Сей факт лишь подтверждает наш вывод о том, что работ по философии ОРД, конечно, пока очень мало. Спорить, критиковать и даже просто обменяться на страницах книги мнениями можно с очень небольшим количеством авторов. Нам конструктивная критика всегда по духу.

Если отстраниться от рецензии и просто задуматься о философии ОРД, то нам видится как минимум три разных направления исследований.

Первое: с философско-науковедческих позиций, чего явно не хватает науке ОРД. Как уже неоднократно отмечалось нами, наука ОРД нуждается в науковедческих работах, уточнениях объекта и предмета, методологии, фундаментальных исследованиях.

Второе: с философско-правовых позиций. Здесь философия права рассматривается не как составляющая философии науки, а как часть философии. В контексте философии права интересно рассмотреть вопросы о том, где и когда в ОРД появляется право, широки ли пределы правового регулирования ОРД, изучить оттенки понимания права применительно к ОРД, включая в ряде случаев право на бесправие. Например, оперативно-розыскная деятельность спецслужб Израиля направлена в том числе на установление места жительства лиц, совершивших ранее террористические акты и их убийство в качестве возмездия. В пределах ли права действуют эти спецслужбы? И почему такие действия не осуждаются обществом или по меньшей мере не вызывают резонанса? Что есть право в данном контексте?

Третье: с философских позиций оценки самого ОРД как вида деятельности. В таком контексте разворотов для философского творчества может быть очень много. Например, будут интересны философские исследования ОРД и власти; ОРД и собственности; ОРД и государства. Опять же, исторический опыт убедительно показывает, что многие государства с помощью ОРД осуществляли политические убийства. И для чего

же государствам в таком случае больше нужно ОРД: для раскрытия преступлений или политического сыска, расправы с неугодными?

Или другие философские вопросы, относящиеся к человеку. Например, ОРД и человек; ОРД и права человека; ОРД и тяга человека к сыску; ОРД и правосознание оперативных сотрудников. Эти вопросы, требующие философского рассмотрения, можно продолжить.

К сожалению, А.Ю. Шумилов многие из поднятых нами вопросов вообще не рассматривал.

Подводя итог рецензии отметим, что это первая книга А.Ю. Шумилова по философии ОРД и, пожалуй, по философии. Философские фрагменты и эпизоды встречались, конечно, и в других работах автора, но не имели обобщенной философской цели. Мы считаем, что книга написана слабее, чем ее может написать уважаемый А.Ю. Шумилов. У нас создалось впечатление, что ее автор спешил эту книгу скорее написать и издать. Именно этим мы объясняем встречающуюся в книге путаницу в терминах, недоработки, недосказанности и т.д. Мы остановились лишь на некоторых из них. Первый блин не то чтобы получился комом, но скажем так: книга нуждается в философско-редакторской правке.

Скажем честно, мы ожидали от книги большего и уверены, что и сам автор уже мечтает внести в нее коррективы.

С другой стороны, книга вышла – это бесспорный факт. Она уже попала в историю как книга, посвященная философии науки ОРД. Сама по себе попытка написать такую книгу заслуживает уважения.

А главное – эта книга, работы других ученых и наши скромные труды, бросают своеобразный мостик другим исследователям. Чем больше будет попыток рассмотрения ОРД с философских позиций, тем продуктивнее будет развитие нашей науки.

Искренне желаем уважаемому А.Ю. Шумилову и другим авторам успехов и достижений в познании философии ОРД.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Избранные труды. – М.: Норма, 2008. - 768 с.
2. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – 128 с. - (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
3. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – 176 с. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
4. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
5. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
6. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – С.-Пб.: СПбГУ, 2011. - 264 с.
7. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
8. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. - М.: Граница, 2017. - 424 с.
9. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
10. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения и прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3. – С. 135-141.

12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
13. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
14. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16.
15. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
17. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
19. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
20. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Когда ученому есть что сказать (Рецензия на книгу «Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография / А.Ю. Шумилов. В 3 Т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2013. Т. 1: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. – 455 с. (Теория и практика профессионального сыска)» // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1 (42). – С. 67-69.
22. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта+, 2000. - 560 с.
23. Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. – М.: Академия, 2007. - 432 с.
24. Рохлин В.И. Фундаментальный труд по ОРД. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенкова Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 151-156.
25. Современная западная философия: учебное пособие / Т.Г. Румянцева, А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, М.А. Можейко и др.; Под общ. ред. Т.Г. Румянцевой. - Мн.: Выш. школа, 2000. - 493 с.
26. Философия права: Учебник / Под ред. О.Г. Данильяна. – Харьков: Право, 2009. - 176 с.
27. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): Дис… докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
28. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. В 3 т. Том II: Философия оперативно-разыскной науки. – М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2013. - 415 с., схема.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2017, № 8

Выход в свет 29.08.2017. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 217.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!